2704
В
655

В. В. Бѣлоликовъ.

Литературная дѣятельность Блаж. Августина противъ раскола донатистовъ.

КІЕВЪ.
Тип. Акц. О-ва „Петръ Барскій въ Кіевѣ“. Крещатикъ, № 40.
1912.

В
655

Печатать дозволяется. 18 января 1912 г.
Ректоръ Академіи *Епископъ Иннокентій.*

ФУНД
Е
Общ ук
Академии Наук СССР
899
58

Литературная дѣятельность блаж. Августина противъ раскола донатистовъ[1].

I.

Характеристика бл. Августина, какъ противодонатистскаго дѣятеля.

Въ 392 году[2] на арену борьбы съ донатистами выступаетъ человѣкъ, всю свою жизнь посвятившій созиданію единства Церкви, всесторонне образованный, а главное,—человѣкъ съ страстной, пламенной душой, готовый ради истины и идеала пожертвовать всѣмъ личнымъ, который задумалъ въ борьбѣ съ донатистами совершить то, чего не могъ добиться воинскій мечъ[3]. Это былъ Августинъ пресвитеръ, впослѣдствіи епископъ Иппона, въ теченіе болѣе четверти вѣка стоявшій на стражѣ православія и постоянно наносившій удары расколу; послѣ него расколъ никогда не могъ подняться на ту высоту, съ которой свергли его геній и энергія Августина, и лишенный надежной опоры въ лицѣ исторіи и логики,—долженъ былъ влачить жалкое существованіе, пока не пробилъ его послѣдній часъ, и онъ безсильно палъ подъ ударами всесокрушавшаго вандализма.

---

[1]) Изъ курсового сочиненія студента Вас. Бѣлоликова подъ заглавіемъ „Дѣятельность бл. Августина противъ раскола донатистовъ".

[2]) Къ 392 году относится первое (XXIII) письмо Августина, имѣющее отношеніе къ исторіи донатизма (Migne, Patr. curs. compl. lat t. XXXIII, стр. 18 и 94).

[3]) Герье. Блаженный Августинъ. 481 стр.

Дѣятельность Августина противъ раскола вылилась въ многообразныя формы, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ, при какихъ должна была происходить борьба, а также въ зависимости отъ природныхъ свойствъ Августина, отличительной чертой котораго является богатство и разнообразіе психическихъ переживаній. Защитникъ и сторонникъ мира, Августинъ желалъ и стремился къ мирной борьбѣ съ донатистами, и его желанною формой борьбы съ ними было—собесѣдованіе съ противниками. Послѣднее [1]) удавалось очень рѣдко, такъ какъ донатисты, очевидно, не увѣренные въ силѣ и логичности аргументаціи своей доктрины и убѣжденные въ превосходствѣ Августина предъ ними въ отношеніи ума, краснорѣчія, образованности и такта, всячески уклонялись отъ собесѣдованій. Если же судьба и сталкивала ихъ съ Августиномъ, то они старались свести все значеніе собесѣдованій къ нулю, срывая ихъ въ интересные моменты, или запутывая пренія совершенно постороннимъ [2]). Не имѣя возможности повліять на донатистовъ личнымъ воздѣйствіемъ на собесѣдованіяхъ и диспутахъ, Августинъ обратился къ перу, и изъ-подъ его пера вылились полемическіе трактаты и письма. Донатисты не остались въ долгу,—и такимъ образомъ возникла цѣлая полемическая литература. Значеніе этого рода орудія въ борьбѣ съ расколомъ было понято и оцѣнено какъ православными, такъ и донатистами. Послѣдніе, выпуская въ свѣтъ свои литературныя произведенія, ни о чемъ такъ не заботились, какъ о томъ, чтобы ихъ сочиненія не попадали въ руки Августина [3]),

[1]) Намъ извѣстны лишь три случая собесѣдованія Августина съ донатистами: 1) въ 397 году съ Фортуніемъ, донатистскимъ епископомъ Тубурзика (Epist. XLIV. Migne XXXIII, 173 стр.; 2) въ 411 году на Карѳагенскомъ соборѣ и 3) въ 418 г. съ Эмеритомъ, епископомъ Цезареи Мавританской (De gestis cum Emerito Caesareensi Donatistarum episcopo". Migne XLIII и „Sermo ad Caesareensis eccleciae plebem", ibid.).

[2]) Такъ было, напр., на конференціи 411 года.

[3]) Contra litteras Petiliani Lib. II, c. I, p. I, lib. I c. XIX, p. 21; XXV г. 27; Migne t. XLIII.

который съ несокрушимой силой логики и знаніемъ исторіи не оставлялъ неразобранными и неопроверженными не только принципы, но даже самыя мельчайшія детали ихъ доктрины [1]).

Главнѣйшими вопросами полемики Августина являются: а) вопросъ о существѣ Церкви, насколько это связано было съ принципіальнымъ положеніемъ донатизма о своеобразно понимаемой имъ святости Церкви, легшимъ въ основу раскола и бывшимъ однимъ изъ мотивовъ его происхожденія; б) съ этимъ вопросомъ, какъ выводъ изъ него, въ тѣсной связи стоитъ вопросъ о таинствахъ, именно о томъ, чѣмъ обусловливается дѣйствительность ихъ: личностію-ли совершителя или объективными дарами благодати, независимо отъ человѣческихъ качествъ служителей Церкви, потому что теоретическое различіе взглядовъ на существо таинства выразилось и на практикѣ, въ ученіи донатистовъ о необходимости перекрещивать всѣхъ вступавшихъ въ ихъ общество и въ фактахъ перекрещиванія; с) третьимъ вопросомъ полемики, стоящимъ совершенно самостоятельно и безъ связи съ первыми, является вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству и связанный съ нимъ вопросъ о свободѣ совѣсти и правѣ принужденія въ дѣлѣ вѣры. Частное содержаніе ея въ существенныхъ чертахъ таково.

Центральнымъ вопросомъ полемики, около котораго группировались, или—лучше—изъ котораго вытекали другіе вопросы, былъ вопросъ о томъ,—гдѣ истинная Церковь, такъ какъ каждая изъ партій, опираясь почти на одни и тѣ же аргументы, утверждала, что только она одна владѣетъ истинной Церковью. И православные, и донатисты признавали, что существенными признаками Церкви являются:

---

[1]) Это особенно обнаруживается въ его сочиненіи: „Contra litteras Petiliani“, Lib. II, которое представляетъ собою какъ бы стенографически записанную бесѣду двухъ противниковъ.

единство, каѳоличность и святость, но, понимая различно эти признаки, они, исходя изъ одного общаго источника, въ выводахъ расходились весьма существенно. Единству Церкви у донатистовъ, съ точки зрѣнія православныхъ, противорѣчило раздѣленіе его внутри себя на мелкія секты, при чемъ раздѣленіе по ничтожнымъ, съ принципіальной точки зрѣнія, если не сказать больше, поводамъ доходило до взаимныхъ проклятій и насилій со стороны сильнѣйшихъ [1]). Каѳоличности донатистской общины, понимаемой (каѳоличности) ею въ смыслѣ цѣлостности, всеобъемлемости и чистоты ученія, Августинъ противопоставляетъ каѳоличность, понимаемую въ территоріальномъ смыслѣ; и его точка зрѣнія, базируясь на такомъ пониманіи, оказывается, конечно, болѣе сильною и вѣрною (не съ принципіальной, конечно, точки зрѣнія, а какъ антитеза доктринѣ донатистовъ) [2]).

Что касается признака святости, то можно съ несомнѣнностію сказать, что различное пониманіе святости Церкви было главною, если не исключительною причиною раздѣленія, и потому, конечно, на него направлено было главное вниманіе полемики.

Донатисты смѣшивали понятіе Церкви видимой, эмпирической съ понятіемъ Церкви идеальной, торжествующей, перенося свойства послѣдней на первую. Свою общину они признали Церковію въ идеалѣ, и съ этой точки зрѣнія и рѣшали вопросъ, въ чемъ сущность Церкви. Земная Церковь для нихъ не есть всемірное зданіе, зданіе непрерывно строющееся на фундаментѣ—Христѣ, а зданіе уже законченное, общество святыхъ, избранныхъ, и какъ таковое, оно не можетъ терпѣть въ своей средѣ людей порочныхъ, въ особенности предателей (traditores), т. е. людей, запятнав-

---

[1]) Напр., Contra litt. Petiliani, Lib. II. c. XLIII—XLIV, p. 101—4.
[2]) Contra litt. Petiliani, Lib. II, c. XXXVII, p. 90—91.

щихъ себя выдачею свв. книгъ во время гоненія Діоклетіана. Это требованіе безпорочности, понимаемой въ данномъ случаѣ въ особенномъ, специфическомъ для раскола, смыслѣ, предъявляется въ особенности предстоятелямъ Церкви, епископамъ и клирикамъ, потому что характеристическимъ признакомъ истинной Церкви, по ученію донатизма, является не объективная вселенская организація, а святость, выражающаяся въ личномъ совершенствѣ ея святителей: истинная Церковь не можетъ имѣть и терпѣть въ своей средѣ порочныхъ святителей; иначе она сама оскверняется ихъ пороками и перестаетъ быть святой, не имѣетъ благодати, таинствъ, сама обращается въ общество предателей. Какъ ап. Іуда утратилъ самымъ фактомъ своего предательства свое апостольское достоинство и на его мѣсто былъ избранъ другой, такъ же точно и священнослужитель, виновный въ предательствѣ, тѣмъ самымъ утрачиваетъ свой санъ [1]). Отсюда всѣ таинства, совершенныя недостойными совершителями, должны быть признаваемы недѣйствительными. Отсюда требованіе со стороны донатистовъ вторичнаго крещенія тѣхъ, которые крещены порочными священнослужителями и Но стоя на такой точкѣ зрѣнія, они неминуемо должны были придти къ противорѣчію. Кто можетъ испытать совѣсть другого такъ, чтобы не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея чистотѣ? О многихъ лицахъ, совершителяхъ таинствъ, совершенно неизвѣстно, каковы они въ нравственномъ отношеніи, каково ихъ поведеніе, убѣжденія и т. д. Какъ поступать въ такихъ случаяхъ? И донатизмъ долженъ былъ сдѣлать уступку, признавъ, что подъ святостью Церкви разумѣется только отсутствіе явныхъ пороковъ и преступленій [2]). Церковь не можетъ быть опорочена тайными преступленіями своихъ членовъ.

---

[1]) Lib. II, c. VII, 17.
[2]) Lib. I, c. I, p. 2; c. II, p. 3.

По ученію же православныхъ, представителемъ которыхъ является Августинъ, конечно, безъ его крайнихъ выводовъ, необходимо различать Церковь воинствующую, Церковь земную, представляемую и созерцаемую нами эмпирически, отъ церкви торжествующей, идеальной. Первая представляется полемъ, на которомъ растутъ вмѣстѣ и пшеница и плевелы [1]), неводомъ, который извлекаетъ вмѣстѣ и хорошую и дурную рыбу, при чемъ, по повелѣнію хозяина поля, плевелы не выдергиваются изъ поля, а остаются расти до послѣдней жатвы. Значитъ, Церковь терпитъ въ своей средѣ и грѣшниковъ и отъ этого не перестаетъ быть святою. Святость ея обусловливается не личными качествами ея членовъ, а характеромъ ея, какъ вселенской организаціи, во главѣ которой стоитъ Христосъ, освящающій человѣка и сообщающій ему Свою благодать въ таинствахъ и установленіяхъ церковныхъ. Спасительная сила Церкви заключается, такимъ образомъ, „въ объективныхъ дарахъ благодати, связанныхъ съ самымъ совершеніемъ таинства, независимо отъ личности совершающаго таинство“ [2]). Поэтому, если таинство совершается даже лицомъ омертвѣвшимъ въ грѣхѣ, даже еретикомъ, оно остается таинствомъ Бога живаго, Который всегда чистъ, непороченъ, живъ и никогда не умираетъ [3]), и какъ живъ Онъ, такъ живо и таинство, и даже въ мертвомъ грѣхами не умираетъ [4]). Если же таинство совершается лицомъ святымъ, непорочнымъ, опять таки не это лицо оправдываетъ, освящаетъ человѣка, а Христосъ [5]). Такимъ образомъ, Августину пред-

[1]) Contra litt. Petiliani, Lib. II, p. 41, 53, 61, 108.

[2]) Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V в. ч. I. Міросозерцаніе бл. Августина, князя Е. Трубецкого. М. 1899 г. стр. 109.

[3]) Contr. litt. Petil. Lib. I, c. V, p. 6; c. IX—10; c. VII—8.

[4]) Ibid. Lib. II, c. VII, p. 15.

[5]) Ibid. Lib. I, c. V, p. 6.

стояло показать, въ чемъ сущность Церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшить вопросъ, обусловливается-ли спасительная сила Церкви и ея таинствъ субъективнымъ состояніемъ ея предстоятелей, ихъ личнымъ совершенствомъ, или она коренится въ объективной Божественной организаціи, дѣйствующей и спасающей силою Божіею, независимо отъ человѣческихъ качествъ служителей Церкви [1]).

Но этимъ содержаніе полемики блаж. Августина не исчерпывается. Ему предстояла еще задача, задача не менѣе серьезная, чѣмъ первая. Расколъ донатистовъ жилъ идеями сепаратизма какъ въ церковномъ, такъ и въ гражданско-политическомъ отношеніи. Почвы для этихъ идей нужно искать какъ въ характерѣ и особенностяхъ культурно-соціальной жизни обитателей латинской Африки, такъ и въ своеобразномъ ученіи ихъ о существѣ Церкви. Святость Церкви представляется для нихъ чѣмъ-то географически опредѣленнымъ. „Церковь, какъ общество святыхъ, сохранилась только въ Африкѣ, совпадая съ территоріальными предѣлами донатистской общины“ [2]). Другія церкви, заморскія, по терминологіи донатистовъ, утратили свою чистоту—и донатисты, чтобы смѣшеніемъ съ порочными и предателями не терять своей чистоты, отдѣлились отъ нихъ. Подъ этимъ скрывался протестъ противъ Церкви вселенской, какъ таковой, противъ принципа вселенской церковной организаціи, существующей объективно, независимо отъ совершенства и достоинства лицъ, ее представляющихъ [3]).

Къ восточнымъ церквамъ африканцы никогда не обнаруживали особеннаго тяготѣнія. Римская же церковь, хотя и ближе стояла къ Африкѣ, осудила расколъ и тѣмъ, ко-

---

[1]) Трубецкой, стр. 109.
[2]) Ibid. 112.
[3]) Ibid. 114.

нечно, подорвала и тѣ незначительныя симпатіи, какія проявлялись къ ней раньше. Итакъ, расколъ отдѣлился отъ вселенской Церкви, признавая только свою общину истинною Церковію и бросая грязью въ Церковь, которой даны великія обѣтованія, и которая простирается отъ моря до моря, т. е. по всей вселенной, начиная отъ Іерусалима. Августину предстояло показать, что однимъ изъ существенныхъ признаковъ Церкви является вселенскій ея характеръ, что вселенская Церковь не утратила своей чистоты, не потеряла наслѣдія, даннаго ей Богомъ, и потребовать отъ донатистовъ объясненія, почему они отдѣлились отъ лона вселенской Церкви.

Духъ сепаратизма обнаружился не только въ отдѣленіи донатистовъ отъ общенія со вселенскою Церковію, но еще больше въ воззрѣніи на отношенія между Церковію и государствомъ, каковое воззрѣніе упорно проводилось ими въ жизнь. Донатизмъ былъ знаменемъ, собравшимъ около себя туземные элементы, противящіеся Риму и его цивилизаціи. „Какое дѣло императору до Церкви?“, сказалъ Донатъ карѳагенскій, встрѣчая императорскихъ уполномоченныхъ [1]), и въ этихъ словахъ донатизмъ ясно выразилъ идею полнаго отдѣленія Церкви отъ государства. Помимо вѣчной ненависти къ Риму, здѣсь не малую роль играло и то обстоятельство, что гражданское правительство осудило расколъ и преслѣдовало его. Что этотъ мотивъ имѣлъ не маловажное значеніе для выработки указаннаго воззрѣнія, на это можно видѣть указаніе въ словахъ Петиліана, что цари вѣка сего являются только враждебными по отношенію къ христіанамъ [2]), и въ той аргументаціи этихъ словъ, какую онъ далѣе и представляетъ. Это воззрѣніе выразилось и практически, въ цѣломъ рядѣ противленій свѣтской власти.

---

[1]) В. Герье, Блаженный Августинъ, 481 стр.

[2]) Contra litt. Petil. Lib. II, c. XCII, p. 202.

Циркумцелліоны, Гильдонъ, Вандалы—вотъ три слова, которыя могутъ много сказать человѣку, знакомому съ исторіей донатизма. Насколько искренни были донатисты въ своихъ воззрѣніяхъ на этотъ предметъ, сказать трудно. Августинъ указываетъ намъ на нѣкоторые факты [1]) (обращеніе донатистовъ къ императорамъ Константину Великому, Юліану Отступнику, связь съ Гильдономъ), которые набрасываютъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на искренность ихъ. Быть можетъ, если бы свѣтская власть относилась снисходительно къ нимъ, они держались бы иныхъ воззрѣній. Какъ бы то ни было, но Августину пришлось встрѣтить не мало упрековъ со стороны апологетовъ донатизма въ томъ, что православные прибѣгаютъ за помощью къ свѣтской власти, подстрекаютъ ее на преслѣдованіе донатистовъ, представляютъ ей ложь вмѣсто истины. Августину предстояло показать, что „добрыя дружественныя отношенія Церкви къ царямъ не составляютъ грѣха“ [2]), что цари имѣютъ право защищать истинную религію отъ нападокъ на нее со стороны нечестивыхъ, имѣютъ право наказывать еретиковъ, и въ дальнѣйшемъ—выдвинуть свое „coge intrare“. А на обвиненіе въ томъ, что православные, вмѣстѣ со свѣтскою властію, преслѣдуя раскольниковъ, дѣлаютъ многихъ мучениками, Августину предстояло отвѣтить разъясненіемъ, въ чемъ онъ понимаетъ истинное мученичество, и удовлетворяютъ ли идеалу мученичества мученики донатистовъ.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе полемическихъ сочиненій Августина противъ донатистовъ. Конечно, не во всѣхъ сочиненіяхъ онъ занимается подробнымъ разсмотрѣніемъ всѣхъ вопросовъ. Въ нѣкоторыхъ онъ дѣлаетъ это, въ другихъ обращаетъ преимущественное или даже исключительное вниманіе на какой нибудь интере-

---

[1]) Ibid., lib. II. p. 224.

[2]) Кутеповъ, Расколъ донатистовъ Казань. 1884 г. 135 стр.

сующій вопросъ, слегка касаясь, а иногда и совсѣмъ обходя другіе вопросы. Это, конечно, объясняется цѣлію и назначеніемъ его полемическихъ сочиненій.

Что касается пріемовъ полемики, то они были различны, что̀ обусловливается, конечно, обстоятельствами, цѣлію полемики и личнымъ характеромъ полемиста. Для Августина представлялось, что истина, ясно и опредѣленно выраженная, способна сама по себѣ увлечь сердца людей. Для этого, конечно, необходимо было бы излагать положительное ученіе, стараясь о томъ, чтобы изложеніе отличалось, съ одной стороны, ясностію и опредѣленностію, чѣмъ избѣгалось бы непониманіе вообще или превратное пониманіе, съ другой—особыми красотами, вліяющими на душу читателя. Насколько могло удасться и удалось первое, мы можемъ судить на основаніи того, что Августинъ былъ блестяще образованный человѣкъ, боевой риторъ, знакомый съ законами діалектики и элоквенціи, человѣкъ съ тонкимъ анализомъ, который могъ замѣтить діалектическія хитросплетенія и распутать ихъ. Истина Августинова ученія настолько была ясна для донатистовъ (хотя по своему фанатизму они не слѣдовали за нею), что они ничего такъ не боялись, какъ того, чтобы ихъ сочиненія, пастырскія посланія и т. п. не попали въ руки Августина, который бы не оставилъ безъ вниманія ни одного пункта, а подвергнувъ все безпощадной силѣ своего анализа, привелъ бы ad absurdum положенія противниковъ и въ противоположность имъ засвѣтилъ бы яркій свѣточь истины, стараясь при этомъ о томъ, чтобы его слова не могли ни въ комъ возбудить сомнѣнія и не послужили къ соблазну. Блестящее природное дарованіе Августина, котораго въ немъ никто никогда не отрицалъ, его образованность, знакомство съ риторикой и діалектикой, его широкое христіанское образованіе, которое особенно обнаружилось въ широкомъ пользованіи имъ св. Писаніемъ и св. Преданіемъ, знаніе исторіи, — все это

соединилось вмѣстѣ въ его полемическихъ сочиненіяхъ. Не имѣя возможности бороться съ нимъ прямо и открыто, вожди донатистовъ старались набросить на него тѣнь, упрекали его въ знакомствѣ съ риторикой и діалектикой, будто бы несовмѣстимыми съ христіанствомъ. Петиліанъ въ своихъ сочиненіяхъ обвиняетъ Августина въ діалектикѣ, выставляя ее на позоръ предъ судомъ народа, какъ мастерицу лжи, и отождествляя Августина съ риторомъ Тертулломъ, противникомъ ап. Павла [1]). Еще болѣе рѣзко отзывается о діалектикѣ Августина другой его литературный противникъ, грамматикъ Кресконій, полагающій сущность діалектики въ умѣніи спорить и потому упрекающій Августина въ томъ, что онъ спорщикъ [2]). Августину пришлось выступить защитникомъ діалектики, при чемъ пришлось выяснить ея сущность. Это—искусство, научающее лишь доказывать, что изъ чего слѣдуетъ, истина ли изъ истины, или ложь изо лжи, и оно нисколько не страшно для христіанскаго ученія [3]). Къ діалектикѣ прибѣгалъ ап. Павелъ (Дѣян. 17, 18); и даже самъ Христосъ не уклонялся отъ бесѣды съ фарисеями, не смотря на ухищренія уловить Его на словѣ [4]).

Вмѣстѣ съ діалектикой Августинъ пользовался и краснорѣчіемъ, искусствомъ красиво, изящно, съ риторическими пріемами и украшеніями, или какъ выражается самъ Августинъ—способностью складно (congruenter) сказать то что мы думаемъ; прибѣгать къ нему надо тогда, когда мы правильно думаемъ, но не такъ, какъ пользовались имъ еретики [5]).

---

[1]) Герье. Блаж. Августинъ, стр. 500. Contr. litt. Petiliani, lib. III. c. XVI, 19.

[2]) Contra Cresconium Grammaticum partis Donati. Lib. I, c. 2; c. II, p. 3.

[3]) Ibid. p. 19—20, 25.

[4]) Ibid. p. 14, 17.

[5]) Герье. Блаж. Августинъ, стр. 501.

Что касается тона полемическихъ сочиненій Августина, то его полемика въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ полемики его противниковъ. Тонъ его сочиненій, какъ онъ однажды выразился,—„мирный“ [1]). Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно усмотрѣть юморъ и даже сарказмъ, объясняемый, конечно, страстностью полемики, но не смотря на это, Августину нельзя отказать въ корректности и благородствѣ. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ встрѣчался съ оскорбленіями, ругательствами литературнаго противника, онъ какъ бы извиняетъ его, приписывая ихъ не злобѣ, а умственной слѣпотѣ, неразумію, глупости противника [2]). Насъ удивляетъ тонъ его обращенія къ вождямъ донатистовъ.

Такимъ образомъ, хотя Августинъ и не пренебрегаетъ средствами діалектики, однако онъ превосходитъ своихъ противниковъ искренностью и христіанскимъ смиреніемъ [3]).

Къ полемическимъ трактатамъ близко примыкаютъ письма, писанныя Августиномъ къ разнымъ лицамъ по различнымъ поводамъ. Всѣ письма Августина, имѣющія отношеніе къ исторіи борьбы его съ расколомъ, можно раздѣлить на три класса. Одни изъ нихъ были адресованы къ православной паствѣ, друзьямъ, знакомымъ, сотрудникамъ на нивѣ Христовой [4]). Въ нихъ можно найти не мало историко-полемическаго матеріала, представляемаго имъ для предупрежденія и предохраненія православныхъ отъ заблужденій и козней раскольниковъ и, попутно, для обличенія послѣднихъ. Другія—адресованы къ свѣтской власти, такъ какъ послѣдняя всегда внимала голосу Августина и нерѣдко сама обращалась къ нему съ запросами по тѣмъ или инымъ

---

[1]) Cont. litt. Petil. Lib. I, c. I, p. I.
[2]) Ibid. Lib. II, p. 76, 78, 152.
[3]) Герье. Блаж. Августинъ, 508.
[4]) Письма: 22, 43—44, 53, 58, 61, 70, 107, 111, 112, 142, 144. Migne, t. 33. P. L.

недоумѣнныымъ вопросамъ политики въ отношеніи къ расколу[1]). Наконецъ, третій классъ писемъ—письма къ донатистамъ по разнымъ поводамъ, то обличительнаго характера, то призывающія донатистовъ на собесѣдованія и отвѣты[2]). Должно быть, и въ нихъ были тѣ же качества, что и въ посланіяхъ, потому что донатисты почти всегда оставляли ихъ безъ отвѣта.

Ex officio[3]), какъ пастыря, вытекала новая форма—публицистическая проповѣдь, въ которой онъ, касаясь запросовъ современной ему жизни, не могъ оставить безъ вниманія и донатистовъ; въ его проповѣдяхъ мы находимъ нерѣдко увѣщанія остерегаться раскольниковъ и опроверженіе ихъ заблужденій[4]).

Его проповѣдническая дѣятельность должна была имѣть громадный успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, помимо громаднаго запаса знаній изъ области богословія, философіи, исторіи, Августинъ обладалъ спеціальными знаніями изъ области краснорѣчія, какъ науки. Августинъ слушалъ курсъ публичныхъ лекцій въ Карѳагенѣ[5]), посѣщалъ публичныя лекціи въ Римѣ[6]) и, наконецъ, былъ назначенъ учителемъ краснорѣчія для публичныхъ курсовъ въ Миланѣ[7]). Не удивительно, поэтому, что, когда вооруженный такимъ запасомъ знаній Августинъ выступилъ съ церковной каѳедры противъ донатистовъ, послѣдніе сразу уже обратили на него вниманіе и замѣтили всесокрушающую силу его дара

---

[1]) Письма: 56—57, 86, 89, 97, 100, 128—129, 133, 134, 139, 185, 204. Migne, P. L. t. 33

[2]) Письма: 23, 33—34, 35, 49, 51—52, 66, 76, 87, 88, 93, 105—106, 108, 173. Migne, P. L. t. 33.

[3]) Sermo 304. Migne, t. 38, стр. 14, 82—84.

[4]) Sermones: 10, 46, 47, 88, 90, 99, 129, 138, 146, 265, 268, 269, 292, Migne, t. 38, 357—360. Migne, t. 39.

[5]) Герье. Блаж. Августинъ, 25.

[6]) Ibid. 31.

[7]) Ibid. 32.

слова. Какъ вліяли его проповѣди на донатистовъ, видно изъ того, что донатисты называли его соблазнителемъ, обманщикомъ, волкомъ, котораго надо умертвить для сбереженія стада[1]). Между тѣмъ, это не былъ проповѣдникъ-обличитель. Онъ нѣжными красками, иногда растворяемыми слезами любви, изображаетъ намъ нравы и обычаи своего времени, и это потому, что онъ имѣлъ нѣжную душу, и отъ этой нѣжности, которая дѣлала его такъ снисходительнымъ къ заблужденіямъ человѣческимъ, онъ никогда не могъ освободиться.

Точно такимъ же характеромъ запечатлѣны нѣкоторыя его гомиліи на ев. Іоанна[2]) и псалмы[3]), въ которыхъ онъ, подобно Златоусту, давая посильное, въ христіанскомъ духѣ, освѣщеніе запросовъ современной жизни, касался и исторіи донатистовъ, то обличая ихъ, то освѣщая съ исторической точки зрѣнія причины появленія раскола и доказывая его несостоятельность и непослѣдовательность.

Наконецъ, едва ли не самою важною формою борьбы Августина съ донатистами является его участіе на соборахъ, которые въ Африкѣ собирались чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Соборы его времени не малое вниманіе обращали на зло африканской церкви—расколъ донатистовъ, обсуждали мѣры противъ него, и душою этихъ соборовъ часто являлся Блаж. Августинъ[4]), выдвигавшійся, вѣроятно, изъ среды другихъ и своею образованностію, и горячностію, и талантливостью. На знаменитомъ соборѣ 411 года онъ былъ однимъ изъ видныхъ его членовъ.

---

[1]) Vita Augustini Auctore Possidio, c. IX, Migne, t. XXXII, стр. 41.

[2]) In Joann. Evang. tr. IV—VI, IX—XXIII. In. Epist. Joann. t. I—IV. P. L. Migne, t. 34.

[3]) Enarr. in Ps. 10, 25, 30, 32, 33, 35, 36, 39, 54, 57, 85, 95, 98, 101, 119, 124, 132, 145, 147, 149. P. L. Migne, t. 36—37.

[4]) Августинъ присутствовалъ на соборахъ: 393, 397, 398. 401, 403, 404, 411, 412, 418.

Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ донатистами талантъ Августина могъ развернуться во всей широтѣ; его геній могъ проникнуть всюду и вездѣ разрушить то, что не могло устоять противъ силъ добра и правды, во имя которыхъ такъ ратовалъ блаж. Августинъ.

II.

Обзоръ противодонатистскихъ полемическихъ трудовъ бл. Августина.

Время отъ 400 до 402 года было весьма плодотворнымъ для Августина. Въ это время вышли въ свѣтъ важнѣйшія его полемическія сочиненія. Въ 400 году имъ было написано сочиненіе противъ Парменіана [1]), „О крещеніи“ [2]) и начато сочиненіе „Противъ Посланія Петиліана“ [3]) (I—II книги). Немного спустя, написано сочиненіе „О единствѣ Церкви“ [4]) и III книга противъ Петиліана [5]). Это былъ, можно сказать, цвѣтъ литературной полемики Августина противъ донатизма, такъ какъ прежнія его сочиненія въ этомъ, родѣ, напр., Псаломъ, представляютъ лишь опыты полемики и не имѣютъ большого значенія въ исторіи борьбы. Въ нихъ еще только намѣчены тѣ пункты, вокругъ которыхъ вращалась потомъ дальнѣйшая полемика, въ которой мы

---

[1]) „Contra Epistolam Parmeniani,“ libri tres. Написано около 400 года (Migne t. XLIII, 33 стр. примѣч. „a“. Vita Augustini, Lib. V, c. III, p. 5).

[2]) „De Baptismo Contra Donatistas“ libri septem. Написано около 400 года вскорѣ послѣ книгъ „Contra Epistolam Parmeniani“ (Migne t. XLIII, 107 стр. примѣч. „a“.

[3]) „Contra litteras Petiliani Donatistae Cirtensis episcopi“. Libri I—II. Написано около 400 года (ibid. 243—44 стр. Admonitio и 245 примѣч. „a“. См. Histoire générale des auteurs sacrés et ecclesiastique par Ceillier. t. XI, стр. 705 и Творенія Блаж. Августина. Переводъ Кіев. Дух. Акад. т. I, стр. 31).

[4]) „Ad catholicas epistola contra Donatistas vulgo De unitate Ecclesiae“ Lib. I. Написано послѣ II книги „Contra Epistolam Petiliani“ (Migne t. XLIII, 389—90. Admonitio и „De Unitate Ecclesiae“ c. I, p. I).

[5]) Написано около 402 года.

видимъ полное и подробное раскрытіе и разборъ всѣхъ пунктовъ раскольнической доктрины и возможныхъ изъ нея выводовъ.

Первымъ литературнымъ противникомъ Августина былъ уже умершій тогда епископъ Парменіанъ. Онъ былъ преемникомъ Доната на епископской каѳедрѣ города Карѳагена и пользовался большой извѣстностью, какъ человѣкъ образованный, извѣстный знаніемъ св. Писанія и основательностію сужденій. Его авторитетъ былъ такъ высокъ, что донатисты изъ уваженія къ нему называли себя Парменіанистами [1]). Занявши каѳедру послѣ одного изъ главнѣйшихъ столповъ донатизма, Парменіанъ естественно привлекъ къ себѣ взоры всѣхъ, и чтобы оправдать возлагаемыя на него надежды, выступилъ литературнымъ апологетомъ донатизма. Онъ выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе въ защиту раскола. Въ опроверженіе этого сочиненія Оптатъ Милевитскій написалъ сочиненіе „О схизмѣ донатистовъ“ [2]). Внутреннія дѣла раскола, именно расколъ въ немъ самомъ, побудили Парменіана еще разъ выступить на защиту донатистовъ, какъ противъ Тихонія, раскольника въ самомъ расколѣ, такъ и противъ православныхъ. Тихоній Грамматикъ, противъ котораго писалъ Парменіанъ, былъ знатокомъ богословскихъ и свѣтскихъ наукъ и, по отзыву блаж Августина, краснорѣчивымъ и остроумнѣйшимъ писателемъ [3]). Какъ человѣкъ образованный, изучившій хорошо св. Писаніе, Тихоній въ своихъ сочиненіяхъ по спорнымъ между православіемъ и донатизмомъ вопросамъ близко подходитъ къ православнымъ. Такъ онъ высказалъ православное возарѣніе на вселенскій характеръ Церкви Христовой, которая должна распространиться по всей землѣ и

---

[1]) Кутеповъ. Расколъ донатистовъ, 67 стр.
[2]) Migne t. XLIII. стр. 31—32. Admonitio.
[3]) Contra Epist. Parmeniani. Lib. I, c. I, p. I, 33 стр.

между всѣми народами. Точно также онъ близко подходитъ къ православнымъ въ вопросѣ о святости Церкви. По его воззрѣнію, Церковь есть еще строющееся зданіе, въ которомъ находятся вмѣстѣ сосуды къ чести и сосуды не къ чести [1]), и она не перестаетъ быть святою и тогда, когда въ ея лонѣ есть и грѣшники, и потому грѣшники должны быть терпимы въ Церкви до послѣдняго суда Господня [2]). Такая уступчивость со стороны одного изъ ученѣйшихъ членовъ партіи, конечно, могла вызвать большой соблазнъ среди его единовѣрцевъ. Поэтому Парменіанъ и выступилъ къ нему съ посланіемъ, въ которомъ увѣщевалъ его отказаться отъ своихъ воззрѣній на Церковь [3]).

Не смотря на то, что ко времени Августина Парменіанъ уже умеръ, уваженіе къ его личности и сочиненіямъ въ расколѣ было еще сильно, и Августинъ счелъ нужнымъ снова писать опроверженіе на его сочиненіе, тѣмъ болѣе, что этого просили отъ него православные. Другимъ побужденіемъ писать противъ Парменіана было то, что онъ слишкомъ произвольно изъяснялъ св. Писаніе [4]).

Сочиненіе противъ Парменіана написано около 400 года и состоитъ изъ 3 частей или книгъ. Въ первой изъ нихъ, наиболѣе важной для насъ съ исторической точки зрѣнія, Августинъ возражаетъ противъ обвиненій и несправедливыхъ жалобъ Парменіана по адресу православныхъ и доказываетъ, что христіанскія власти, по обязанности и долгу своему, правильно употребляютъ наказанія для обузданія еретиковъ и схизматиковъ. Во второй и третьей разбираются и оцѣниваются свидѣтельства Писанія, приводимыя Парменіаномъ въ защиту своихъ положеній, и пре-

---

[1]) Retractationes. Lib. II, c. 18, стр. 638.
[2]) Contra Parmeniani. Lib. III, 17, стр. 95.
[3]) Ibid., Lib. I, I.
[4]) Ibid.

ФУН[illegible]
Б[illegible]
Общ[illegible] Наук
Академии Наук СССР

вратнымъ толкованіемъ коихъ донатисты увлекали неопытныхъ.

Съ исторической точки зрѣнія для насъ болѣе важна первая книга, такъ какъ двѣ послѣднія могутъ быть относимы скорѣе къ экзегетическимъ произведеніямъ Августина, хотя въ нихъ постоянно прорывается тенденція, опираясь на научно-логическій экзегесисъ, подрывать основы донатизма.

Въ началѣ первой книги, указавши поводъ къ написанію даннаго сочиненія въ томъ, что Парменіанъ дѣлалъ нападки на своего единовѣрца Тихонія, сумѣвшаго по своему уму и образованности стать выше своихъ собратій, приблизившагося въ своихъ воззрѣніяхъ къ православнымъ и пострадавшаго за это отъ своихъ единовѣрцевъ, Августинъ шагъ за шагомъ разбираетъ нападки Парменіана и обвиненія православныхъ въ предательствѣ. Парменіанъ обращается къ исторіи Церкви и говоритъ, что галлы, испанцы, италійцы и ихъ союзники, подъ которыми онъ разумѣетъ весь міръ, совершенно сходны съ Африканскими предателями, въ силу общности преступленій и поступковъ. Но бросая грязью во вселенскую Церковь, Парменіанъ дѣлаетъ это безразсудно и неосновательно, такъ какъ не имѣетъ достовѣрныхъ свидѣтельствъ и документовъ. Возражая Парменіану, Августинъ пользуется доказательствами Тихонія Приведя обѣтованіе Божіе, данное Аврааму, Исааку и Іакову, что въ ихъ сѣмени благословятся всѣ народы земные, что́ ясно указываетъ на вселенскій характеръ Церкви, Августинъ доказываетъ, что сѣмя Авраамово не погибнетъ, такъ какъ слово Божіе истинно. Если же донатисты указываютъ на то, что у нихъ есть много свидѣтелей, говорящихъ за нихъ и противъ православныхъ, то кому вѣрить: людямъ-ли, или Богу, давшему великія обѣтованія. Это противопоставленіе авторитетовъ божескаго и человѣческаго съ яснымъ предпочтеніемъ перваго встрѣчается у Авгу-

стина весьма часто. Донатисты, отчасти произвольно, а отчасти руководясь принципами своей доктрины, возвышали человѣческій авторитетъ слишкомъ высоко и подчасъ ставили его если не выше явной истины, то, во всякомъ случаѣ, часто наравнѣ съ нею, съ упорнымъ фанатизмомъ закрывая глаза на показанія Писанія, или же грубо-тенденціозно извращая и понимая ихъ. По этому Августинъ предлагаетъ донатистамъ избрать каждому, кто что хочетъ, предупреждая ихъ, что человѣческій авторитетъ, какъ бы онъ ни былъ высокъ, если даже въ представленіи донатистовъ дойдетъ до неба, тамъ все равно обратится въ вѣтеръ. Почему же донатисты предпочитаютъ человѣческій авторитетъ? А потому, что это для нихъ выгодно. Если бы Парменіанъ не сильно желалъ каѳедры, онъ предпочелъ бы вѣрить Писанію, чѣмъ своимъ коллегамъ [1]). А результатомъ этого предпочтенія явилось то, что донатисты отказываются вѣрить обѣтованіямъ Божіимъ о распространеніи Церкви по всей вселенной, забывая, что Богъ—истина, а человѣкъ—ложь, и въ своемъ фанатизмѣ называютъ себя только христіанами, обвиняя вселенскую Церковь въ предательствѣ во времена преслѣдованія, забывая или, лучше сказать, не обращая никакого вниманія на законы и факты исторіи [2]), которая ясно показываетъ, что донатисты сами не удовлетворяютъ требованіямъ своей доктрины, терпя намѣренно и ненамѣренно преступниковъ и вообще порочныхъ людей, даже епископовъ, уличенныхъ въ предательствѣ. Если же существованіе въ африканской православной Церкви предателей уже однимъ фактомъ единенія съ другими церквами оскверняетъ ихъ, то тогда предъ нами встаетъ дилемма: кому вѣрить,—Богу-ли, давшему обѣтованія наслѣдія во всей вселенной, или донатистамъ съ ихъ противохристіан-

---

[1]) Ibid., Lib I, c. II, 3.
[2]) C. III, 4—5.

скимъ положеніемъ: въ сѣмени Африканскихъ предателей погибли всѣ народы [1]). Одного внѣшняго общенія мало для того, чтобы заморскія церкви могли оскверниться. Ап. Павелъ радовался, видя проповѣдниковъ евангелія, хотя они были люди недостойные, и не порывалъ общенія съ ними изъ боязни осквернения [2]).

Бросая тѣнь на всю вселенскую Церковь, Парменіанъ особенно виновными считаетъ Осію, епископа кордубскаго, и Цециліана. Осія возбудилъ антипатію донатистовъ потому, что по порученію императора производилъ разслѣдованіе дѣла донатистовъ и по разслѣдованіи представилъ императору дѣло не въ благопріятномъ для донатистовъ освѣщеніи. Но то, что они говорятъ объ Осіи, не можетъ быть доказано такъ, чтобы истина была ясна и очевидна; съ другой стороны, если и было что-нибудь подобное въ исторіи, то оно передано донатистами съ тенденціозными извращеніями и неправильно понято [3]). Въ дѣлѣ же Цециліана они запятнали сами себя тѣмъ, что вмѣсто мира, къ которому они будто бы стремились, они, намѣреваясь побѣдить человѣка, были побѣждены гнѣвомъ и сами разрушили то, къ чему стремились [4]). А разрушили они единеніе мира и совершили грѣхъ большій изъ всѣхъ грѣховъ, такъ какъ возстали противъ очевидной истины, и въ безсильной злобѣ и ослѣпленіи обвиняли въ грѣхахъ совершенно невинныхъ. Фактомъ обвиненія заморскихъ церквей въ намѣнѣ и отдѣленія отъ нихъ, они, по мысли Августина, сами опровергли свою ложь, такъ какъ, констатируя фактъ существованія въ Африкѣ двухъ партій, они признаютъ невинною ту, которая получила бы оправданіе у заморскихъ

---

[1]) Ibid. 5.
[2]) Филипп. I, 15, 17—18.
[3]) Lib. I, c. IV, 7.
[4]) C. IV, 8.

церквей. Невинною оказалась партія православныхъ, на защиту коей стала и церковь и правительство, а донатисты опять въ безсильной злобѣ вынесли обвиненіе и ропотъ по адресу самихъ судей, и въ гнѣвѣ схизмы отсѣкли себя отъ тѣхъ невинныхъ, которые гораздо разумнѣе и не желали вѣрить тому, что говорилось о самихъ судьяхъ [1]).

Чтобы рельефнѣе выставить всю преступность схизмы донатистовъ, Августинъ обращается къ нимъ съ вопросомъ отъ лица церкви филадельфійской, имя которой значитъ— братская любовь, и которая въ устахъ Августина является олицетвореніемъ всей Церкви: „изъ-за чего на меня свирѣпствуете, братья, за что обвиняете?“ Она совершенно не виновна въ предательствѣ Африки, потому что даже не знаетъ Африки и ея обитателей. Донатисты пространствомъ хотя и отдѣлены отъ нея, но Христомъ, Который пострадалъ за всѣхъ людей и всѣхъ искупилъ отъ грѣха, они соединены съ христіанами всѣхъ странъ. Что касается основаній, по которымъ донатисты отдѣлились отъ Церкви, то они свидѣтельствуютъ о злорѣчіи и горькой ненависти донатистовъ по отношенію къ вселенной, благодаря которой они осмѣливаются утверждать, что ради нихъ, донатистовъ, Христосъ потерялъ Свое наслѣдіе [2]). Нѣтъ, пусть донатисты сначала посмотрятъ, чиста-ли ихъ собственная совѣсть, и спросятъ ее, можно-ли признать невиннымъ того, кто самъ безъ достаточныхъ основаній бросаетъ грязью въ невинныхъ, невинность коихъ засвидѣтельствована и вселенною, и гражданскимъ правительствомъ, и даже тѣми, у кого донатисты сами искали справедливости.

Обращаясь къ обсужденію положенія донатистовъ объ отдѣленіи церкви отъ государства, Августинъ прежде всего рѣшаетъ вопросъ, имѣютъ-ли право власти наказывать ере-

---

[1]) C. V—VI, 10—11.
[2]) VII, 12.

тиковъ. Ближайшимъ поводомъ къ обсужденію этого вопроса послужила ссылка донатистовъ на фактъ наказанія императоромъ Константиномъ тѣхъ, которые, будучи побѣждены на судѣ церковномъ, не могли подтвердить предъ нимъ того, на чемъ они раньше стояли, и уклонились отъ общенія съ Церковью. Но если они и были подвергнуты наказанію, то невинно ли его понесли? Нѣтъ, они терпятъ его по высочайшему суду Бога для того, чтобы избѣжать вѣчныхъ наказаній. Пусть прежде донатисты докажутъ, что они не еретики и не схизматики, и тогда говорятъ о незаслуженныхъ наказаніяхъ. Если же стать на ихъ точку зрѣнія и признавать ихъ мучениками за то, что они подвергнуты незаслуженному наказанію, то тогда „всѣ темницы наполнены мучениками, всѣ узы судей влекутъ мучениковъ, во всѣхъ каменоломняхъ мученики испытываютъ страданія, на острова мученики ссылаются, на всѣхъ лобныхъ мѣстахъ мученикамъ рубятъ головы, всякимъ звѣрямъ мучениковъ бросаютъ, или по приговору судей мученики живыми сожигаются“. Нужно обращать вниманіе не на самый фактъ страданія, а на причину его. Власть карающая и милующая имѣетъ по ап. Павлу (Рим. XIII, 1—4) божественную санкцію [1]). Но за что страдаютъ донатисты? Они страдаютъ за то, что отдѣлились отъ вселенской Церкви и производятъ безчинства, не повинуясь ни гражданскимъ ни церковнымъ законамъ. Называя православныхъ преслѣдователями донатистовъ, сами они постоянно дѣлаютъ то же, убивая не только души, но и тѣла [2]). Въ ихъ исторіи есть факты, которые ясно доказываютъ это. Извѣстны факты обращенія ихъ самихъ къ императору, котораго они просили быть судьею ихъ дѣла. Доводя до крайности, хотя и логически, ихъ взглядъ на мученичество, Августинъ заключаетъ, что

---

[1]) VIII, 13.
[2]) VIII, 14.

если необходимо признавать мучениками всѣхъ преслѣдуемыхъ за религіозныя преступленія, то мучениками нужно признать и демоновъ, потому что по императорскому повелѣнію разрушены посвященные имъ храмы и разбиты идолы—ихъ жилища, и ихъ почитатели подвергаются преслѣдованію [1]). Не изъ страданій прославляется праведность а наоборотъ. Поэтому и Христосъ, какъ бы предвидя подобныя разсужденія, не сказалъ просто: „блаженны терпящіе гоненія“, но прибавилъ признакъ, по которому отличается истинное благочестіе отъ ложнаго.

Но возможенъ такой принципіальный вопросъ: пусть донатисты уличены въ религіозныхъ преступленіяхъ, но имѣетъ ли власть право удерживать и наказывать ихъ за это?—Вопросъ рѣшается утвердительно на слѣдующихъ основаніяхъ. Съ исторической точки зрѣнія сами донатисти рѣшили его утвердительно, допуская насилія надъ православными и максиміанистами. Съ принципіальной же точки зрѣнія,—если власть имѣетъ право удерживать и наказывать вредоносныхъ людей, то она имѣетъ право дѣлать то же и по отношенію къ религіознымъ отщепенцамъ-схизматикамъ, потому что, по ап. Павлу, схизма и ересь отнесены къ дѣламъ плоти на ряду съ обычными преступленіями. Власть, санкціонированная Богомъ, носитъ мечъ на зло злое творящему [3]). Логичнѣе было бы для нихъ, если бы они сами, требуя толерантнаго отношенія со стороны правительства и православныхъ,—исполняли то же самое по отношенію къ своимъ иновѣрцамъ. За то, что императоры по справедливости преслѣдовали донатистовъ, ручается фактъ удивительнаго согласія властей по дѣлу донатистовъ. Исключеніе составляетъ лишь Юліанъ Отступникъ, который будучи вра-

---

[1]) Ibidem.
[2]) C. IX, 15.
[3]) C. X, 16.

гомъ мира и единства, сталъ на сторону донатистовъ, даровалъ имъ свободу исповѣданія. И это обращеніе донатистовъ къ Отступнику, исполненное самой низкой лести и униженія („у тебя одного только справедливость имѣетъ мѣсто") лежитъ пятномъ на поведеніи донатистовъ [1]). Но не смотря на строгіе законы, направленные противъ нихъ, которые Августинъ тутъ же и перечисляетъ, донатисты не могутъ обвинить православныхъ въ жестокости, потому что эти строгіе законы или примѣняются очень слабо, или совсѣмъ не примѣняются. Донатисты продолжаютъ владѣть базиликами, чего они по смыслу закона не имѣли бы права дѣлать. Если же и было допущено по отношенію къ нимъ нѣчто превосходящее христіанскую кротость, донатисты не должны винить въ этомъ великую Церковь, потому что насилія надъ ними причиняютъ плевелы изъ лагеря православныхъ [2]).

Эти плевелы православная Церковь терпитъ въ своемъ лонѣ, исполняя повелѣніе Христа, Который не желалъ прежде времени вырывать плевелы и отдѣлять ихъ отъ пшеницы. Это повелѣніе Онъ выразилъ въ своей притчѣ о пшеницѣ и плевелахъ, и какъ бы предвидя неправильное пониманіе ея донатистами, Самъ изъясняетъ ее, относя исполненіе ея къ концу міра. Онъ не сказалъ: поле—Африка, но сказалъ: „поле есть весь міръ". „Донатъ ли былъ великимъ свѣтителемъ или въ его время, когда донатисты отдѣлялись отъ вселенной, настало время жатвы?".

Свою I-ю книгу Августинъ заканчиваетъ обѣщаніемъ тщательно изслѣдовать и, поскольку Господъ дастъ, открыть здравый смыслъ каѳолической истины въ тѣхъ мѣстахъ Писанія, которыя приводятся Парменіаномъ въ защи-

---

[1]) С. XI—XII, 17—19.
[2]) XIII, 20.

ту своей доктрины и тендеціозно имъ толкуются [1]). Это онъ и дѣлаетъ во второй и третьей книги противъ Парменіана.

„Чѣмъ какъ не пустотой и слѣпотой души можно объяснить поведеніе донатистовъ при пользованіи Св. Писаніемъ", когда они стараются къ другимъ отнести то, что направляется по адресу ихъ и, мало этого, въ стремленіи обмануть неопытныхъ доходятъ до того, что подобно софистамъ объявляютъ злое добрымъ, свѣтъ тьмою и тьму свѣтомъ". Давши такую характеристику экзегетическихъ пріемовъ донатистовъ и указавши ихъ непослѣдовательность въ поведеніи по отношенію къ Оптату и православнымъ [2]), Августинъ переходитъ къ разбору мѣстъ Писанія, приводимыхъ Парменіаномъ. Ссылаясь на Писаніе въ доказательство ученія о необходимости отдѣленія праведниковъ отъ грѣшныхъ, Парменіанъ всегда понимаетъ Писаніе въ буквальномъ смыслѣ, и тѣ мѣста Писанія, которыя говорятъ о духовномъ отдѣленіи праведниковъ отъ грѣшниковъ, относитъ къ видимому раздѣленію членовъ церкви, или же приводитъ такія мѣста Писанія, которыя, будучи взяты безотносительно къ кому-нибудь, могутъ быть примѣнены ко всѣмъ.

Такой именно характеръ и имѣютъ приводимыя въ началѣ книги мѣста Писанія (Исаіи 5, 20; Притчей, 17, 15; Исаіи LIX, 1—8). Опровергая толкованіе донатистовъ, прилагающихъ эти мѣста къ православнымъ, Августинъ беретъ спорныя мѣста въ контекстѣ рѣчи, дѣлаетъ ссылку на собственную исторію донатистовъ, когда они заявили себя съ нехорошей стороны, терпя въ своей средѣ такихъ негодяевъ, какъ Оптатъ, и допуская въ высшей степени предосудительное поведеніе циркумцелліоновъ, которые, вооружившись

---

[1]) XIV, 21.
[2]) Lib. II, c. I, 1—2.

желѣзомъ и палками, ходятъ въ обществѣ непотребныхъ женщинъ, неся съ собою всюду разрушеніе и смерть [1]).

Эти ссылки на ихъ исторію Августинъ дѣлаетъ постоянно.

Желая выдвинуть значеніе личнаго совершенства служителей алтаря для спасенія ихъ пасомыхъ, Парменіанъ приводитъ изъ X главы книги Іисуса сына Сирахова. Возражая ему, Августинъ приводитъ мѣсто Писанія, въ которомъ изрекается проклятіе тому, кто надѣется на человѣка, и на основаніи словъ Спасителя относительно фарисеевъ (Матѳ. XXIII, 3) доказываетъ [2]), что отъ нравственнаго состоянія личности священника не зависитъ православное состояніе паствы, потому что можетъ быть хорошій народъ тамъ, гдѣ—худой епископъ, подобно тому, какъ могъ быть худой народъ тамъ, гдѣ Моисей былъ правителемъ. Не можетъ вредить въ единеніи христіанскомъ епископъ злой когда Самъ священникъ по чину Мелхиседекову, пребывая на небесахъ, посредствуетъ за насъ [3]).

Задавшись цѣлью доказать, что благодать таинствъ зависитъ отъ нравственнаго состоянія ихъ совершителя, Парменіанъ приводитъ цѣлый рядъ текстовъ, которыми утверждается большею частью та мысль, что жертва, приносимая беззаконникомъ,—мерзка предъ Богомъ (Исаіи 66, 3; Притч. 21, 27; Исх. 21, 27; Іерем. 2, 13), чѣмъ ясно, по его мнѣнію, доказывается незаконность священства православныхъ, предательствомъ утратившихъ свою благодать и не имѣющихъ возможности снова пріобрѣсти ее. Но въ этихъ и подобныхъ мѣстахъ совершенно нѣтъ рѣчи о таинствахъ. Даже тѣ мѣста, въ которыхъ можно еще усмотрѣть намеки на нихъ, при правильномъ пониманіи, въ связи рѣчи, говорятъ

---

[1]) Ibid., 4—5.
[2]) Ibid., c. IV, 8.
[3]) C. V, 9—10.

совсѣмъ не о томъ, чего такъ настойчиво ищетъ въ нихъ Парменіанъ.

Возражая Парменіану Августинъ старается утвердить 1) то, что благодать таинства зависитъ отъ дающаго ее Бога, который какъ Самъ праведенъ, такъ не можетъ и благодать Свою давать не такою же чистою и святою, каковъ Самъ Онъ; 2) какъ выводъ изъ первой мысли,—то, что если и есть недостойные священники, однако ихъ недостоинство вредитъ только имъ самимъ, не оказывая пагубнаго дѣйствія на состояніе воспринимающихъ подаваемую ими благодать. „Кто ѣстъ и пьетъ недостойно, судъ *себѣ* ѣстъ и пьетъ“ (I Кор. XVIII, 29)—себѣ, а не другимъ. Въ ветхомъ завѣтѣ среди священниковъ были и добрые и злые, но каждый изъ нихъ несъ свое бремя[1]). Далѣе, если проводить до конца это требованіе совершенной святости служителей алтаря, то нужно придти къ отрицанію возможности самого священства, потому что совершенно святыхъ людей нѣтъ; самый святой человѣкъ имѣетъ грѣхи, и потому не можетъ быть признанъ, съ точки зрѣнія донатистовъ, достойнымъ священникомъ[2]). И православные и донатисты сходятся въ одномъ: они требуютъ безгрѣшнаго раздателя благодати, но въ вопросѣ, кто является этимъ раздателемъ, они расходятся. Православные признаютъ таковымъ единственно Христа, а пастырей,—епископовъ и священниковъ только служителями при совершеніи таинствъ и раздаяніи благодати; донатисты все вниманіе обращаютъ на нравственное состояніе послѣднихъ, какъ будто дѣйствіе благодати обусловливается характеромъ личности совершителя таинства. Здѣсь опять смѣшеніе божескаго и человѣческаго. Раскрытію этой мысли посвящены слѣдующія главы, при чемъ въ существенныхъ чертахъ ходъ доказательствъ Августина

---

[1]) VI—VII, 11—12.
[2]) VII, 13—14.

остается прежній, такъ что нѣтъ нужды повторять лишній разъ то, что ясно для насъ, тѣмъ болѣе, что раскрытію и разрѣшенію даннаго спорнаго вопроса посвящены и дальнѣйшія его полемическія сочиненія, въ особенности „Contra Epist. Petiliani". Нужно только сказать, что возражая Парменіану, Августинъ стоялъ на болѣе твердой позиціи. Тогда какъ донатисты брали извѣстное мѣсто въ отрывкахъ и объясняли его тенденціозно, внѣ связи рѣчи, при допущеніи чего естественно открытъ широкій произволъ для толкованія, Августинъ старается установить связь даннаго мѣста съ предыдущимъ и послѣдующимъ и на основаніи контекста и параллельныхъ мѣстъ установить истинный смыслъ текста. Безъ этого можно было бы часто попадать въ ловушку[1]). Даже болѣе, безъ особенныхъ доказательствъ Августину удавалось парализовать значеніе дѣлаемыхъ ими выводовъ изъ текстовъ, такъ какъ если принять донатистское толкованіе ихъ, то они (тексты) дѣлаются обоюдоострымъ орудіемъ, т. е. съ одинаковымъ правомъ и православные и донатисты могутъ бросать при помощи ихъ упреки другъ другу. Когда же для поясненія ихъ, онъ прибѣгаетъ къ указаннымъ пріемамъ, въ особенности же когда становится на историческую точку зрѣнія, тогда донатистамъ приходится очень плохо.

Оптатъ Гильдонскій, Максиміанисты и отношеніе къ нимъ господствующей партіи донатистовъ, циркумцелліоны съ ихъ безнравственнымъ поведеніемъ—вотъ что тогда является аргументами Августина, противъ которыхъ донатисты не имѣютъ ничего сказать, и потому молчатъ[2]). Сославшись на такіе аргументы, Августинъ, какъ выводы изъ нихъ, ставитъ рядъ вопросовъ, отвѣты на которые, заключающіеся большею частію въ нихъ самихъ, наносятъ безпощадные

---

[1]) VIII, 15—18.
[2]) IX—X, 19—20.

удары донатистамъ [1]). Сущность его возраженій на настойчивое утвержденіе Парменіана о томъ, что таинства, совершенныя недостойными священнослужителями, недѣйствительны, сводятся къ слѣдующему. Дѣйственность таинствъ не уничтожается въ томъ случаѣ, если совершителями ихъ являются люди недостойные, подобно тому какъ не уничтожается сила и достоинство и не умаляется высота нравственнаго ученія, если провозвѣстниками его являются люди порочные, не слѣдующіе въ своей жизни тѣмъ идеаламъ, возвѣщать которые они поставлены. Ап. Павелъ радовался видя дѣло проповѣди Евангелія, и его радости не уничтожило сознаніе того, что проповѣдники этого ученія „не чисто проповѣдуютъ“. Для нихъ самихъ, конечно, это ученіе служило къ осужденію, но для тѣхъ, которые слушали возвышенное ученіе и принимали его, оно служило ко спасенію [2]). Поэтому то, какъ нѣкогда Христосъ отзывался о фарисеяхъ, такъ отзывается и Августинъ о недостойныхъ священникахъ и проповѣдникахъ. Какое же все-таки значеніе имѣетъ нравственное состояніе совершителя таинствъ? Вопреки донатистамъ, ставившимъ дѣйственность таинствъ въ зависимость отъ нравственнаго состоянія его совершителей, Августинъ признаетъ, что нравственная чистота или нечистота совершителя таинства имѣетъ значеніе только для него одного. Если онъ чистъ, то Духъ Св. дѣйствуетъ чрезъ него и какъ его награда къ вѣчному спасенію и какъ способность къ возрожденію и назиданію тѣхъ, коимъ чрезъ этого служителя алтаря возвѣщено было слово истины. Если же онъ лицемѣръ, то Духъ Св. не содѣйствуетъ его собственному спасенію, такъ какъ Духъ Св. избѣгаетъ лицемѣровъ (Прем. 1, 5), но изъ-за этого не оставляетъ его служенія; оно благотворно для принимающихъ его, если

---

[1]) Напр. X. 21.
[2]) XI, 24.

только они не подражаютъ его лицемѣрію. Только въ томъ случаѣ нужно уклоняться отъ недостойныхъ священниковъ, если они не только ведутъ недостойную жизнь, но и начинаютъ извращать ученіе истины [1]).

Отсюда, отъ этого ученія о таинствахъ и условіяхъ дѣйствія благодати, естественный переходъ къ ученію о неповторяемости таинствъ крещенія и священства. Поводомъ къ разсужденію были приведенныя Парменіаномъ слова: „что же имаши, егоже нѣси пріялъ“ (1 Кор. IV, 7). Смыслъ этихъ словъ, съ точки зрѣнія донатистовъ, таковъ. Православные не имѣютъ крещенія, потому что не получаютъ его отъ своихъ священниковъ, которые вслѣдствіе предательства и порочной жизни утратили благодать крещенія, На эти слова Августинъ отвѣчаетъ разсужденіемъ о невозможности потерять крещеніе, хотя безъ достаточно сильныхъ аргументовъ. Далѣе нѣкоторые изъ донатистовъ сдѣлали уступку: „крещенія не теряютъ тѣ, которые уходятъ изъ Церкви, но теряютъ право дать крещеніе“ [2]). Замѣчательно въ данномъ случай сужденіе Августина о таинствахъ крещенія и священства. Августинъ рукоположеніе поставляетъ на ряду съ крещеніемъ, и признаетъ его такимъ же таинствомъ, какъ и крещеніе, вслѣдствіе чего оно не можетъ и не должно повторяться, какъ не повторяется и крещеніе: „Не представляется никакой нужды, говоритъ онъ, почему тотъ, кто не можетъ терять самого крещенія, можетъ терять право преподавать его. Ибо то и другое есть таинство, то и другое преподается человѣку чрезъ нѣкоторое освященіе, первое—когда онъ крещается, второе—когда онъ рукополагается [3]). Ясно, что бл. Августинъ съ священническимъ рукоположеніемъ внутренно и нераздѣльно соеди-

---

[1]) Ibidem.
[2]) XIII, 27—28.
[3]) XIII, 28.

нялъ таинственное дарованіе рукополагаемымъ лицамъ особенной благодати Божіей, благодати по существу своему похожей на ту, какая въ крещеніи преподается крещаемому. Отсюдя, какъ неповторяемо крещеніе, такъ неповторяемо и посвященіе — хиротонія. Поэтому, оно не повторяется надъ тѣми, которые удаляются въ схизму, или въ схизмѣ получаютъ священство и потомъ возвращаются въ православіе. Благодать остается на такомъ лицѣ, хотя и въ осужденіе ему, такъ какъ онъ не сохранилъ узъ мира. Не одно и то же: не имѣть—и гибельно имѣть. Въ послѣднемъ случаѣ необходимо покаяніе и возвращеніе въ Церковь, а въ первомъ дарованіе того, чего не имѣютъ. Для поясненія этого Августинъ прибѣгаетъ къ примѣрамъ и сравненіямъ Проводя свою идею до крайнихъ предѣловъ, Августинъ признаетъ, что, если бы даже мірянинъ далъ погибающему гонимому необходимое крещеніе, то и въ такомъ случаѣ. оно должно считаться за совершенное, и никоимъ образомъ не можетъ быть отнято у получившаго его, хотя бы оно и незаконно дано. Даже если бы кто-нибудь незаконно присвоилъ себѣ право крестить, то хотя онъ совершилъ грѣхъ, однако крещеніе, совершенное имъ, не можетъ считаться недѣйствительнымъ. Крещеніе подобно воинскому знаку, который выжигался на рукѣ римскаго воина для напоминанія ему объ его обязанностяхъ, который дѣлалъ извѣстнымъ бѣглеца и подвергалъ его наказанію, и который, будучи разъ отпечатанъ законнымъ ли полководцемъ или бунтовщикомъ, не возобновлялся и не измѣнялся у пойманнаго бѣглеца[1]). Неужели таинство менѣе твердо, чѣмъ эти тѣлесные знаки? Обращаясь къ исторіи, Августинъ спрашиваетъ, почему осужденные Богомъ внутри не теряютъ святости таинства, а осужденные людьми не могутъ дать таинства,

---

[1]) XIV. 29. Срав. Contr. Litt. Petiliani Lib., I, 4.

хотя и не теряютъ его. Фелиціанъ, осужденный 310 епископами на соборѣ въ Багаѣ, былъ принятъ въ сущемъ санѣ, и тѣ, которые были имъ крещены, были приняты безъ перекрещиванія. Какъ согласить этотъ фактъ съ принципомъ донатизма? Эти и подобные факты говорятъ только о полной неустойчивости донатистскихъ принциповъ, когда они во главу угла ставятъ не Божественное Откровеніе и законы исторіи, а собственную волю,—или точнѣе сказать, своеволіе, какъ о нихъ и выразился Тихоній: quod volumus, sanctum est[1]).

Донатисты устами Парменіана требовали отвѣта на вопросъ: какъ можетъ мертвый оживлять другихъ, подобно тому, какъ раненный самъ—лѣчить другихъ, слѣпецъ показывать дорогу, нагой одѣвать, очищать загрязненный разумѣя при этомъ, конечно, подъ мертвыми православныхъ, потерявшихъ будто бы въ фактѣ предательства жизнь и благодать. Августинъ же стоитъ на иной точкѣ зрѣнія. Таинство дается отъ Христа, а не отъ человѣка: „de coelo, non de homine, sed tamen per hominem“ [2]). Если же такъ, то чрезъ какого человѣка? Если только чрезъ праведника, то не имѣютъ крещенія тѣ, которые у самихъ донатистовъ принимаютъ крещеніе чрезъ скрытыхъ грѣшниковъ, если же чрезъ нечестивыхъ,— нѣтъ нужды перекрещивать. Если чрезъ грѣшника, но только скрытаго,—не имѣютъ крещенія тѣ, кого крестилъ Оптатъ; если же—явнаго неправедника, который однако еще не осужденъ,—не имѣютъ тѣ, кого крестилъ Фелиціанъ. Донатисты сами еще твердо не установили понятія праведности и критерія того, кто является достойнымъ священнослужителемъ, и потому колеблются, попадая въ различнаго рода дилеммы, и измѣняютъ или смягчаютъ не только выводы изъ принциповъ, но даже и

---

[1]) 30—31.

[2]) C. XV, 34.

самые принципы, какъ это дѣлалъ впослѣдствіи Петиліанъ въ своемъ отвѣтѣ на книги Августина [1]). Парменіанъ, защищая свое положеніе, ссылается на то, что даже Христосъ, для совершенія надъ Собою крещенія будто бы искалъ человѣка святого, какимъ былъ Іоаннъ. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Развѣ святымъ признавалъ себя Іоаннъ? Христосъ принялъ крещеніе отъ Іоанна не потому, что онъ былъ святой,—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Онъ принялъ крещеніе, чтобы научить насъ смиренію, а также показать, что не нужно обращать вниманія на совершителя таинства, лишь бы только таинство совершено было по правиламъ и надлежащимъ образомъ. Неужели Христосъ, когда долженъ былъ быть обрѣзанъ, искалъ Іоанна, или когда Его нужно было принести въ храмъ для очищенія, неужели приносившіе Его избѣгали того храма, который Онъ назвалъ вертепомъ разбойниковъ [2]). Чтобы еще болѣе оттѣнить объективную дѣйствительность таинства, независимо отъ достоинства лица, не только совершающаго крещеніе, но и принимающаго его, Августинъ разбираетъ слова Парменіана, что тотъ, кто былъ крещенъ не имѣющимъ вѣры или лицемѣромъ, не имѣетъ крещенія,—и доказываетъ, что крещеніе остается въ силѣ даже тогда, когда оно бываетъ совершено надъ неувѣровавшимъ, и тогда, когда человѣкъ отступитъ отъ вѣры. Конечно, въ такихъ случаяхъ оно не приноситъ человѣку пользы, но не въ этомъ дѣло,—объективная сторона таинства остается неизмѣнной. Снова возвращаясь къ принципу отдѣленія праведниковъ отъ грѣшниковъ, Августинъ разбираетъ приводимый Парменіаномъ примѣръ изъ Ветхаго Завѣта, когда Іосафату былъ возвѣщенъ гнѣвъ Божій за помощь нечестивому Ахаву; показываетъ, что гнѣвъ возвѣщенъ не за то, что онъ

[1]) Contra Litt. Petiliani Lib. III, (прибавка „свято“ и „сознательно“)
[2]) C. XVI—XVII, 35—36.

помогъ Ахаву, а за его собственный грѣхъ, и настойчиво утверждаетъ, что одно внѣшнее сожительство съ нечестивыми не дѣлаетъ человѣка нечестивымъ. Таковымъ онъ дѣлается тогда, когда самъ сочувствуетъ нечестивому и подражаетъ ему въ его поведеніи; кто же не дѣлаетъ зла и не сочувствуетъ дѣлающему, а осуждаетъ и порицаетъ дѣлающаго, тотъ чистъ, хотя бы и жилъ въ общеніи съ нечестивыми [1]).

Въ третьей книгѣ Августинъ продолжаетъ начатый разборъ приводимыхъ Парменіаномъ цитатъ изъ Св. Писанія. Охарактеризовавши схизматиковъ, какъ нарушителей мира, людей гордыхъ, сумасбродныхъ, коварныхъ, буйныхъ, старающихся при помощи неправильнаго толкованія Писанія увлечь неопытныхъ, Августинъ подвергаетъ разбору ученіе Парменіана о церкви, по которому церковь донатистовъ есть не только единая церковь, но и совершенная, достигшая кульминаціоннаго пункта своего земного роста, и какъ таковая, она не должна терпѣть въ своей средѣ недостойныхъ членовъ. Послѣднее положеніе свое донатисты обосновывали, между прочимъ, на извѣстныхъ словахъ Ап. Павла: „измите злаго отъ васъ самѣхъ“, беря ихъ внѣ связи рѣчи и понимая ихъ въ грубо буквальномъ смыслѣ. Но это выраженіе, взятое даже внѣ связи рѣчи, не говоритъ въ пользу донатистовъ, ибо здѣсь разумѣется не физическое отдѣленіе отъ общества, но отдѣленіе отъ самихъ христіанъ, т. е. предлагается наставленіе душею своею не сочувствовать грѣшнику, и такимъ образомъ отдѣляться отъ него душою. Такой-же точно смыслъ имѣетъ наставленіе Ап. Павла Тимоѳею (1 Тим. V, 22). Если же взять эти слова въ цѣломъ, то окажется, что въ этихъ словахъ, повидимому строгихъ, заключается только любовь и терпѣніе, выражен-

---

[1]) С. XVIII—XXIII, 37—43.

ныя въ извѣстной формѣ, весьма важной въ цѣляхъ педагогическихъ. Апостолъ хочетъ придти съ жезломъ, но его жезлъ обвитъ любовію. Онъ желаетъ исключить грѣшника отъ общенія, но съ любовію, и наказаніе отлученія, чрезъ отдѣленіе отъ общенія, должно было способствовать раскаянію грѣшника. Когда же онъ раскается и изъ его глазъ потекутъ слезы, низкое положеніе плачущаго должно возбуждать милосердіе [1]). Апостолъ убѣждаетъ съ любовію относиться къ слабымъ и немощнымъ, и общими силами исполнять законъ Христовъ. Каждый постоянно склоненъ къ паденію, и потому каждый, остерегаясь самъ, долженъ предостерегать и другихъ, исполняя этимъ заповѣдь Христа о любви [2]). Нужно намъ въ мірѣ быть, чтобы оплакивать грѣшниковъ и побуждать ихъ ко спасенію. Этого не можетъ быть, если мы будетъ избѣгать сожительства съ ними. Впрочемъ, Апостолъ показываетъ примѣръ различнаго отношенія къ грѣшникамъ. Дозволяя ѣсть идоложертвенное съ язычниками, онъ въ другомъ случаѣ требуетъ отлученія грѣшника отъ общенія церковнаго, но это отлученіе должно быть запечатлѣно братскою любовію, способною тронуть, исправить человѣка, а не такъ, какъ дѣлаютъ донатисты, разрывающіе основы мира и презирающіе своихъ братьевъ [3]).

Съ принципіальной точки зрѣнія Августинъ переходитъ на историческую. Такъ какъ донатисты, и, въ частности, Парменіанъ ссылались на авторитетъ Кипріана и на его ученіе объ отношеніи къ грѣшникамъ, и старались утвердить и обосновать на немъ и свои принципы и практику, то Августинъ и занимается разборомъ, какъ принциповъ Кипріана, такъ и его поведенія. Внѣ всякаго сомнѣнія, съ точки зрѣнія и православныхъ и донатистовъ, что

---

[1]) Lib III, c. I, 1—3.
[2]) C. II, 4—5.
[3]) C. II. 6—7.

Церковь временъ Кипріана была гораздо чище и болѣе святою въ своихъ членахъ, чѣмъ въ послѣднее время. Но и въ то время находились плевелы, и не только среди мірянъ, но даже и среди епископовъ, которые по свидѣтельству Кипріана, „оставивши каѳедры, покинувши народъ, скитаются по чужимъ областямъ, стараясь не пропустить торговыхъ дней для корыстной прибыли, и когда братья въ церкви плачутъ, они, увлекаемые любостяжаніемъ, коварно овладѣваютъ братскими доходами, и, давая чаще въ займы, увеличиваютъ свои барыши“ [1]). Какъ же относится къ нимъ Кипріанъ? Онъ терпѣлъ для единства мира всѣхъ этихъ негодныхъ людей и былъ въ единеніи съ ними, не смотря на то, что преступленія ихъ были чрезвычайно велики, такъ какъ тѣ грѣхи, въ которыхъ они, по свидѣтельству Кипріана, повинны, могутъ быть, по ап. Павлу (I Кол. III, 5), приравнены къ идолопоклонству. Почему же не отдѣлялся отъ нихъ Кипріанъ, если даже самъ Апостолъ требовалъ этого? Очевидно, онъ глубже, чѣмъ донатисты, смотрѣлъ на это требованіе, и не имѣя общенія въ душѣ и сердцѣ, жилъ вмѣстѣ съ ними тѣлесно. Принимая во вниманіе этотъ фактъ, Августинъ ставитъ вопросъ, въ которомъ заключается ловушка для нихъ: „Была ли Церковь чистою и безъ порока во времена Кипріана“? и была ли тогда вообще Церковь, такъ какъ указанные признаки ея входятъ необходимо въ понятіе церкви. Если—была, значитъ можно для мира церкви терпѣть въ своей средѣ самихъ тяжкихъ грѣшниковъ. Если же, по ихъ мнѣнію, тогда не было церкви, то почему они говорятъ, что имѣютъ церковь, которой не было, по ихъ же признанію, уже во времена Кипріана [2]). Церковь остается истинною, если терпитъ для мира грѣшниковъ, потому что, по повелѣнію приточнаго хозяина поля, плеве-

---

[1]) 8. Сравн. Твор. св. Кипріана, т. 2 стр. 151. Кіевъ, 1896 г.
[2]) 9—11.

лы остаются расти до послѣдней жатвы изъ опасенія, чтобы, при преждевременномъ истребленіи ихъ, не вырвать вмѣстѣ съ ними и пшеницы. Но если разсуждать такъ, то какъ можно исполнить требованіе Апостола, который запрещалъ даже вкушать пищу вмѣстѣ съ подобными коринѳскому блуднику грѣшниками. Не говоритъ-ли это наставленіе въ пользу донатистовъ, которые и настаиваютъ именно на отдѣленіи праведниковъ отъ грѣшниковъ.—Христіанамъ нужно, чтобы среди нихъ самихъ не было того, что не нравится имъ у другихъ; поэтому они должны стараться отдѣляться отъ грѣшниковъ духовно, сердцемъ. Апостолъ слышалъ, что блудникъ раскаялся; и потому во второмъ посланіи уже не повторяетъ прежняго распоряженія объ отлученіи грѣшника, но назначаетъ только наказаніе, потому что отлученіе не было бы полезно, такъ какъ служило бы соблазномъ для слабыхъ въ вѣрѣ. Выводъ тотъ, что въ необходимыхъ случаяхъ, когда есть опасность для всей общины или семьи, необходимо соблюдать строгую дисциплину; необходимо только при этомъ наблюдать, чтобы суровостью не вселить отчаянія и соблазна, и стараться, чтобы дисциплинарныя мѣры вызывались любовію къ падшему и запечатлѣвались духомъ любви [1]). Когда же порокъ распространится, тогда Господь Самъ пошлетъ Свой судъ, и люди не должны закрывать тогда ушей отъ наставленій Божіихъ, а должны пользоваться испытаніями и вразумлять строгой проповѣдью нечестивыхъ. Это должна дѣлать Церковь, которой Божественная санкція дала право отрѣшать непокорныхъ чадъ.

Окончивъ разборъ приводимыхъ Парменіаномъ мѣстъ Св. Писанія, Августинъ дѣлаетъ какъ бы резюме всему ранѣе сказанному, лишь подробно развивая ранѣе сжато вы-

---

[1]) 13—16.

раженныя положенія, или ставитъ и новыя вопросы, рѣшая ихъ конспективно. Августина нѣсколько возмущаетъ горделивое признаніе Парменіана, что церковь донатистовъ есть не только истинная, но и идеальная—въ томъ смыслѣ, что она находится въ томъ состояніи, въ какомъ должна быть послѣ послѣдней жатвы. Пораженный столь смѣлымъ заявленіемъ, Августинъ удивляется, что Парменіанъ, приводя столь много мѣстъ Писанія, не что иное доказалъ, какъ только собственную пустоту.—Благодаря ей, онъ допускаетъ предосудительное толкованіе Писанія для увлеченія слабыхъ. Обращая приводимое Парменіаномъ мѣсто изъ прор. Іереміи (23, 28) противъ самихъ же донатистовъ, Августинъ характеризуетъ нравственное состояніе донатистовъ. Неужели въ обществѣ донатистовъ нѣтъ грѣшниковъ? Ужели необходимо признать очистителемъ Парменіана, и всему роду человѣческому поставить въ вину то, что онъ не признавалъ Парменіана. Полными иронiи вопросами онъ спрашиваетъ донатистовъ, какъ смотрѣть на Доната, Оптата и циркумцелліоновъ. Неужели они пшеница? Если донатисты не могутъ защитить и оправдать ихъ,—значитъ, они не могутъ приводить въ свою пользу и словъ Іереміи. Данныя слова исполнятся при кончинѣ міра на страшномъ судѣ, когда произойдетъ отдѣленіе пшеницы отъ плевелъ. Такой-же точно смыслъ имѣютъ и слова Исаіи (LII, 11), требующія отдѣленія праведниковъ отъ грѣшниковъ и приводимыя донатистами въ пользу своей доктрины [1]). Кто хочетъ отдѣлиться отъ явныхъ грѣшниковъ, тотъ можетъ въ то же время отдѣлиться отъ тайныхъ праведниковъ. Обращаясь далѣе къ исторіи донатистовъ, Августинъ указываетъ, какъ и всегда, на исторію максиміанистовъ какъ на разительный примѣръ шаткости ихъ основныхъ положеній [2]). Но болѣе всего слѣпота донатистовъ обнаружи-

[1]) C. III, 17—19.
[2]) C. IV, 20—22.

вается въ томъ, что они, приводя слова Писанія, не обращаютъ вниманія на то, что дѣлалъ, какъ поступалъ авторъ Писаній, слова которыхъ они приводятъ. Если обращать вниманіе только на слова, то можно заподозрить нравы пророковъ По своей слѣпотѣ, отдѣлившись отъ вселенской Церкви, и сами они чисто-ли живутъ? Рядъ приводимыхъ Августиномъ фактовъ утверждаетъ противное. Наконецъ, на примѣрахъ Ап. Павла и Давида Августинъ еще разъ строго осуждаетъ донатистовъ за ихъ стремленіе къ отдѣленію отъ православныхъ во имя святости Церкви. Не надо искать отдѣленія праведныхъ отъ грѣшныхъ. Праведникъ вездѣ есть, потому что не можетъ градъ укрытися верху горы, т. е. Христа, стоящій [1]).

Въ заключеніе, указавши назначеніе властей—въ обязанности ихъ убѣждать людей ко спасенію, и указавши признаки истиннаго мученичества въ отличіе отъ ложнаго, къ которому относится и изувѣрное мученичество донатистовъ, Августинъ дѣлаетъ увѣщаніе православнымъ жить въ мирѣ и согласіи и терпѣливо относиться къ грѣшникамъ, находящимся въ ихъ обществѣ [2]).

Такимъ образомъ, данное сочиненіе Августина представляетъ подробный разборъ письма, при чемъ, какъ разборъ, оно не имѣетъ систематическаго характера и единства содержанія. Первое объясняется характеромъ самаго посланія Парменіана, который не имѣлъ опредѣленной системы, а переходилъ отъ одного вопроса къ другому, часто ограничиваясь лишь одними намеками. Центральными вопросами сочиненія являются вопросы о святости Церкви и о крещеніи. Первый вопросъ разрѣшенъ въ удовлетворительной степени, такъ что въ дальнѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ Августинъ иногда почти буквально повторялъ свои

---

[1]) 2.—25, c. V. 26.
[2]) C. VI, 29.

аргументы. Вопросъ же о крещеніи при своей влажности и вслѣдствіе того, что по данному вопросу приходилось затрагивать вопросъ объ авторитетѣ соборовъ и церковныхъ писателей, лишь отчасти разрѣшенъ въ данномъ сочиненіи. Во второй книгѣ противъ Парменіана Августинъ обѣщаетъ написать спеціальное сочиненіе о крещеніи, что онъ и исполнилъ около того же 400 года [1]).

Сочиненіе „De Baptismo", помимо важности содержанія съ точки зрѣнія нашей задачи, является весьма цѣннымъ съ общее церковно-исторической точки зрѣнія, поскольку передаетъ намъ многіе историческіе факты. Оно состоитъ изъ 7 книгъ, и по содержанію своему можетъ быть раздѣлено на три части. Въ первой изъ нихъ, обнимающей первую книгу, Августинъ рѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ должно относиться къ крещенію схизматиковъ и еретиковъ, и утверждаетъ, что и внѣ каѳолическаго общенія еретиками и схизматиками можетъ быть дано крещеніе, но что оно не приноситъ пользы принимающимъ его, пока они пребываютъ въ ереси и схизмѣ. Во второй части, обнимающей кн. 2—5, Августинъ ставитъ вопросъ, могутъ ли донатисты въ защиту своей доктрины ссылаться на авторитетъ Кипріана, и рѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ, представляя свои поясненія и оправданія и ученія Кипріана и его поведенія. Въ третьей, обнимающей 6—7 кн., разбираются постановленія карѳагенскаго собора 256 года относительно крещенія еретиковъ, при чемъ приводится мнѣніе каждаго изъ присутствовавшихъ епископовъ въ отдѣльности.

Останавливаясь на вопросѣ, какъ нужно относиться къ крещенію раскольниковъ, Августинъ утверждаетъ, что крещеніе раскольниковъ есть истинное крещеніе Іисуса Христа, а потому и дѣйствительное. Не теряютъ крещенія

---

[1]) Lib. II, 32. См. De Baptismo Lib. I, II, 2. Написано около 400 г. вскорѣ послѣ сочиненія противъ Парменіана. Migne t. XLIII, 107—108.

даже отступники отъ вѣры, такъ что по возвращеніи ихъ въ Церковь крещеніе ихъ не должно повторяться. Другой вопросъ—законно ли оно имѣется съ канонической точки зрѣнія; но разъ оно есть, оно должно быть признано дѣйствительнымъ, и, какъ таковое, оно не можетъ повторяться. Аналогичная точка зрѣнія должна быть примѣнена и къ таинству священства. Если крещенный въ Церкви, а потомъ отдѣлившійся отъ нея, чрезъ то не теряетъ таинства крещенія, то равно и поставленный въ Церкви давать крещеніе чрезъ отдѣленіе отъ Церкви также не теряетъ права давать крещеніе. Отрицая въ теоріи, донатисты сами признали это на практикѣ, принявши безъ перекрещиванія и вторичнаго поставленія Фелиціана, сподвижника Максиміана [1]).

Несомнѣнно вѣруя, что крещеніе, совершаемое у еретиковъ и раскольниковъ, есть то же самое, какое совершается и въ Церкви, Августинъ, въ случаѣ необходимости, дозволяетъ принимать крещеніе и отъ еретика, лишь бы этотъ православный въ душѣ оставался каѳоликомъ и не отдѣлялся отъ общенія съ Церковью.

Съ точки зрѣнія православныхъ, Августинъ ставитъ двѣ пары тезисовъ: 1) въ каѳолической Церкви есть крещеніе; 2) только въ ней оно правильно принимается; 3) у донатистовъ есть крещеніе; 4) однако оно здѣсь неправильно принимается. Донатисты же выдвигаютъ только одинъ тезисъ: крещеніе есть только въ обществѣ донатистовъ. Отсюда три мнѣнія: 1) только православныхъ (1, 2 и 4 тезисы); 3) только донатистовъ (тезисъ донатистовъ), и 3) тѣхъ и другихъ вмѣстѣ (3-й тезизъ) [2]).

Гдѣ же лучше принимать крещеніе? Можетъ быть, въ томъ обществѣ, гдѣ крещеніе есть, по признанію той и другой партіи? Нѣтъ, крещеніе нужно принимать тамъ, гдѣ

---

[1]) De Baptismo Lib. I, c. I, p. 2.
[2]) Ibidem., c. II, p. 3.

оно правильно принимается. Только невѣдѣніе можетъ служить оправданіемъ принимающему крещеніе отъ схизматиковъ [1]). Схизма есть своего рода болѣзнь, поражающая организмъ. Какъ при болѣзни лѣчатся только пораженные ею члены, а здоровые остаются безъ лѣченія, такъ и у схизматиковъ признается какъ бы здоровымъ то, что они имѣютъ общимъ съ Церковію, и въ чемъ не порываютъ оковъ мира. Этимъ „здоровымъ“ являются у нихъ таинство крещенія, которое православными и признается за дѣйствительное, когда раскольники приходятъ въ Церковь лѣчить свои раны [2]).

Въ доказательство того, что крещеніе имѣетъ силу само по себѣ, хотя и совершается внѣ Церкви, Августинъ ссылается на разсказъ Писанія о человѣкѣ, который, не состоя ученикомъ и послѣдователемъ Христа, изгонялъ бѣсовъ о имени Его. Корнилій былъ услышанъ Богомъ до обращенія, когда еще не получилъ благодати [3]), Если зерна добра сохранились въ падшемъ человѣкѣ, если молитва Корнилія язычника была услышана Богомъ, то несомнѣнно, что и таинство, совершенное по Господню установленію, не теряетъ своей силы нигдѣ.

Но если такъ, то почему же нельзя принять крещеніе и у еретиковъ и схизматиковъ? Августинъ доказываетъ, что донатисты, имѣя истинное крещеніе, теряютъ его благодать и дѣйствіе. Это потому, что донатисты не имѣютъ самаго высшаго дара—любви, безъ котораго ничто не приноситъ пользы человѣку. Съ потерей этого дара, какъ съ болѣзнью одного члена, всему организму грозитъ опасность заразы. И какъ больные послѣ предостереженія врача объ этомъ должны заботиться о всѣхъ членахъ, такъ и расколь-

---

[1]) C. III, 4.
[2]) C. V, 7.
[3]) C. VII—VIII, 9—10.

ники, имѣя одинъ здоровый членъ въ своемъ организмѣ— крещеніе, должны заботиться и объ остальномъ, рискуя, въ противномъ случаѣ не получить пользы отъ этого здороваго члена [1]). Не можетъ приносить имъ пользы крещеніе, если они не хранятъ единства духа и отдѣляются отъ Церкви, не имѣя любви, подобно тому какъ не принесли пользы великія дарованія Каіафѣ, Саулу, Симону Волхву [2]). Но если такъ, то возможенъ и естественъ вопросъ со стороны донатистовъ: возрождаетъ ли дѣтей крещеніе донатистовъ? [3]) сообщается ли прощеніе грѣховъ у донатистовъ? [4]) На подобные вопросы нельзя сразу дать ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта. Подобнаго рода парадоксальными вопросами можно поставить въ тупикъ или довести до абсурда кого угодно. Если признать, что крещеніе донатистовъ возрождаетъ дѣтей, и даетъ прощеніе грѣховъ, то донатисты могутъ гордо замѣтить: мы составляемъ единую истинную Церковь, которая одна только чрезъ крещеніе можетъ рождать чадъ Божіихъ и низводить прощеніе грѣховъ. Правда, въ заключеніи дается больше, чѣмъ дается въ посылкахъ, ибо „только“ донатистовъ никоимъ образомъ естественно не вытекаетъ изъ посылокъ. Если же отвѣтить отрицательно, то донатисты естественно могутъ спросить: почему въ такомъ случаѣ православные не перекрещиваютъ ихъ? Какъ выйти изъ этого затрудненія? Правда, крещеніе донатистовъ истинно, и какъ истинное, оно должно и возрождать и низводить прощеніе грѣховъ. Но его дѣйственность парализуется нравственнымъ состояніемъ принимающаго его. Оно не возрождаетъ человѣка, пока человѣкъ, принявъ крещеніе, находится въ схизмѣ и не имѣетъ любви. Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и прощенія грѣховъ, потому

---

[1]) P. 10—11.
[2]) P. 12.
[3]) C. X, 13.
[4]) C. XI, 15.

что тотъ, кто не имѣетъ любви, по ап. Іоанну, пребываетъ во тьмѣ. Если же отпускаются грѣхи тому, кто крестится у донатистовъ, то какъ возродиться ему? Возродиться вѣдь значитъ—обновить въ себѣ ветхаго человѣка. Но можетъ ли быть обновленіе тамъ, гдѣ царитъ ненависть къ братьямъ—и какъ результатъ ея—схизма [1]). Схизматику только тогда прощаются грѣхи, когда онъ возвращается въ Церковь; тогда въ немъ какъ бы начинаетъ дѣйствовать благодать крещенія, которую онъ имѣлъ и въ схизмѣ. Такъ ясно доказывая возможность крещенія безъ свойственныхъ ему спасительныхъ дѣйствій, Августинъ говоритъ далѣе, что сила таинства можетъ даже въ самый моментъ совершенія таинства дѣйствительно давать отпущеніе грѣховъ и въ расколѣ, но потомъ, по силѣ нечестія раскола, грѣхи снова возвращаются. Тому, кто приступаетъ къ крещенію лицемѣрно, отпускаются грѣхи въ моментъ крещенія, но по его лицемѣрію снова возвращаются, такъ что Св. Духъ и возрождаетъ человѣка, и потомъ сразу же бѣжитъ его, какъ лицемѣра. Нѣчто подобное бываетъ тогда, когда человѣкъ изъ мрака переходитъ чрезъ свѣтлую комнату опять къ мраку. Хотя его глаза обращены постоянно къ мраку, но свѣтъ не можетъ все таки на облить собою проходящаго. Это сравненіе можетъ объяснить, что въ тѣхъ, которые принимаютъ крещеніе внѣ Церкви, крещеніе дѣйствуетъ по крайней мѣрѣ настолько, что они переходятъ чрезъ его свѣтъ къ мраку своего раздѣленія. Чтобы быть еще болѣе понятнымъ, Августинъ указываетъ на примѣръ того раба, которому сначала былъ отпущенъ долгъ, и потомъ снова этотъ долгъ получилъ силу, когда рабъ не захотѣлъ простить долга своему должнику [2]). Такимъ образомъ, Августинъ въ крещеніи различаетъ силу и дѣйствіе, крещеніе

---

[1]) С. XI, 15—16.
[2]) С. XII, 18-20.

въ его сущности (объективную сторону въ таинствѣ), отъ дѣйствія его на человѣка (субъективной стороны), утверждая, что съ объективной стороны таинство можетъ совершаться вездѣ, но дѣйствіе таинства на человѣка опредѣляется его нравственнымъ состояніемъ. Первое не зависитъ отъ человѣка, и потому о крещеніи нельзя говорить: ваше, наше: оно Божіе [1]). Рядомъ библейскихъ примѣровъ онъ доказываетъ ту мысль, что таинства всегда имѣютъ силу и дѣйствіе, только отъ нравственнаго состоянія человѣка зависитъ—будутъ ли ему на пользу дары таинствъ [2]). Тѣ, которые крещены, но не имѣютъ любви, должны быть отнесены къ плотскимъ, которые ни слышатъ ничего, что отъ Духа Божія [3]). Церковь въ однихъ членахъ имѣетъ часть душевную, въ другихъ—духовную. Къ душевному относится Ветхій завѣтъ, къ духовному—Новый. Въ первое время и то и другое было скрыто отъ Адама до Моисея. Моисеемъ явленъ Ветхій завѣтъ, въ которомъ скрывался Новый. Но и въ Новомъ завѣтѣ остались душевными тѣ, у кого остались вожделѣнія Ветхаго завѣта; къ послѣднимъ относится рядъ упоминаемыхъ имъ лицъ, кончающійся Симономъ Волхвомъ. Характерной чертой ихъ является склонность къ раздѣленію, въ чемъ виновны и донатисты [4]). Переходя къ дальнѣйшему, Августинъ дѣлаетъ краткое замѣчаніе о Кипріанѣ, на авторитетъ коего донатисты ссылаются плотски, т. е. чисто внѣшнимъ образомъ, не обращая вниманія на духъ его ученія и поведенія [5]). Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ Августинъ старается показать, что донатисты напрасно ссылаются ва авторитетъ Кипріана, потому что, если даже въ его ученіи и было нѣчто такое, что могло говорить въ

---

[1]) С. XIV, 22.
[2]) С. XV, 23.
[3]) С. XV, 24—XVII, 26.
[4]) С. XVIII, 28—XIX, 29
[5]) С. XVIII, 28—XIX—29.

пользу ихъ, то это плодъ еще недораскрытой для Кипріана истины, и самъ Кипріанъ, какъ бы сознавая это, въ своемъ поведеніи далъ удивительный образецъ истинно христіанскаго отношенія къ мнѣніямъ другихъ. Какимъ же образомъ Кипріанъ могъ быть авторитетомъ для донатистовъ? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и дать ключъ къ пониманію дальнѣйшихъ разсужденій Августина, необходимо изложить хотя бы въ краткихъ чертахъ ученіе Кипріана, давшее поводъ донатистамъ ссылаться на его авторитетъ, а равно уяснить тѣ условія, подъ вліяніемъ коихъ сложилось ученіе Кипріана.

Въ сѣверо-африканскихъ церквахъ еретическое крещеніе не признавалось истиннымъ, и никто не былъ принимаемъ въ Церковь безъ новаго крещенія. Въ защиту этого обычая Тертулліаномъ былъ написанъ особый, утерянный теперь, трактатъ на греческомъ языкѣ, утвержденный на одномъ соборѣ, при Агриппинѣ, епископѣ Карѳагенскомъ, около 200 г. [1]). На этомъ соборѣ было постановлено крестить всѣхъ, кто изъявитъ желаніе перейти отъ ереси въ православіе. Но, тѣмъ не менѣе, надо полагать, что въ подобныхъ случаяхъ не вездѣ и въ Африкѣ держались одного правила. Многіе предстоятели африканскихъ церквей, въ виду несогласныхъ сужденій на мѣстахъ по этому вопросу, начали обращаться къ св. Кипріану, спрашивая его мнѣнія. Епископъ Юбайянъ представилъ Кипріану неизвѣстно кѣмъ написанное письмо противъ перекрещиванія, спрашивая при этомъ, какъ нужно думать о содержаніи этого письма. По желанію его, Кипріанъ подробно разобралъ письмо неизвѣстнаго и послалъ ему разборъ [2]). Въ письмѣ, посланномъ по этому поводу Юбайяну, Кипріанъ высказываетъ свой взглядъ на

---

[1]) Фарраръ. Жизнь и труды св. отцевъ и учителей церкви гл. 6, св. Кипріанъ Карѳагенскій, стр. 185.

[2]) Твореніе Кипріана ч. I, 1879 г. Введеніе, стр. LXXIII.

крещеніе еретиковъ. Еретики, находясь внѣ Церкви, присваиваютъ себѣ вещь, на которую не имѣютъ ни права ни власти, и чего православные не могутъ ни одобрить ни признать законнымъ, такъ какъ извѣстно, что это имъ не позволено[1]). Слѣдовательно, крещеніе, совершенное еретиками, не есть собственно крещеніе, а есть профанація его. Поэтому св. Кипріанъ не употребляетъ даже слова „перекрещиваніе“ въ примѣненіи къ крещенію, совершенному надъ переходящими изъ раскола въ православіе. „Крещеніе одно, которое установлено въ каѳолической церкви, и потому намъ должно не перекрещивать, а крестить всякаго, кто приходитъ омыться отъ поддѣльной и нечестивой воды и освятиться истиною спасительной воды “[2]).

Настаивая на крещеніи приходящихъ отъ ереси, св. Кипріанъ ссылается на соборъ, бывшій при Агриппинѣ (около 200 г), который постановилъ то же самое, и съ тѣхъ поръ столько тысячъ еретиковъ, обратившихся къ Церкви не только не гнушались и не колебались получать благодать животворящей купели, но еще разумно и охотно настаивали на этомъ [3]).

Въ виду того, что по мнѣнію Юбайяна не должно доискиваться того, кто крестилъ, потому что крещенный могъ получить отпущеніе грѣховъ по одной вѣрѣ своей [4]), Кипріанъ, совершенно справедливо, съ точки зрѣнія своихъ основныхъ принциповъ, замѣчаетъ, что если бы еретики исповѣдывали ту же вѣру, что и православные, то у нихъ могло быть одно крещеніе съ православными; но такъ какъ, какъ показываетъ примѣръ Маркіона, ихъ вѣра или, лучше сказать, изувѣрство, богохульство и пренія, существенно

---

[1]) Творенія Кипріана Карѳаг. часть I, стр. 333, изд. 2.
[2]) Ibid., 332.
[3]) Ibid., 333.
[4]) Ibid., 334.

отличаются отъ вѣры православныхъ, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи объ истинномъ крещеніи еретиковъ, такъ какъ по ложной вѣрѣ еретикъ получаетъ одно подложное и нечестивое [1]).

Вообще крещеніе и прочія таинства могутъ быть только въ Церкви, а внѣ ея ничто не можетъ быть ни дано, ни связано, потому что тамъ нѣтъ и іерархіи [2]).

Даже крещеніе исповѣданія и страданія, имѣющее бо́льшую и высшую силу, чѣмъ крещеніе водою, возможность коего, повидимому, не обусловливается принадлежностью къ Церкви, не приноситъ пользы еретику [3]). Такимъ образомъ всѣхъ обращающихся отъ ереси къ Церкви должно крестить [4]).

Но не смотря на всю строгость основныхъ принциповъ, св. Кипріанъ находитъ возможнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлать уступку христіанской любви и милосердію. Эта уступка и даетъ Августину возможность, основываясь на томъ же самомъ письмѣ къ Юбайяну, отражать донатистовъ, опирающихся на авторитетъ Кипріана. Предъ Кипріаномъ былъ поставленъ вопросъ: „что будетъ съ тѣми, которые, прежде этого, обратившись отъ ереси къ Церкви, были приняты безъ крещенія“? „Господъ по милосердію своему силенъ даровать имъ крещеніе, и тѣхъ, кои бывъ приняты въ Церковь, въ Церкви же и опочили, не лишитъ даровъ Церкви Своей“ [5]).—Вотъ что сказалъ Кипріанъ, ради мира Церкви не желающій настойчиво и упорно проводить въ жизнь своихъ взглядовъ, а предпочитающій пожертвовать ими, если это не вредитъ самой сущности христіанства, лишь бы не послужить соблазномъ для немощныхъ братьевъ.

---

[1]) Ibid., 335.
[2]) Ibid., 288, (1 изданія).
[3]) Ibid., 297.
[4]) Ibid., 298.
[5]) 299 ср. De Baptismo 2 (ср. V,) с. II, 2.

Между тѣмъ, соборы африканской церкви (254 г. изъ 31 епископа и 255 г. изъ 71 епископа) рѣшительно высказались за перекрещиваніе, и за принятіе клирковъ, поставленныхъ еретиками, простыми мірянами [1]).

Пользуясь мирнымъ временемъ, Кипріанъ въ сентябрѣ 256 года созвалъ новый соборъ изъ 85 епископовъ. На этомъ соборѣ была прочитана переписка Кипріана съ Юбайяномъ; затѣмъ Кипріанъ пригласилъ каждаго изъ отцевъ собора высказать свое мнѣніе съ полной свободой. „Остается высказать каждому свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Мы никого не принуждаемъ и никого не лишаемъ общенія, хотя бы кто мыслилъ и не одинаково съ нами, ибо никто изъ насъ не ставитъ себя епископомъ епископовъ, никто страхомъ насильственной власти не принуждаетъ братій къ повиновенію себѣ; каждый епископъ можетъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, и ни самъ не можетъ быть судимъ другими, ни другихъ судить не можетъ“ [2]). Затѣмъ епископы, дѣйствительно произносили свое мнѣніе [3]), только во мнѣніяхъ ихъ не было разногласія. Всѣ они единодушно держались мнѣнія, что внѣ Церкви нѣтъ спасенія, и потому, необходимо крестить еретиковъ. Послѣ всѣхъ высказалъ свое мнѣніе и св. Кипріанъ. „Мое мнѣніе вполнѣ высказано въ письмѣ моемъ къ Юбайяну: еретиковъ—этихъ противниковъ Христа и антихристовъ, должно крестить единымъ крещеніемъ Церкви, чтобы они могли сдѣлаться изъ враговъ друзьями, изъ антихристовъ—христіанами“ [4]). Впослѣдствіи соборъ въ Арелатѣ отвергъ мнѣніе Кипріана. Церковь Африканская молчаливо и постепенно приняла

---

[1]) Творенія Кипріана ч. I, изд. 1. Введеніе 59.

[2]) De Baptismo. Lib. VI, c. VI, 9.

[3]) Мнѣнія ихъ приведены Августиномъ и по поводу каждаго изъ нихъ Августиномъ сдѣлано краткое замѣчаніе въ „De Baptismo“. Lib. V., c. VIII; 11—Lib. VII.

[4]) De Baptismo Lib. VII. c. X.

воззрѣніе церкви Римской, и полтора столѣтія спустя Августинъ, въ своей аргументаціи противъ донатистовъ, устранялъ авторитетъ прежнихъ соборовъ и Кипріана, и опровергалъ доводы, которые заимствовали у нихъ донатисты [1]).

Приступая къ разбору ученія Кипріана о крещеніи, Августинъ, воздавая должную дань уваженія Кипріану, какъ епископу и мученику, обладающему прекрасными качествами, сравниваетъ его съ Ап. Петромъ по служенію и по идеямъ, проводимымъ ими. Характерной чертой и того и другого является смиреніе, вслѣдствіе чего оба они готовы уступить меньшему ихъ по авторитету, лишь бы онъ возвѣщалъ имъ чистую истину [2]). Изложивши исторію собора 255 года [3]), Августинъ проводитъ интересный и кардинальный взглядъ на авторитетъ соборовъ и отцовъ Церкви. Это нужно было для того, чтобы подорвать значеніе прежнихъ соборовъ, утвердившихъ крещеніе приходящихъ къ Церкви. Мнѣнія отцовъ Церкви исправляются или отмѣняются лицами, имѣющими большую по сравненію съ ними ученость и авторитетъ, или же частными соборами. Постановленія послѣднихъ, въ свою очередь, могутъ быть отмѣнены общимъ соборомъ, если послѣдній признаетъ ихъ неправильными [4]).

Въ силу этого и мнѣніе св. Кипріана и соборовъ его времени могло и должно потерять свою силу, когда послѣдующіе и болѣе многолюдные соборы признали возможнымъ допустить другое мнѣніе.

Раскрывая и разбирая ученія св. Кипріана о крещеніи еретиковъ, Августинъ дѣлаетъ это съ сохраненіемъ полнаго уваженія къ памяти св. мужа, и, извиняя погрѣшность св. Кипріана, говоритъ, что хотя обычай принимать въ Церковь

---

[1]) Фарраръ 187.
[2]) Lib. II, c. I, p. 2.
[3]) C. II, 3.
[4]) C. III. 4.

безъ повторенія крещенія и былъ соблюдаемъ Церковью, но онъ не былъ еще утвержденъ соборомъ. Поэтому, оставалось еще мѣсто вопросу, имѣютъ ли еретики крещеніе. Съ другой стороны Богъ попускаетъ и св. людямъ погрѣшать, чтобы испытать ихъ, сохранятъ ли они союзъ міра, если встрѣтятъ противорѣчіе своимъ мнѣніямъ, и какъ примутъ истину, если она будетъ открыта. Судя по поведенію и настроенію Кипріана, можно было бы ожидать отъ него, что онъ безъ замедленія принялъ бы открытую истину и подчинился бы опредѣленію Церкви, а не нарушилъ бы мира церкви. Но общее настроеніе Церкви въ то время совпало съ его личнымъ настроеніемъ [1]). Кипріанъ даетъ намъ примѣръ согласія и терпѣнія, „чтобы мы любили наше собственное не крѣпко, и если когда что нибудь нашими братьями преподносится намъ здраво и любезно, предпочитали бы нашему собственному“ [2]). Въ оправданіе Кипріану можно поставить: *„homines enim sumus“*. Но почему донатисты, ссылаясь на Кипріана въ выгодномъ и полезномъ для нихъ, не обращаютъ вниманія на общій духъ его поведенія, напр., на рѣчь его на соборѣ 256 г., почему они отдѣляются отъ Церкви? Если донатисты, отдѣляются изъ опасенія, чтобы общеніемъ съ злыми не погибли праведники, то, стоя на такой точкѣ зрѣнія, необходимо допустить, что Церковь погибла уже во времена Кипріана, который терпѣлъ въ своей средѣ недостойныхъ членовъ и неодинаковомыслящихъ съ нимъ людей [3]). Пороками злыхъ людей не наносится вреда праведнымъ, потому что грѣшники *suo domino stant aut cadunt“* [4]).

Если Кипріану повредили общеніемъ съ нимъ недостойные люди, значитъ—Церковь погибла; если же не повредили,

---

[1]) C. IV—V, p. 5, 6.
[2]) C. IV, p. 5; VIII, 3.
[3]) C. VI, 7—9.
[4]) C. VII, 10—12.

значить, они не могутъ вредить. Если общеніемъ съ такими людьми Кипріанъ не осквернился, почему они не слѣдуютъ его примѣру для поддержанія единства [1]).

А не слѣдовали они его примѣру въ исторіи максиміанистовъ; въ защиту своего отношенія къ нимъ они не могутъ сказать рѣшительно ничего, не рискуя обнаружить свою нелогичность и незнаніе исторіи [2]). Для нихъ лучше слѣдовать примѣру Кипріана, возвратиться въ Церковь и сохранить узы сдиненія и мира. Цѣлымъ рядомъ совѣтовъ и наставленій и заканчиваетъ Августинъ свою вторую книгу [3]).

Слѣдующія книги (3—6) посвящены разбору письма Кипріана къ Юбайяну, въ которомъ Кипріанъ собралъ почти всѣ доказательства въ пользу своего мнѣнія.

Августинъ не оставилъ безъ вниманія и нѣкоторыхъ другихъ посланій св. Кипріана: къ Квинту [4]), къ Сатурнину [5]) и Помпею [6]). Намѣреваясь разобрать каждое изъ указанныхъ писемъ въ полномъ его составѣ, Августинъ, конечно, не могъ избѣгнуть повтореній, что и замѣтилъ самъ Августинъ [7]), оправдывая себя тѣмъ, что онъ дѣлалъ это для людей простодушныхъ, которые могли подумать, что не все опровергнуто, если опровергнуты только избранныя мѣста [8]).

Разборъ писемъ Августинъ предваряетъ замѣчаніемъ, что на авторитетъ Кипріана съ одинаковымъ правомъ могутъ ссылаться и донатисты, и православные. Кипріанъ не отдѣлялся отъ иначе съ нимъ мыслящихъ и не сочувствовалъ идеѣ раздѣленія [9]).

---

[1]) C. X. 15.
[2]) C. XII, 17.
[3]) C. XIII—XIV, 18—20.
[4]) Lib. V, 18—19.
[5]) Lib. V, c. 21—22.
[6]) Lib. IV, p. 7. Lib. V, 23—27.
[7]) Lib. II, c. I, p. I.
[8]) Ibidem.
[9]) Lib. III, c. I.

Перейдя на историческую почву, Августинъ ставитъ предъ донатистами два вопроса: 1) была ли Церковь прежде Агриппина, съ котораго началось это новое сужденіе, идущее въ разрѣзъ съ прежнимъ обычаемъ; 2) сохранилась ли Церковь послѣ Кипріана, когда утверждено было, что крещеніе Христа дѣйствительно, хотя бы оно давалось въ еретическомъ обществѣ [1]). Вопросы поставлены были принципіально. Требовалось отвѣтить—относится ли то или иное рѣшеніе данной проблемы къ существу Церкви, или рѣшеніе вопроса, не имѣющаго принципіальнаго значенія, можетъ колебаться въ зависимости отъ историческихъ условій. Но Августинъ въ данномъ случаѣ имѣлъ въ виду еще и другое. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта на эти вопросы у него готовъ былъ новый вопросъ: „откуда въ такомъ случаѣ явился Донатъ, а вмѣстѣ съ нимъ и донатисты“ [2]).

Приступая къ разбору писемъ, Августинъ устанавливаетъ основной принципъ Кипріана при рѣшеніи спорныхъ вопросовъ: никого нельзя судить или никому нельзя отказать въ правѣ общенія, кто иначе думаетъ [3]); каждому предоставляется свобода въ рѣшеніи данной проблемы. Этотъ принципъ и служитъ базой для Августина при опроверженіи имъ донатистовъ.

Изъ рѣчей нѣкоторыхъ участниковъ собора 256 года Августинъ вывелъ заключеніе, что перекрещиваніе еретиковъ есть не что иное какъ обычай, и что въ Церкви существовалъ и другой обычай, имѣющій не меньшія права на существованіе [4]). Каждый обычай получаетъ силу закона, канона въ томъ случаѣ, если будетъ санкціонированъ высшимъ авторитетомъ. Такимъ авторитетомъ, по Августину,

---

[1]) Ibid., c. II, p. III.
[2]) Ibid.
[3]) C. III, p. 5.
[4]) C. V, IX, 7—12.

служитъ истина. Если она покажетъ, что должно удерживать то, что самъ обычай предписываетъ, ясно, что не напрасно онъ установленъ или утвержденъ [1]). Если же ссылаться на давность обычая, то въ такомъ случаѣ, по словамъ самого же Кипріана, обычай крестить еретиковъ—новый, ибо ведетъ начало только съ Агриппина [2]).

Разсуждая принципіально, Августинъ признаетъ, что правильно совершенное внѣ Церкви крещеніе есть несомнѣнно такое же точно крещеніе, какое совершается и въ самой Церкви—ни менѣе, ни болѣе. Какъ св. Писаніе, будучи даровано единой Церкви, въ то же время можетъ находиться и внѣ Церкви, въ рукахъ еретиковъ и раскольниковъ, и если оно не измѣнено, то несомнѣнно, что оно и у еретиковъ то же самое, какое и въ Церкви; точно также и крещеніе, будучи достояніемъ единой Церкви, безъ ущерба для себя можетъ существовать какъ бы отдѣльно отъ Церкви, и оставаться неизмѣннымъ въ своей сущности [3]). Другое дѣло—какое дѣйствіе производитъ крещеніе на еретика.

Иное дѣло совсѣмъ не имѣть, какъ учитъ Кипріанъ, а иное дѣло не по праву имѣть, какъ учитъ Августинъ [4]). Водѣ крещенія не могутъ вредить злые, хотя она однихъ готовитъ ко спасенію, а другихъ—къ гибели. Кипріанъ былъ правъ съ точки зрѣнія своихъ принциповъ. Но безусловно ли истинны были эти примѣры? Не указывая на нихъ спеціально, Августинъ, какъ бы мимоходомъ, разбираетъ и критикуетъ ихъ. Кипріанъ признавалъ, что крещеніе можетъ быть только въ Церкви, и Августинъ соглашаясь съ нимъ въ томъ, что истинное и спасительное (въ субъектив-

---

[1]) C. IX, 12.

[2]) C. XII, 17.

[3]) C. XV, 20, срав. Lib. V, c. VIII, 9, c. XIV, 16. Во всемъ остальномъ—одинъ можетъ быть и ревностнѣе и умнѣе другого, но нельзя сказать, что одинъ болѣе или менѣе крещенъ, чѣмъ другой.

[4]) C. X. B. Ср. Lib. V, c. VII, 8; c. XV; 19.

номъ смыслѣ) крещеніе можетъ быть только въ Церкви, признавая въ то же время, что крещеніе, какъ таинство (въ объективномъ смыслѣ), можетъ быть и у еретиковъ, хотя плоды его тамъ не обнаруживаются. Онъ настаиваетъ даже на томъ, что если совершается крещеніе даже надъ лицемѣромъ, надъ неправильно вѣрующимъ и мыслящимъ о Св. Тройцѣ, воскресеніи, или о чемъ нибудь другомъ, оно дѣйствительно, и если человѣкъ перемѣнитъ свои нравственныя воззрѣнія, оно начинаетъ дѣйствовать для его спасенія [1]). Поэтому дѣйствительно крещеніе даже Маркіона, хотя вѣра его и не была чистою [2]). Личная вѣра, по Кипріану, служитъ условіемъ дѣйствительнаго совершенія крещенія. Но вѣдь тѣ свойства, какія приписываетъ Кипріанъ еретикамъ, могутъ быть приписаны и нѣкоторымъ членамъ самой Церкви, совершающимъ и пріемлющимъ св. крещеніе. Апостолъ изрекъ истиннѣйшую мысль: „душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія“, между тѣмъ онъ говоритъ это относительно тѣхъ, кои были уже крещены [3]). Крещенные еретики, приходящіе въ Церковь, принимаются черезъ возложеніе рукъ, чрезъ это дѣйствіе дается даръ любви, котораго они не имѣли въ схизмѣ, и безъ котораго крещеніе служило имъ въ осужденіе [4]). Поэтому и отцы наши, и прежде Кипріана и послѣ него, постановили, что если найдется что-нибудь чистое и законное въ схизмѣ, то лучше не отрицать его, а одобрять [5]), показывая этимъ, что при всей глубинѣ нравственнаго паденія человѣка, въ его душѣ остаются капли добра, и что, слѣдовательно, таинство, совершенное надъ такимъ человѣкомъ, дѣйствительное само въ себѣ, можетъ

---

[1]) C. XIV, p. 19 срав. Lib. V, c. XX, 28.
[2]) C. XV, 20.
[3]) Ibid., 20.
[4]) Ibid., c. XVI, 21.
[5]) C. XIX, 28.

воздѣйствовать на эти капли добра, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ изъ этихъ капель можетъ возрасти любовь къ Богу и ближнимъ. Тогда человѣкъ перерождается, и таинство начинаетъ дѣйствовать ему во спасеніе. А что это возможно, Августинъ доказываетъ тѣмъ, что, по предвѣдѣнію Божію, многіе, которыхъ мы называемъ еретиками, лучше православныхъ. У Бога одно настоящее, мы же по человѣчеству хотимъ отрѣзать отъ Церкви нѣкоторые члены [1]).

Крещеніе можетъ быть и внѣ Церкви, даръ же блаженной жизни можетъ быть только внутри ея. Церковь подобна Библейскому раю. Въ раю находились рѣки, которыя выходили изъ рая и омывали извѣстныя страны, Но внѣ рая онѣ не доставляли той сладости жизни, какую доставляли въ раю. Необходимо различать таинство само въ себѣ отъ его дѣйствій; само по себѣ оно можетъ существовать нерушимо въ человѣкѣ; крещеніе само въ себѣ нерушимо, потому что оно совершается благодатію Божіею. Оно есть дѣло Божіе, поэтому мы, принимая еретиковъ безъ крещенія, не должны говорить, что принимаемъ крещеніе еретиковъ [2]), но его спасительныя дѣйствія обусловливаются расположеніемъ людей, или *„спасительное дѣйствіе составляется изъ крещенія и обращенія сердца“*.

Возвращаясь къ предмету своего разсужденія, Августинъ говоритъ, что донатисты не имѣютъ никакого основанія ссылаться на авторитетъ св. Кипріана. Пусть никто не говоритъ и не утверждаетъ: „что мы приняли отъ Апостоловъ, тому и слѣдуемъ“, потому что и во времена Кипріана было не мало такихъ, которые обычай противъ всѣхъ соборовъ возводили ко временамъ апостоловъ. Нѣтъ возможности ссылаться въ такихъ дѣлахъ на авторитетъ апостоловъ, потому что на него можно съ одинаковымъ пра-

---

[1]) Lib. IV. c. III и 4.
[2]) C. IV, 5.

вомъ ссылаться и во всѣхъ противныхъ случаяхъ [1]). Пусть лучше они подражаютъ поведенію Кипріана. Въ Кипріанѣ отсутствовали зависть и ревность. Онъ подобно Ап. Павлу относился терпѣливо ко всѣмъ грѣшникамъ, даже явнымъ, потому что признавалъ смѣшанный характеръ Церкви [2]) Царство Божіе и царство діавола перемѣнѣны между собою. Внутри царства діавола нѣкто принадлежитъ Христу, и внутри царства Христа—діаволу. Въ Церкви діаволу позволено сѣять плевелы, т. е. злыхъ людей. Допущено это вслѣдствіе скитанія самой Церкви, чтобы члены ея сильнѣе желали покоя отечества, которымъ наслаждаются ангелы. Внутренніе плевелы предназначены къ огню. Внѣшніе могутъ спастись, если не потеряли способность возвращенія. Кто же лучше—внутренніе злые, или внѣшніе, т. е. находящіеся въ Церкви или находящіеся внѣ ея? Внутренніе злые скорѣе могутъ исправиться. Но и внѣшнимъ не закрытъ путь къ исправленію, потому что вовнѣ—нѣкоторые за Христа [3]). Значитъ—какъ внутри Церкви, какъ свидѣтельствуютъ и апостолы [4]), могутъ быть еретики, какъ во времена Кипріана были хищники не только изъ мірянъ, но даже и изъ епископовъ—и это нисколько не вредило святости Церкви и ея таинствамъ; такъ и на находящихся внѣ Церкви мы не должны смотрѣть съ отчаяніемъ, потому что терпѣніе Божіе ведетъ ихъ къ покаянію, и спасеніе не далеко ни отъ кого, и ихъ доброе всегда останется добрымъ—и они будутъ спасены, лишь бы присоединились къ единству Церкви [5]). Возьмите двухъ одинаково порочныхъ людей. Какъ должны мы смотрѣть на двухъ одинаково порочныхъ людей, изъ которыхъ одинъ крестился внутри, а другой—внѣ. Хуже тотъ, по Августину, кто внѣ крестится,

---

[1]) С. VI, 8—9.
[2]) С. VIII—IX, 11—12.
[3]) С. IX, 13—X, 16.
[4]) С. XII. 18.
[5]) С. XIII—XIV, 19—22

но не потому, что таинство внѣ—хуже, чѣмъ внутри, а потому, что онъ самъ находился внѣ. Если же сравнить порочнаго праведника и еретика, въ жизни коего не находятъ ничего достойнаго порицанія, то окажется, что это одно и тоже, но у обоихъ таинство имѣетъ силу [1]).

Возможенъ вопросъ: что будетъ, если оглашенные, еще не принявшіе крещенія, будутъ убиты? Они получатъ вѣнецъ безъ крещенія. Что это доказываетъ? Только развѣ то, что скорѣе еретикъ съ крещеніемъ можетъ быть допущенъ въ Царство Христа, чѣмъ оглашенный. Не только долженъ быть предпочтенъ крещенный еретикъ оглашенному—вѣрному, но даже внутри Церкви добрый оглашенный долженъ быть предпочтенъ невѣрному крещенному Симону волхву. Однако Корнилій былъ крещенъ потомъ. Это значитъ, что доброму оглашенному для входа въ Царство Небесное не достаетъ крещенія, а злому крещенному—истиннаго обращенія. Безъ этихъ условій и тотъ и другой не можетъ спастись [2]).

Къ чему же ведетъ Августинъ эти длинныя разсужденія? Къ тому, чтобы признать, что какъ мы не должны порицать правды человѣка, которая начинается прежде присоединенія его къ Церкви, какъ показываетъ примѣръ Корнилія; такъ не должны порицать таинство крещенія, хотя бы оно было совершено внѣ Церкви [3]).

Въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ, разбирая послѣднюю часть письма къ Юбайяну, Августинъ повторяетъ почти всѣ свои прежніе доводы и аргументы, особенно указывая донатистамъ на то, какъ Кипріанъ по своему истинно-христіанскому настроенію рѣшилъ вопросъ о тѣхъ, которые прежде были приняты изъ ереси безъ крещенія, и какъ во-

---

[1]) C. XVI, 23, XX, 27.
[2]) C. XXI, 28.
[3]) Ibid.

обще Кипріанъ относился къ противомыслящимъ. Въ дальнѣйшемъ заслуживаетъ вниманія разборъ Августиномъ вопроса со стороны донатистовъ: если не должно быть перекрещиванія, то почему Павелъ перекрестилъ крещенныхъ Іоанномъ. Какъ и всегда, они здѣсь особенно выдвигали авторитетъ Іоанна Крестителя, который (авторитетъ) будто бы не позволялъ повторять разъ совершеннаго Іоанномъ крещенія. Если послѣ большаго изъ рожденныхъ женами потребовалось новое крещеніе, то почему-же не перекрещиваются послѣ грабителей епископовъ и вообще порочныхъ священнослужителей. Отвѣтъ ясенъ. Крещеніе Іоанново существенно отличалось отъ крещенія Христа: оно было лишь приготовленіемъ людей къ благодатному таинству; оно давало прощеніе грѣховъ лишь въ „надеждѣ“ [1]). Донатисты все вниманіе сосредоточиваютъ на совершителѣ таинства. Но, по Августину, таинство благодати Богъ даетъ даже чрезъ злыхъ; самую-же благодать даетъ только чрезъ Себя или чрезъ святыхъ. Подобно этому и одѣваются люди во Христа иногда принятіемъ крещенія, иногда освященіемъ жизни. Первое свойственно всѣмъ, второе—только благочестивымъ и добрымъ. Если крещеніе не можетъ быть безъ Св. Духа, значитъ, имѣютъ Его и еретики, хотя бы и въ погибель. Дѣло въ настроеніи сердца, а не въ томъ—гдѣ и отъ кого человѣкъ крестится: внѣ или внутри, отъ порочныхъ или святыхъ [2]). Всѣ эти и подобныя разсужденія ясно показывали, что донатисты безъ основанія ссылаются на авторитетъ Кипріана, который при всей убѣжденности въ правотѣ своихъ принциповъ, проявлялъ истинно-христіанскія качества, какихъ недостаетъ донатистамъ; съ другой стороны, его убѣжденія, съ точки зрѣнія Августина, были-бы болѣе безошибочны, если-бы онъ руководился не a priori взятыми

---

[1]) Lib. V, c. X—XII, 12—14).
[2]) Ibid, a XXI, 29, XXIV, 34, XXVIII, 39.

положеніями, а основывалъ-бы ихъ на знаніи и пониманіи истиннаго христіанскаго ученія о Церкви и благодати, и на знаніи исторіи и законовъ ея.

Какъ-бы для большаго посрамленія донатистовъ, Августинъ рисуетъ имъ дѣятельность Кипріана на Карѳагенскомъ соборѣ 256 г., когда общее настроеніе было всецѣло на его сторонѣ. Августинъ приводитъ мнѣнія всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ, сопровождая ихъ поясненіемъ, большею частью, въ полемическомъ тонѣ, стараясь или найти въ нихъ крупицы для защиты своихъ положеній, или подвергая ихъ критикѣ, большею частью, съ точки зрѣнія исторіи и логики. Сущность его замѣчаній не представляетъ ничего новаго и оригинальнаго, по сравненію съ тѣмъ, что было высказано раньше.

Въ заключеніе Августинъ даетъ увѣщаніе донатистамъ подражать примѣру Кипріана, и не отдѣляется отъ Церкви.

Блаженный Августинъ сумѣлъ защитить истину и сохранить должное уваженіе къ славной памяти святителя и мученика. Онъ не только не дозволилъ себѣ, какъ можно-бы ожидать, порицаній и насмѣшекъ при изслѣдованіи не во всемъ твердыхъ и правильныхъ доводовъ Кипріана; напротивъ, не разъ высказывалъ твердую надежду на силу его молитвъ и выводилъ не мало нравоучительныхъ наставленій изъ его отношенія къ своимъ противникамъ. Согласно требованіямъ истины, блаженный Августинъ представилъ Кипріана идеальнымъ любителемъ христіанскаго мира и единодушія. Онъ изслѣдуетъ вопросъ, для чего Господь допустилъ Кипріана увлечься не совсѣмъ истиннымъ мнѣніемъ о крещеніи, и ясно доказываетъ, что цѣлью этого могло быть, съ одной стороны, наученіе другихъ миру и единодушію, съ другой, наученіе должному благоговѣнію предъ Св. Писаніемъ. Богъ не хотѣлъ открыть столь святому мужу невѣрность его мнѣнія для того, чтобы сдѣлать для всѣхъ извѣстнымъ его смиреніе и любовь, и чтобы его при-

мѣръ послужилъ полезнымъ урокомъ не только для современниковъ, но и для потомства. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что Господь допустилъ Кипріану впасть въ ложное мнѣніе по Своему милосердію къ людямъ, для увѣренія ихъ въ томъ, что въ писаніяхъ благочестивыхъ и ученѣйшихъ ораторовъ христіанскихъ всегда можно найти нѣчто несогласное съ истиною, между тѣмъ какъ простые рыбаки, посланные для проповѣди Евангелія, совершенно чужды лжи и заблужденія [1]).

Что касается главнаго вопроса сочиненія, то Августинъ разобралъ его во всѣхъ деталяхъ. Вопреки мнѣнію донатистовъ, опиравшихся на авторитетъ Кипріана, по ученію Августина, можно признать, что и въ еретикахъ и раскольникахъ дѣйствуетъ сама собою благодатная сила крещенія. Какъ изъ того, что благодать крещенія не продолжаетъ своихъ спасительныхъ дѣйствій надъ крещеніемъ въ самой церкви, но послѣ утратившимъ свою чистоту, не слѣдуетъ, что такой человѣкъ не крещенъ; такъ же точно не слѣдуетъ отрицать истину крещенія еретиковъ потому, что еретику это крещеніе служитъ не на пользу, если онъ пребываетъ въ упорствѣ. Августинъ не отвергаетъ, что пребываніе внѣ Церкви дѣйствительно составляетъ рѣшительное препятствіе къ усвоенію благодатныхъ даровъ крещенія, но при этомъ утверждаетъ, что и внѣ Церкви совершенное крещеніе само въ себѣ свято и истинно. Главнымъ условіемъ спасительности крещенія служитъ примиреніе съ православной Церковью и присоединеніе къ ней, результатомъ чего является то, что, какъ-бы связанная оковами раздора и пороковъ, благодать крещенія начинаетъ дѣйствовлть ва пользу и спасеніе человѣка. Но развивая свой взглядъ на крещеніе, Августинъ такъ настойчиво указывая

---

[1]) Lib. V, c. XVII, 23.

на необходимость различать въ крещеніи двѣ стороны, самъ не полагаетъ рѣзкой и строго-опредѣленной границы между объективной и субъективной стороной крещенія. Сужденія его объ этомъ, при отсутствіи строго-логическихъ предпосылокъ, представляются чрезвычайно отрывочными, часто даже случайно вставленными въ общій ходъ мыслей. Въ этомъ отношеніи онъ далеко уступаетъ Кипріану, система котораго является замѣчательно стройною по своему единству и логичности. Объясняется-ли это обстоятельствами, при которыхъ писалось данное произведеніе, характеромъ сочиненія, или же отсутствіемъ у Августина строгихъ незыблемыхъ принциповъ и, потому, постояннымъ колебаніемъ его—сказать трудно. Но несомнѣнно, что колебаніе вообще было свойственно Августину. Необходимо отмѣтить въ данномъ случаѣ, что впослѣдствіи, въ полемикѣ съ Пелагіемъ, Августинъ отстаивалъ нѣсколько иной, чтобы не сказать больше, взглядъ на ходъ спасенія человѣка и участіе въ немъ человѣческихъ силъ. Въ сочиненіи, „De Baptismo" человѣку и его естественнымъ силамъ приписывается великая *роль* какъ-бы освобождать даруемую въ таинствахъ благодать отъ оковъ грѣха, связывающихъ ее и препятствующихъ дѣйствовать ей на пользу человѣка. Въ полемикѣ же съ Пелагіемъ все дѣло спасенія человѣка приписываетъ благодати Божіей, совершенно отрицая значеніе человѣческихъ силъ въ дѣлѣ спасенія.

Около этого же времени вышли въ свѣтъ сочиненіе Августина: „Contra litteras Petiliani" (libri I—II) и, какъ бы дополненіе нему, сочиненіе „De Unitate Ecclesiae". Первое изъ указанныхъ сочиненій представляется для историка болѣе содержательнымъ, чѣмъ всѣ предшествующіе полемическіе трактаты, по обилію и разнообразію матеріала и по полнотѣ раскрытія главныхъ вопросовъ раскольнической доктрины. Изъ этого сочиненія можно извлечь не мало матеріала для характеристики Августина, какъ полемиста и дѣятеля

противъ раскола. Центральными вопросами, разрѣшенными въ данномъ сочиненіи, являются: вопросъ 1) о крещеніи, 2) о Церкви и 3) объ отношеніи Церкви къ государству. Въ виду того, что вопросъ о Церкви затронутъ былъ меньше, чѣмъ другіе вопросы, разрѣшенію его Августинъ и посвятилъ особое сочиненіе „De Unitate Ecclesiae", вышедшее вскорѣ же послѣ указаннаго сочиненія. Обстоятельства происхожденія послѣдняго таковы. Въ одну изъ поѣздокъ Августина друзья его представили ему часть пастырскаго посланія Петиліана, епископа г. Цирты. Петиліанъ—адвокатъ по образованію и призванію, родился въ христіанской семьѣ. Будучи оглашенъ въ православной вѣрѣ, онъ былъ насильно увлеченъ донатистами въ расколъ, насильно крещенъ и поставленъ епископомъ въ г. Циртѣ или Константинѣ. Вопреки ожиданіямъ, онъ сдѣлался ревностнымъ до фанатизма защитникомъ раскола и извѣстенъ въ исторіи, какъ участникъ Карѳагенскаго диспута [1]). Это былъ очень умный и краснорѣчивый человѣкъ, по отзыву блаж. Августина [2]), а самъ онъ былъ такого высокаго мнѣнія о своихъ достоинствахъ, что называлъ себя „параклитомъ" [3]). Сочиненія Августина противъ его посланія даютъ не мало матеріала для характеристики какъ его нравственныхъ принциповъ, такъ и литературныхъ пріемовъ его. Не отрицая въ немъ блестящихъ умственныхъ дарованій и дара краснорѣчія, Августинъ отмѣчаетъ въ немъ стремленіе защищать явную распущенность съ глупымъ упорствомъ [4]). Для достиженія своей цѣли—защитить донатизмъ—Петиліанъ прибѣгаетъ постоянно къ недоброкачественнымъ пріемамъ, тенденціозно выбирая и изъясняя нужныя мѣста Писанія, искажая исто-

[1]) Admenitio ad libros tres contra Pet. litteras.

[2]) Contra Pet. litt lib. I, c. I, p. I. XLIII стр. 240—4. Ср. Sermo ad Caesar. eccl. plbeb. p. 8, стр. 697. Migne t. XLIII.

[3]) Lib. III, c. XVI, p. 19.

[4]) Lib. I. c. I, p. I.

рическую правду, прибѣгая къ софизмамъ и діалектическимъ тонкостямъ. И это все было бы менѣе позорно для него, если бы онъ держался въ предѣлахъ корректности, а не прибѣгалъ бы къ клеветамъ, а иногда и къ прямымъ ругательствамъ по адресу своихъ противниковъ. Не увѣренный, очевидно, въ силѣ и вѣсѣ аргументаціи положеній своей доктрины, онъ пишетъ свое посланіе такъ, какъ будто оно предназначено для неопытныхъ [1]). По той же причинѣ онъ не желаетъ, чтобы его посланіе попало въ руки православныхъ [2]), и вообще боится вступить въ литературную борьбу съ православными [3]). Самъ прибѣгая къ діалектикѣ, онъ отнимаетъ, однако, у своихъ противниковъ право пользоваться этимъ пріемомъ и обвиняетъ Августина въ діалектикѣ, выставляя се на позоръ предъ судомъ народнымъ, какъ мастерицу лжи, и отожествляетъ его съ риторомъ Тертулломъ, противникомъ апостола Павла, за что и получилъ отъ Августинъ вполнѣ заслуженный упрекъ, что онъ „не честный спорщикъ“ [4]). Вотъ каковъ былъ литературный противникъ Августина! Предъ вступленіемъ на каоедру епископа Цирты Петиліанъ издалъ пастырское посланіе къ пресвитерамъ и діаконамъ своей паріки съ цѣлью укрѣпить ихъ въ борьбѣ съ православными. По своему характеру это посланіе есть апологія донатизма, но апологія отрицательнаго характера, потому что посвящена не раскрытію и обоснованію донатистской догматики, а нападкамъ на православныхъ, при чемъ, при этихъ нападкахъ, авторъ, какъ сказано выше, не стѣснялся ни въ пріемахъ, ни въ выраженіяхъ. Часть этого посланія была доставлена Августину во время его пребыванія въ Константинѣ. Августинъ вскорѣ написалъ въ опроверженіе его свою первую книгу

---

[1]) Lib. I, c. I, p. 1.
[2]) Ibid. Lib. II, c. I, p. 1.
[3]) Lib. II, c. 1, p. I, Lib. I. c. XIX p. 21; XXV p. 27.
[4]) Блаж. Августинъ В. Герье М. 1910 г.

противъ Петиліана. Что касается времени происхожденія этого сочиненія, то оно приблизительно опредѣляется на основаніи нѣкоторыхъ внутреннихъ признаковъ. Въ первой книгѣ говорится о смерти Гильдона и Оптата, каковое событіе произошло въ 398 г. и, слѣдовательно, Августинъ не могъ написать его ранѣе конца 398 года. Оно, далѣе, было написано послѣ письма Генезія къ папѣ Анастасію, посланнаго не ранѣе 399 года, такъ какъ избраніе Анастасія на каѳедру Рима произошло въ концѣ 398 г. Лучше предположить, что оно написано было въ 400 году, и непосредственно послѣ выхода въ свѣтъ посланій противъ Парменіана [1]) и сочиненія „De Baptismo". Вскорѣ Августину была доставлена копія всего посланія Петиліана, разбору котораго какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ Августинъ посвятилъ „Вторую книгу противъ посланія Петиліана". Эта книга была написана, вѣроятно, въ томъ же 400 году [2]) или, во всякомъ случаѣ, не позднѣе 402 года [3]). Что касается тона и пріемовъ полемики Августина, то его полемика въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ полемики Петиліана. Тонъ его сочиненій, какъ онъ выражается, „мирный" [4]). Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно усмотрѣть юморъ и даже сарказмъ [5]), но это не помѣшало Августину выдержать до конца свой тонъ. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ встрѣчается съ оскорбленіями, ругательствами Петиліана, онъ какъ бы извиняетъ ихъ, приписывая ихъ не злобѣ, а умственной слѣпотѣ, неразумію, глупости противника [6]). Что

---

[1]) a) Migne т. IX 243—244. b) Histoire générale des auteurs sacrès et ecclesiastiques par Ceillier t. IX, стр. 705. Paris. м. DCCXLIV, c) Твор. блаж. Августина. Перев. К. Д. А. т. I, Кіевъ 1880 г. стр. 31.

[2]) Migne т. XLIII, 241—44. Твор. Август. т. I, стр. 31.

[3]) Ibid.

[4]) Lib. I, c. I, p. I.

[5]) Lib. I, c. VI, p. 7, c. VIII, p. 9 и др.

[6]) Lib. II, p. 48, 76, 152.

же касается пріемовъ полемики, то по существу они были тѣ же, къ какимъ прибѣгалъ и Петиліанъ. Петиліанъ, какъ адвокатъ, нерѣдко прибѣгаетъ къ діалектическимъ пріемамъ и выдвигаетъ вопросы, рѣшеніе которыхъ требуетъ остраго ума. Къ этому же пріему пришлось прибѣгнуть и Августину, хотя онъ неоднократно замѣчаетъ, что хочетъ спокойно разсуждать, а не злословить другъ друга [1]). Петиліанъ приводитъ для защиты своихъ воззрѣній мѣста св. Писанія, своеобразно и тенденціозно толкуя ихъ. И въ сочиненіяхъ Августина противъ Петиліана можно найти массу экзегетическаго матеріала. Петиліанъ часто дѣлаетъ ссылки на исторію; къ этому же пріему прибѣгаетъ и Августинъ, и въ этомъ отношеніи онъ всегда оказывается сильнѣе своего противника. Но у Петиліана былъ еще пріемъ, которому Августинъ не слѣдуетъ: это оскорбленія, личныя нападки, клевета. Этимъ особенно отличается его отвѣтъ на „1 книгу Блаж. Августина“ противъ него, на которую Августинъ отвѣтилъ „Третьей книгой противъ Петиліана“. Эта книга по тону замѣчательна искренностью и сдержанностью, характеризующими христіанское смиреніе ея автора.

Отъ этихъ вводныхъ замѣчаній перейдемъ къ подробному анализу полемическихъ сочиненій Августина противъ Петиліана.

„Первая книга противъ посланія Петиліана“ имѣетъ форму письма и адресована возлюбленнымъ братьямъ, т. е. православнымъ. Цѣль книги ясно указана въ первыхъ же строкахъ ея: это—желаніе сдѣлать извѣстными заблужденія донатистовъ и изобличить ихъ. При этомъ указывается характеръ полемики какъ Августина, такъ и донатистовъ, и поводъ къ написанію этой книги [2]).

---

[1]) Lib. II, c. XXXII, p. 73.
[2]) C. l.

Первымъ вопросомъ посланія Петиліана былъ вопросъ о перекрещиваніи приходящихъ въ донатизмъ православныхъ. Православные, по мысли Петиліана, обвиняютъ донатистовъ въ томъ, что они перекрещены. Но естественнѣе допустить у нихъ только одно крещеніе потому что крещеніе православныхъ, какъ оскверняющее подъ видомъ бани грѣховной наши души, очевидно, не имѣетъ никакого значенія. При принятіи крещенія нужно испытывать совѣсть того, кто очищаетъ, т. е. совершителя крещенія, потому что тотъ, кто принимаетъ вѣру отъ невѣрнаго (въ широкомъ смыслѣ), принимаетъ не вѣру, а осужденіе [1]). Но тутъ заключается дилемма. Невозможно испытать совѣсть каждаго. Она неизвѣстна и можетъ быть порочна, и какъ таковая не можетъ дать очищенія принимающему. Принимающій крещеніе не знаетъ совѣсти крещающаго. Что въ такихъ случаяхъ онъ принимаетъ: вѣру или осужденіе? Если вѣру—значитъ возможно то, что вѣра принимается и отъ невѣрнаго. Правильнѣе, по мысли Августина, разсуждалъ бы Петиліанъ, если бы яснѣе опредѣлилъ: отъ какого невѣрнаго, явнаго или тайнаго, крестящійся принимаетъ осужденіе, а не вѣру [2]). Далѣе, Августинъ выдвигаетъ свою точку зрѣнія, что дѣйствительность крещенія зависитъ не отъ совершающаго его, но отъ Бога. Словами Св. Писанія (Псалм. CXVII 8; Іерем. XVII 5. Псалм. III, 9. Псалм. LIV, 13) онъ осуждаетъ тѣхъ, которые возлагаютъ свою надежду на человѣка, убѣждаетъ надѣяться только на Бога, и показываетъ, что проклятъ даже тотъ, кто надѣется на человѣка добраго, т. е. при крещеніи обращаетъ вниманіе на совѣсть совершителя и успокаивается, видя ее безпорочною, забывая о томъ, что спасеніе совершается Богомъ, Кото-

---

[1]) C. P, p. 2.
[2]) C. P, p. 3, c. III.

рый былъ распятъ за насъ и во имя Котораго мы крестимся (1 Кор. I. 13)[1]).

Исповѣдавъ свое credo, Августинъ возвращается къ разбору положеній Петиліана. Каждое дѣло имѣетъ связь съ началомъ, корнемъ и главою, и если глава *ничего не имѣетъ*, то дѣло не имѣетъ никакой цѣны. Такъ бываетъ и при крещеніи. Началомъ, корнемъ и главою крещаемаго является креститель, и значитъ, если онъ порочный, то крещеніе, какъ не имѣющее добраго сѣмени, приноситъ не вѣру, а осужденіе. Но тутъ опять возникаетъ роковой для донатизма вопросъ: что будетъ, когда глава неизвѣстна? Августинъ находитъ возможнымъ допустить только такое предположеніе въ устахъ донатизма, что въ томъ случаѣ, когда крестящійся не знаетъ качествъ своей главы, онъ принимаетъ вѣру не отъ крестителя, а отъ Христа. Но если такъ, то почему не допустить, что отъ Христа крестящійся принимаетъ вѣру всегда. Кто раздаетъ благодать? Совершающій крещеніе, или Христосъ? Конечно, Христосъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и ап. Павелъ, отводя себя и Аполлосу мѣсто только сотрудниковъ на нивѣ Христовой, а всѣ дѣло спасенія приписывая Христу (1 Кор. III, 6, 7), и, въ другомъ мѣстѣ, называя Христа главою тѣла, членами котораго являются всѣ люди[2]). Осмѣивая точку зрѣнія донатистовъ, Августинъ иронически заключаетъ, что лучше креститься отъ скрытаго невѣрнаго, чѣмъ отъ явнаго праведника, такъ какъ въ первомъ случаѣ благодать подается Христомъ, а во второмъ—обусловливается нравственнымъ обликомъ совершителя таинства—человѣка. Христосъ все таки выше человѣка[3]). Если же такъ, если Христосъ возрождаетъ человѣка, если Онъ—начало и глава крещаемаго,—значитъ,

---

[1]) C. III, p. 4.
[2]) C. IV, p. 5, V—6.
[3]) C. VI—VII, p. 7—8.

вышеизложенныя и нижеслѣдующія, подобныя имъ, положенія теряютъ всякій смыслъ и значеніе. Донатисты ссылались на слова Христа: „всяко древо доброе плоды добры творитъ“ (Матѳ. VII 17; XII. 35). Если безупреченъ крститель, то добры будутъ и плоды его—крещаемые, и наоборотъ. Такой же характеръ имѣетъ ссылка на слова: „кто крестится отъ мертваго, не принесетъ ему пользы омовеніе“. По Августину, мы крестимся Христомъ, Который не умираетъ. Но что же такое крестящіеся отъ мертваго? Это тѣ, которые крестятся въ языческихъ храмахъ во имя языческихъ боговъ, которые были нѣкогда людьми, умирали и послѣ смерти перестали существовать. Для цѣли полемики важно указаніе Августина именно на то, что крестящіеся въ языческихъ храмахъ, по ихъ вѣрованію, получаютъ очищеніе не отъ жрецовъ, а отъ боговъ. Если же подъ мертвыми понимать порочныхъ священнослужителей, какъ это дѣлаютъ донатисты, то получится явная несообразность: отъ мертваго будетъ креститься тотъ, кто будетъ креститься отъ порочнаго, хотя бы и тайнаго. Мертвымъ крстителемъ будетъ тотъ, кто явно пороченъ, но живыми будетъ дѣлать крещаемыхъ тотъ, кто хотя и пороченъ, но пороченъ тайно, скрыто, такъ какъ въ этомъ случаѣ омываетъ водою крещенія Христосъ. Для того, чтобы болѣе рельефно выставить несообразность ученія донатистовъ и несоотвѣтствіе ученія съ практикой, Августинъ ссылается на факты изъ исторіи раскола. Оптатъ, епископъ донатистской Тамугадской общины въ Нумидіи, былъ извѣстенъ за человѣка, обагрившаго свои руки кровью и запятнавшаго себя многочисленными преступленіями. Между тѣмъ, донатисты не перекрещивали тѣхъ, которые были крещены имъ, хотя крещеніе совершенное имъ, по прямому смыслу ихъ ученія, необходимо должно быть признано крещеніемъ отъ мертваго [1]). Далѣе Августинъ ссылается на исторію Макси-

[1]) C. iX, 10

міанистовъ, въ отношеніи къ которымъ донатисты очень погрѣшили противъ основной своей догмы. Максиміанисты были осуждены голосомъ собранія приміанистовъ, и какъ осужденные, считались какъ бы мертвыми, такъ какъ погубили свои души и лишены благодати общенія. Но потомъ они были приняты въ общеніе—и какъ бы ожили. Но какъ рѣшить правильно: ожили они или же остаются мертвыми. Если они мертвы, значитъ очищеніе донатистовъ не дѣйствительно. Если же они живы, они, какъ принятые безъ перекрещиванія, свидѣтельствуютъ о ненужности перекрещиванія. Допущеніе того и другого говоритъ не въ пользу донатистовъ. Если же эту непослѣдовательность свою они хотѣли оправдать тѣмъ, что принимали максиміанистовъ для мира церкви, то почему, по мысли Августина, они отдѣлились отъ общенія съ вселенскою Церковію, которая простирается отъ моря до моря и которой обѣщано наслѣдіе благословенія. Донатисты ложно обвиняли вселенскую Церковь въ цѣломъ рядѣ преступленій. Но если-бы даже правда была то, что они говорили о вселенской Церкви, они, въ фактѣ принятія максиміанистовъ выставляя себя ревнителями мира, должны для мира потерпѣть беззаконія вселенской Церкви, а не отдѣляться отъ нея [1]). Далѣе, Августинъ снова возвращается къ разбору понятія „мертвый“. Мертвый по Петилліану—тотъ, 1) кто не былъ достоинъ родиться посредствомъ истиннаго крещенія, и 2) тотъ, кто, будучи возрожденъ чрезъ истинное крещеніе, присоединяется къ предателю и дѣлается, такимъ образомъ, участникомъ предательства. Послѣдній, хотя и имѣлъ крещеніе, но потомъ потерялъ и считается ими за некрещеннаго. Въ опроверженія этихъ положеній Августинъ опять ссылается на исторію максиміалистовъ. Ходъ мыслей таковъ. Не имѣютъ крещенія тѣ, ко-

[1]) C. XI, 12.

торыхъ крестилъ Максиміанъ и рукоположенные имъ епископы, потому чтоони сами потеряли крещеніе. Донатисты приняли ихъ безъ новаго крещенія. Кто же сообщитъ имъ благодать, такъ какъ совершители крещенія ея не имѣли [1])?

Слѣдующая часть книги посвящена разбору и опроверженію положеній Петиліана, въ которыхъ онъ называетъ каѳоликовъ гонителями и убійцами и сравниваетъ съ Іудою предателемъ. Послѣднимъ Петиліанъ старается оправдать свое отдѣленіе отъ вселенской Церкви, а первымъ хочетъ показать, что истинное христіанство сохранилось только въ обществѣ донатистовъ, къ которому относятся изрѣченія Спасителя, предрекающія гоненія истинныхъ и праведныхъ со стороны невѣрныхъ. Августинъ возражаетъ ему, что если донатисты и терпятъ преслѣдованія, то терпятъ для мира Церкви, чтобы чрезъ испытаніе исправиться и обратиться къ единству Церкви. Петиліанъ въ страданіяхъ видитъ признакъ превосходства, и говоритъ, что справедливѣе всегда тѣ, которыхъ преслѣдуютъ. Августинъ ссылается на исторію Максиміанистовъ, которыхъ донатисты нѣкогда преслѣдовали, оправдывая свое поведеніе по отношенію къ нимъ стремленіемъ возсоединить ихъ съ своимъ обществомъ. Если такъ поступали они сами, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вселенскіе императоры, ради блага вселенской Церкви, издаютъ рядъ мѣръ противъ тѣхъ, которые хотятъ перекрестить весь міръ христіанскій [2]). Эту мысль о правѣ императоровъ бороться свѣтскими мѣрами противъ еретиковъ и нарушителей мира Церкви, Августинъ подробнѣе развиваетъ во второй своей книгѣ противъ Петиліана. Здѣсь же онъ только заявляетъ, что злые, хотя-бы они представили оправданія, должны быть преслѣдуемы для мира церкви. Поставляя себя на положеніе преслѣдуемыхъ, дона-

---

[1]) С. XIII - XVII, 14—18.
[2]) С. XVIII, 20.

тисты относятъ къ себѣ слова Спасителя: „Пошлю къ вамъ пророки и премудры и книжники“ и т. д. (Матѳ. XXIII, 34), и подъ пророками, мудрыми и книжными разумѣютъ себя, а подъ преслѣдующими ихъ—каѳоликовъ. Но если такъ, спрашиваетъ Августинъ,—если донатисты считаютъ себя пророками, то почему они отказываются бесѣдовать съ каѳоликами. Они не хотятъ бесѣдовать съ православными. Петиліанъ не хотѣлъ даже подписывать свое посланіе своею рукою, не хотѣлъ, чтобы его посланіе попало въ руки православнымъ. Донатисты, по словамъ Августина, ничего такъ не боятся, какъ того, чтобы каѳолики не услышали того, что они говорятъ. Какіе же они послѣ этого пророки, мудрые? [1]). На нихъ исполняются слова псалма: „загражденны уста говорящихъ неправду“ (LXII. 12). Они называютъ православныхъ родомъ змѣинымъ и не принимаютъ православнаго крещенія. Но родомъ змѣинымъ они называли нѣкогда и максиміанистовъ; однако этихъ же самыхъ максиміанистовъ они приняли въ общеніе, и не только ихъ, но и тѣхъ, которые были крещены ими. Наконецъ, Августинъ снова возвращается къ словамъ Писанія, приводимымъ Петиліаномъ: „отъ плодовъ ихъ познаете ихъ“ (Матѳ. VII. 15—16), и въ противовѣсъ Петиліану, называвшему православныхъ предателями, ссылается на исторію ихъ, представляющую не мало фактовъ, когда у нихъ самихъ предатели были поставляемы на іерархическія должности [2]). Такъ онъ указываетъ на фактъ поставленія Сильвана, который въ бытность свою иподіакономъ, былъ признанъ властями за самаго очевиднаго предателя. Эти и подобные факты могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что донатисты-схизматики, хотя-бы сами они представили доказательства того, что православные-предатели. Если тѣ и другія доказатель-

---

[1]) C. XIX, 21.
[2]) C. XX—XXI, 22—23.

ства истинны, то донатисты-схизматики, потому что, избѣгая преступленій, въ которыхъ обвиняютъ вселенную, они имѣютъ эти преступленія въ своей маленькой общинѣ. Если-же они ложны, донатисты опять таки схизматики, потому что изъ-за пустыхъ обвиненій отдѣлились отъ общенія со вселенскою Церковію. Не то нужно дѣлать имъ даже въ томъ случаѣ, если они владѣютъ документами, говорящими о предательствѣ каѳоликовъ. Для нихъ открыты два пути: или избрать миръ, или снова воспылать гнѣвомъ. Они избрали второе—отдѣленіе отъ Церкви.

Далѣе Августинъ выдвигаетъ двѣ важныхъ мысли. Ничье предательство не испразднитъ вѣры Христовой; слѣдовательно, и предательство православныхъ, если-бы оно было и доказано, не можетъ уничтожить въ корнѣ благодать въ ихъ обществѣ. Далѣе—форма крещенія (таинство вообще) не имѣетъ никакого значенія для нѣкоторыхъ, какъ не принесла пользы Симону волхву[1]).

Затѣмъ Августинъ переходитъ къ изображенію плодовъ донатистовъ и описываетъ пороки ихъ, царящіе въ ихъ обществѣ: тираническіе захваты чужихъ имѣній, ярость циркумцелліоновъ, святотатственный культъ мучениковъ, вакханалію пьяныхъ, и неистовства Оптата. Онъ готовъ опустить все это, ибо среди нихъ есть недовольные этимъ. Но большинство же не обращаютъ вниманія на это. Такъ какъ донатисты въ оправданіе свое говорили, что все это нужно терпѣть ради мира, то Августинъ спрашиваетъ, почему же они сами отдѣлились отъ мира Церкви[2]).

Въ заключеніе книги Августинъ убѣждаетъ донатистовъ не скрывать отъ православныхъ ихъ писаній, если они будутъ появляться еще, потому что въ такихъ фактахъ обнаруживаются низкія свойства ихъ душъ. Православнымъ

---

[1]) С. XXIII, 25.
[2]) С. XXV—XXVI.

же онъ даетъ совѣтъ, какъ отражать нападки донатистовъ. Онъ совѣтуетъ на всѣ нападки отвѣчать имъ ссылкою на исторію Максиміанистовъ, которая самымъ яснѣйшимъ образомъ показываетъ въ практическомъ отношеніи логическую несостоятельность доктрины донатизма [1]). Въ обращеніи же съ донатистами онъ совѣтуетъ руководиться мѣрами кротости, любви, и молиться за тѣхъ, которыхъ они хотятъ отразить и побѣдить. Пусть они сами устыдятся своихъ поступковъ, въ частности, поступка съ максиміанистами, и этотъ стыдъ послужитъ имъ спасительнымъ средствомъ къ исправленію [2]).

Такимъ образомъ, въ первой книгѣ противъ посланія Петиліана Августинъ затрагиваетъ одинъ вопросъ, вопросъ о томъ, чѣмъ обусловливается дѣйствительность таинствъ, въ частности, таинства крещенія, и старается доказать, пользуясь исторической и логической аргументаціей, что вселенская Церковь не утратила своей чистоты и что, слѣдовательно, донатисты не правы, обвиняя православныхъ въ нечистотѣ ихъ православія и отдѣляясь отъ Церкви вселенской.

„Вторая книга противъ посланія Петиліана“ содержитъ подробный разборъ всего посланія. Хотя въ представленномъ Августину спискѣ всего посланія, въ той именно части, которая была ему извѣстна и была разобрана имъ въ первой книгѣ, не было ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что онъ уже зналъ, тѣмъ не менѣе Августинъ считаетъ своею обязанностію отвѣтить на все посланіе, ради немощныхъ, скудоумныхъ братьевъ, которые сами не могутъ критически отнестись ко всему, что имъ предлагается. Чтобы у противниковъ не было повода обвинить Августина

---

[1]) C. XXVII—XXVIII. 29—30.
[2]) C. XXIV. 31.

въ непониманію нѣкоторыхъ мѣстъ посланія, Августинъ рѣшилъ разобрать шагъ за шагомъ все посланіе, выписывая подъ именемъ Петиліана небольшія тирады изъ посланія и подъ именемъ Августина отвѣчая на слова Петиліана. Книга представляетъ собою какъ бы стенографически записанную бесѣду двухъ противниковъ, которая по мысли Августина, должна была замѣнить настоящее собесѣдованіе, отъ котораго донатисты всячески уклонялись [1]).

Поставивши своею цѣлію—разобрать слово за словомъ все посланіе, Августинъ дѣлаетъ замѣчаніе по поводу привѣтствія посланія. Привѣтствіе это сходно съ тѣми привѣтствіями, которыя мы находимъ во многихъ посланіяхъ св. Апостола Павла. Августинъ обвиняетъ Петиліана такъ ск. въ литературномъ плагіатѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не жжаетъ имѣть общенія съ тѣми церквами, изъ посланій къ коимъ онъ заимствовалъ форму привѣтствія [2]).

Въ первой части книги (II—XXXVIII), содержится разборъ ученія о крещеніи. Сущность его, съ точки зрѣнія донатистовъ, какъ можно было видѣть изъ первой книги Августина противъ посланія Петиліана, заключается въ томъ, что дѣйствительность таинства обусловливается нравственнымъ состояніемъ совершителя таинства, почему Петиліанъ и требуетъ испытывать совѣсть совершающаго крещеніе, потому что тотъ, кто принимаетъ вѣру отъ невѣрнаго, принимаетъ не вѣру, а осужденіе. Совершитель таинства является началомъ, корнемъ и главою крещаемаго, и, слѣдовательно, долженъ быть чистъ, чтобы сдѣлать чистыми и принимающихъ крещеніе, ибо только доброе сѣмя можетъ приносить добрые плоды. Возражая Петиліану, Августинъ проводитъ ту мысль, что дѣйствительность таинства не обусловливается тѣмъ или инымъ нравственнымъ состоя-

---

[1]) Lib. II, c. I, p. I.
[2]) Ibid. c. I, p. 2—3.

ніемъ севершителя таинства, но зависитъ отъ Христа, дающаго благодать. Поэтому, ни вода православныхъ, ни вода донатистовъ не имѣетъ существеннаго значенія въ таинствѣ крещенія. Разъ Христосъ сообщаетъ дѣйствительность таинству, намъ нѣтъ нужды заботиться и испытывать совѣсть крестителя, потому что послѣднимъ является не невѣрующій Христосъ, отъ Котораго мы принимаемъ крещеніе, Который—наша глава, корень и начало, и какъ Таковой, Онъ даетъ намъ только истину, даетъ вѣру, а не осужденіе. Люди, совершающіе таинство, только служители при совершеніи его, и отъ ихъ нравственнаго состоянія дѣйствительность таинства не зависитъ. Въ доказательство этого Августинъ ссылается на Ап. Павла, который радовался, видя благовѣстителей евангелія, хотя они, по его словамъ, не чисто благовѣствовали, ища своего, а не Христова (Филип. II. 21). Дѣлу евангелія не повредила эта нечистота ихъ пріемовъ и поведенія, потому что оно само въ своей сущности чисто. То же самое говоритъ Христосъ и о фарисеяхъ: „что говорятъ, дѣлайте; что же дѣлаютъ, того не дѣлайте“ (Мато. XXIII, 3). Какъ ни велико было нравственное паденіе ихъ, нравственная испорченность не могла исказить въ существѣ то нравственное ученіе, которое они возвѣщали, хотя жизнь ихъ и расходилась съ тѣми идеалами добра, которые они начертывали предъ своими слушателями [1]). А на то положеніе, что какъ добрые плоды можетъ приносить только доброе дерево, такъ и очистить другого можетъ только чистый, Августинъ отвѣчаетъ, что человѣкъ вообще безсиленъ самъ сдѣлать что-нибудь. И самый чистый не можетъ сдѣлать другого чистымъ, потому что онъ—не Богъ [2]).

Далѣе, Августинъ, какъ и въ первой книгѣ, переходитъ къ разбору положеній Петиліана о крещеніи отъ мерт-

[1]) Lib. II, c. II—V, 4—11.
[2]) Lib. II, c. VI, 13.

ваго. Подъ смертью здѣсь, разумѣется конечно, не физическая смерть, а смерть духовная, о которой говоритъ Христосъ (Матѳ. VIII, 21—22). Мертвыми въ этомъ смыслѣ можно назвать предателей, а равно и тѣхъ, которые имѣютъ общеніе съ ними. И тѣ и другіе мертвы, потому что не имѣютъ крещенія, и какъ таковые, не могутъ дать жизни и тѣмъ, которые принимаютъ отъ нихъ таинство.—И на это положеніе Петиліана Августинъ отвѣчаетъ тѣмъ же: мы крестимся не человѣкомъ; крещеніе даетъ намъ Христосъ, Который не умираетъ. Даже въ Симонѣ Волхвѣ, который хотѣлъ купить даръ Божій за деньги, слѣдовательно, былъ самый недостойный благодати человѣкъ, благодать крещенія жила[1]).

Далѣе, Петиліанъ точнѣе опредѣляетъ, кто такіе мертвецы, при чемъ не удерживается отъ личныхъ нападокъ на Августина. Мертвецы, по его словамъ,—это предатели, запятнавшія себя выдачею книгъ во время гоненія Діоклетіана, которые духовно мертвы при жизни. Этихъ предателей Петиліанъ сравниваетъ съ Іудою, который чрезъ предательство сдѣлался духовнымъ мертвецомъ. Паденіе Іуды, о которомъ говорилъ и Христосъ, было предсказано еще пророкомъ, въ словахъ котораго была ясно выражена мысль о томъ, что у предателя будетъ отнято епископство. Это же пророчество предсказываетъ отнятіе епископства и у современныхъ донатистамъ предателей каѳоликовъ, потому что они, подобно Іудѣ, предавшему Христа тѣлесно, предаютъ Его духовно, отдавая свящ. книги на сожженіе.— Въ опроверженіе нападокъ на православныхъ Августинъ указываетъ на то, что полемистъ-Петиліанъ прибѣгаетъ въ полемикѣ къ неправильнымъ пріемамъ. Онъ приписываетъ противнику то, чего у него совсѣмъ нѣтъ. Затѣмъ, по словамъ Авгу-

---

[1]) Lib. II, c. VII—14—16.

стина, пророчествомъ о предательствѣ Іуды предсказывается также и обращеніе ко Христу вселенной. Донатисты въ Св. Писаніи обращаютъ вниманіе только на то, что имъ полезно, и совершенно игнорируютъ тѣмъ, что можетъ поколебать основанія ихъ доктрины [1]).

Наконецъ, на обвиненіе въ томъ, что православные сожгли свидѣтельства завѣта, т. е. св. книги, Августинъ отвѣчаетъ вопросомъ, почему православные, потерявшіе завѣтъ, наслѣдіе сохранили, между тѣмъ какъ донатисты потеряли наслѣдіе Божіе, хотя, повидимому, и сохранили книги завѣта. Отъ этого наслѣдія донатисты безумно и безъ основанія отдѣлились [2]).

Продолжая нападки, Петиліанъ съ принципіальной точки зрѣнія переходитъ на почву личныхъ оскорбленій, и обвиняя Августина въ преступленіяхъ, говоритъ, что онъ не можетъ быть епископомъ. Аргументъ слабый, ибо онъ не можетъ доказать того, въ чемъ обвиняетъ Августина [3]).

Защищая въ дѣлѣ религіи свободу, донатисты, естественно, указывали православнымъ на то, что они несправедливо преслѣдуютъ ихъ, что принужденіе, въ какой-бы формѣ оно ни выражалось, противорѣчитъ какъ существу Церкви, такъ и ея исторіи. Петиліанъ спрашиваетъ, преслѣдовали-ли кого апостолы и предалъ-ли кого нибудь Христосъ. Августинъ отвѣчаетъ, что Ап. Павелъ предалъ грѣшника сатанѣ, который безусловно хуже всѣхъ людей, и Христосъ изгналъ торгующихъ изъ храма.

Петиліанъ выдвигаетъ на видъ особенно преслѣдованія донатистовъ со стороны православныхъ и видитъ въ этомъ указаніе на сыновство православныхъ діаволу, который былъ лжецомъ отъ начала. Августинъ, поправивъ его, какъ

---

[1]) C. VIII, 19.
[2]) C. VIII, p. 20.
[3]) C. IX, p. 21—22.

неоднократно дѣлаетъ и потомъ: „не лжецомъ, а человѣкоубійцей“, говоритъ, что діаволъ называется человѣкоубійцею потому, что убилъ перваго человѣка въ раю, склонивъ его ко злу. Теперь же рай замѣняетъ Церковь, Церковь вселенская, начавшаяся отъ Іерусалима,—и тотъ, кто отдѣляется отъ Церкви,—человѣкоубійца. Но если допустить и чтеніе Петиліана, то и тогда ясно, что сыны діавола—тѣ, которые приписываютъ вселенской Церкви чужія преступленія. О сыновствѣ же православныхъ діаволу Петиліанъ счелъ нужнымъ говорить потому, что хотѣлъ опровергнуть положеніе православныхъ: „мы не дѣти предателей“. Можетъ быть,—по плоти и по крови они и не таковы, но по духу, по дѣламъ—дѣти, потому что „того кто нибудь сынъ, кого дѣламъ слѣдуетъ“ [1]). На это Августинъ отвѣчаетъ, что они, т. е. православные, не виновны въ преступленіяхъ своихъ предковъ. Донатисты къ тому же не знаютъ всѣхъ людей, разсѣянныхъ по земному шару, и слѣдовательно, не могутъ судить объ ихъ нравственномъ состояніи; почему если и обвиняютъ православныхъ въ сыновствѣ діаволу, то обвиняютъ ложно. Поэтому также напрасно донатисты обвиняютъ православныхъ въ убійствѣ пророковъ, потому что не могутъ указать, какихъ пророковъ они убили. Ужели вожаки ихъ Донатъ и Маркулъ были пророками? [2]) Скорѣе ихъ, донатистовъ, можно назвать убійцами пророковъ, такъ какъ убійцами пророковъ въ переносномъ смыслѣ можно назвать всѣхъ тѣхъ, которые противятся словамъ пророковъ, закрываютъ уши, чтобы не слышать ихъ, а если и слышатъ, то не хотятъ понять и обратить вниманіе. Пророки предсказывали объ образованіи Царства Христовой Церкви, въ которую войдутъ всѣ народы. Въ пророчествахъ особенно отмѣчается вселенскій характеръ Церкви Христовой, кото-

---

[1]) C. XI—XII, p. 25—28.
[2]) C. XIV, p 31—32.

рая, начавшись отъ Іерусалима, должна обнять всѣ народы. Донатисты видятъ, или, по крайней мѣрѣ, должны видѣть исполненіе этихъ пророчествъ объ образованіи вселенской Церкви, но такъ какъ для нихъ это непріятно или невыгодно, то они искажаютъ смыслъ пророчествъ, чтобы правильное пониманіе ихъ не понесло удара ихъ доктринѣ. Это стремленіе исказить смыслъ словъ Св. Писанія обнаруживается и въ дальнѣйшихъ главахъ, гдѣ Петиліанъ относитъ къ православнымъ слова 13 псалма [1]) и слова Христа о лжепророрахъ (Матѳ. VII, 15) [2]). Подъ этимъ скрывается, конечно, желаніе доказать, что православные не имѣютъ іерархіи истинной, благодати, таинствъ. Какъ есть демоны, принимающіе видъ ангела свѣтлаго, такъ есть и ложные епископы [3]). Но чтобы говорить такъ, нужно, по мысли Августина, представить вѣскія доказательства, а не бросать даромъ словъ, потому что все, что донатисты приписываютъ православнымъ, съ одинаковымъ правомъ можетъ быть отнесено и къ нимъ самимъ. Слова псалма истолкованы Августиномъ такъ, что въ нихъ ясно можно усмотрѣть указаніе на ихъ лживость, полагающую Церковь не во вселенной, а въ партіи Доната, на ихъ высокомѣріе и гордость въ рѣшеніи вопроса о сущности таинства, на ихъ жестокость по отношенію къ максиміанистамъ [4]). Что же касается того положенія, что Церковь, терпящая въ своемъ лонѣ ложныхъ епископовъ, теряетъ свою благодать, то на него Августинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ. Міръ подобенъ полю, на которомъ растутъ вмѣстѣ и пшеница и плевелы. Но плевелы растутъ вмѣстѣ съ пшеницею до послѣдней жатвы, и своимъ т. ск. сожительствомъ съ пшеницею не

---

[1]) C. XV, p. 34.
[2]) C. XV, p. 36.
[3]) C. XVIII, p 40.
[4]) C. XV, p. 35.

приносятъ ей существеннаго вреда [1]). Въ слѣдующихъ главахъ Августинъ разбираетъ положенія Петиліана, сравнивавшаго каѳоликовъ съ Савломъ, гонителемъ Христа, и проводившаго параллели между исторіей Савла и современнымъ ему состояніемъ каѳоликовъ [2]). Какъ Савлъ былъ гонителемъ христіанъ, такъ и православные—гонители донатистовъ, и какъ таковые, они не могутъ быть святыми. Савлъ, гонитель христіанъ, получилъ отъ Бога повелѣніе креститься у того, кого онъ раньше преслѣдовалъ, и послѣ крещенія получилъ исцѣленіе отъ глазной боли. Такъ и православные должны креститься у донатистовъ и омыться отъ вины преслѣдованія и предательства. На это обвиненіе въ преслѣдованіи донатистовъ и на выводы отсюда Августинъ отвѣчаетъ ссылкою на исторію максиміанистовъ, въ которой донатисты заявили себя преслѣдователями послѣднихъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ проконсульскіе и муниципальные документы [3]). Въ этомъ пунктѣ донатисты попадали положительно въ просакъ, особенно, когда Августинъ прибѣгалъ къ ссылкѣ на ихъ собственную исторію. Если донатисты признаютъ, что они правильно и по заслугамъ преслѣдовали максиміанистовъ, то почему сами не хотятъ потерпѣть преслѣдованій тоже по заслугамъ, съ точки зрѣнія православныхъ. Августинъ ставитъ вопросъ: должны-ли схизматики терпѣть преслѣдованіе, или нѣтъ. Если не должны, то должна-ли установленная законная власть изгонять ихъ изъ базиликъ, которыя служили для нихъ мѣстомъ недозволенныхъ собраній. Если не должны, то почему они, требуя невмѣшательства свѣтской власти, сами поступаютъ какъ разъ наоборотъ по отношенію къ максиміанистамъ. Если же схизматики должны быть преслѣдуемы, то что

---

[1]) C. XVI - XVIII, p. 37—41.
[2]) C. XX—XXI, p. 44—47.
[3]) C. XX, p. 45.

пленно (со стороны количественной и качественной) они должны терпѣть отъ законныхъ властей. Если съ этой теоретической точки зрѣнія перейти на историческую, то окажется, что донатисты напрасно обвиняютъ православныхъ въ человѣкоубійствѣ. Нельзя найти никакого императорскаго эдикта, которымъ бы предписывалось убивать донатистовъ. Обыкновенно донатисты указывали на Доната и Маркула,—жертвъ, по ихъ мнѣнію, преслѣдованія со стороны православныхъ. Но трудно и даже невозможно установить, по Августину, непосредственнаго виновника ихъ смерти. Скорѣе и вѣрнѣе всего то предположеніе, что они окончили самоубійствомъ, такъ какъ исторія донатистовъ представляетъ не мало подобныхъ фактовъ самоубійствъ.[1]) Скорѣе самихъ донатистовъ можно обвинить въ человѣкоубійствѣ, потому что они чрезъ упорную защиту своей схизмы возненавидѣли православныхъ и отдѣлились отъ общенія со вселенскою Церковію, а „всякій, кто ненавидитъ брата своего, тотъ человѣкоубійца“ (1 Іоанна III, 15) [2]).

Что же касается того, что Савлъ долженъ былъ креститься отъ того, кого онъ раньше преслѣдовалъ, то на это можно сказать: Савлъ—гонитель долженъ былъ креститься, такъ какъ онъ не былъ крещенъ совершенно. Но церковнаго гонителя, который преслѣдуетъ донатистовъ, не должно крестить вторично, такъ какъ онъ крещенъ уже отъ Христа. Донатисты ставили логическое удареніе надъ второй половиной фразы. Августинъ ставитъ его надъ первой и этотъ пріемъ донатистовъ—тенденціозно толковать Писаніе—вызываетъ у него взрывъ благороднаго негодованія [3]).

---

[1]) Если невѣроятно, что учители церкумцелліоновъ причинили себѣ обычнымъ путемъ смерть, то тѣмъ болѣе невѣроятно, чтобы римскія власти могли предписать такой необычный способъ казни

[2]) C. XX, p. 46.

[3]) C. XXI, p. 48.

Для того, чтобы показать, что Церковь свята не только въ своемъ существѣ, въ идеѣ, но и въ эмпирической дѣйствительности, и какъ таковая, не можетъ терпѣть въ своемъ лонѣ недостойныхъ членовъ, которые своимъ присутствіемъ въ ней могутъ повредить ея чистотѣ, Петиліанъ ссылается на слова Христа, обращенные къ ученикамъ во время тайной вечери: „и вы чисты, но не всѣ“ (Іоан. XIII, 10). Пока присутствовалъ на вечери Іуда, предатель Господа, среди учениковъ было нѣчто нечистое. Вышелъ Іуда — и Христосъ сказалъ: „Вы уже чисты“, и преподалъ имъ миръ. Значитъ, по мысли Петиліана, присутствіе Іуды осквернило все собраніе. Іуда потерялъ благодать изъ-за предательства; изъ-за него потеряли миръ и крещеніе и православные— соучастники предательства Іуды[1]).

Но разсуждаютъ такъ, значитъ, по Августину, допускать, что и тайная вечеря не чиста, потому что на ней еще присутствовалъ Іуда[2]). Если бы учениковъ осквернило предательство Іуды, сидящаго вмѣстѣ съ ними, то Христосъ сказалъ бы: „вы еще не чисты“. Но не то мы читаемъ въ евангеліи: „Вы уже чисты, но не всѣ“, такъ какъ среди нихъ присутствовалъ тотъ, кто не былъ чистъ. И донатисты, разсуждая о православныхъ, логичнѣе поступили бы, если бы выразились о нихъ такъ: „вы чисты, но не всѣ, такъ какъ въ вашемъ обществѣ есть нечистые“. Между тѣмъ, они изъ-за нѣсколькихъ нечистыхъ обвиняютъ въ нечистотѣ всю каѳолическую Церковь.

Православные обвиняли донатистовъ въ томъ, что они перекрещиваютъ переходящихъ въ ихъ общество; слѣдовательно, допускаютъ два крещенія. Но и сами они, по словамъ Петиліана, допускаютъ два крещенія, убивая крещеныхъ, и тѣмъ самимъ крестя ихъ ихъ соб-

---

[1]) C. XXII, p. 49.
[2]) C. XXII, p. 50.

ственною кровію. Объ этомъ крещеніи кровію говоритъ Христосъ въ отвѣтъ двумъ сыновьямъ Зеведея. Поэтому, православные допускаютъ тоже два крещенія, дѣлая подобныхъ Христу мучениковъ, которыхъ послѣ крещенія водою крестятъ кровію[1]). Въ этомъ пунктѣ Петиліанъ затрагиваетъ весьма важный вопросъ о допустимости преслѣдованія за религіозныя дѣла и намѣчаетъ туманно ту формулу рѣшенія вопроса объ отношеніи государства къ Церкви, съ какой онъ выступаетъ ниже.

По словамъ Августина, православные невинны въ убійствѣ донатистовъ. Напротивъ донатисты сами себя убиваютъ, отдѣляясь отъ общенія съ каѳолическою Церковію. Это разъ; съ другой стороны, ученіе ихъ о крещеніи кровію заключаетъ въ себѣ массу внутреннихъ противорѣчій. Если считать крещеніемъ кровію всякое убійство, то логически разсуждая, мучениками, крещенными собственною кровію, надо признать и воровъ и разбойниковъ и подобныхъ имъ преступниковъ, которые наказываются смертію. Если же считать крещеніемъ кровію только страданіе за правду, то возникаетъ вопросъ: въ чемъ заключается эта правда, страданіе за которую пріобрѣтаетъ награду на небѣ, и, затѣмъ, за что страдаютъ донатисты. Если донатисты—схизматики, значитъ они могутъ быть названы нечестивыми, и, какъ таковые, могутъ понести смертную казнь, какъ религіозные преступники. Какимъ же образомъ ихъ смерть, какъ наказаніе за ихъ преступную жизнь, можетъ быть крещеніемъ кровію?[2]).

Далѣе предъ Августиномъ былъ поставленъ щекотливый и важный вопросъ о томъ: возможны ли вообще наказанія, въ частности смертная казнь за религіозныя преступленія?[3]). Но прежде рѣшенія этого вопроса Августинъ

---

[1]) C. XXIII, p. 51.
[2]) C. XXIII, p. 52—53.
[3]) C. XXIII, p. 53.

предупреждаетъ, чтобы къ нему не относили того, чего нѣтъ совершенно въ дѣйствительности. Онъ не виновенъ въ пролитіи крови донатистовъ ни въ томъ случаѣ, если бы они были лишени жизни справедливо по распоряженію власти, ни въ томъ, если бы это сдѣлали какіе нибудь плевелы среди нивы Христовой, совершившіе это преступленіе по дурной страсти. То же самое и къ Петиліану не относится то, что дѣлалъ его сотрудникъ на нивѣ донатизма Оптатъ, который всегда ходилъ съ толпою воиновъ, не потому, чтобы самъ боялся кого нибудь, а для того, чтобы всѣ его боялись, и производилъ насилія. Но съ нимъ они не порывали общенія, равно какъ не только не порывали общенія, но даже оказывали ненадлежащія почести Гильдону, извѣстному своею жестокостью и звѣрствомъ. Почему донатисты, считая себя обществомъ святыхъ, терпятъ въ своемъ обществѣ такихъ, между тѣмъ какъ отъ православныхъ требуютъ безукоризненной чистоты и святости. Если съ такимъ грабителемъ, какъ Оптатъ, съ грабителемъ явнымъ (viso), Петиліанъ восходитъ къ алтарю, имѣетъ общеніе въ таинствѣ Евхаристіи, и это нисколько не тревожитъ его совѣсть, то почему донатисты обвиняютъ вселенскую Церковь въ общеніи съ предателями, и гонителями и отдѣляются отъ ней?[1]).

Предвидя возможность діалектической уловки со стороны Петиліана, что одно—воровство (грабежъ), другое предательство и гоненіе, Августинъ разбираетъ всѣ возможныя возраженія такого рода съ положительной и отрицательной стороны. Если Петиліана Оптатъ не могъ сдѣлать воромъ, потому что это Петиліану не нравилось, то кто можетъ сдѣлать кого нибудь предателемъ, если ему это не нравится. Сущность возраженія заключается въ томъ, что простое сожительство и единеніе съ предателемъ не дѣлаетъ еще человѣка предателемъ, если совѣсть его чиста и воля

---

[1]) C. XXIII, p. 53.

избираетъ не злое, а благое. Если же Петиліанъ думаетъ, что предательство и гоненіе—самые тяжкіе грѣхи, а воровство, по сравненію съ нимъ,—легкій грѣхъ, то, по Августину, и ворамъ тоже закрытъ входъ въ царство небесное (1 Кор. VI. 10) и, слѣдовательно, грѣхъ воровства, по существу, не легче предательства или измѣны [1]).

Въ дальнѣйшихъ главахъ Петиліанъ доказываетъ, что православные не имѣютъ истиннаго крещенія, потому что единое истинное крещеніе только тамъ, гдѣ есть истина. Они же соединяютъ истину съ ложью и подъ видомъ истины подаютъ людямъ ложь [2]). Подобно тому, какъ люди стараются изобразить красками виды природы, и какъ бы искусно ни было сдѣлано подраженіе, оно все таки будетъ не истинная дѣйствительность, а подраженіе ей, въ нѣкоторомъ родѣ, ложная дѣйствительность [3]), такъ и православные, какъ ни стараются прикрыть эту ложь, она все таки остается ложью, какими бы красками мы ее ни раскрашивали. Крещеніе одно, какъ говоритъ ап. Павелъ (Ефес. IV, 5), и оно находится въ обществѣ донатистовъ, православные же имѣютъ только образъ его [4]). На всѣ эти положенія Августинъ отвѣчаетъ: крещеніе православныхъ истинно. Оно не можетъ быть ложнымъ, потому что оно дается Христомъ, а Христосъ есть истина. Если же въ обществѣ православныхъ есть нечестивые, то это обстоятельство не набрасываетъ тѣни на ихъ таинство. Церковь подобна полю, на которомъ вмѣстѣ растутъ и пшеница и плевелы, и такое совмѣстное существованіе ихъ, по повелѣнію Хозяина, должно продолжаться до послѣдней жатвы [5]). Да и сама исторія

---

[1]) C. XXIII, p. 54—55.
[2]) C. XXIV—XXV, p. 56—58
[3]) C. XXV, p. 58.
[4]) C. XXVI, p. 60.
[5]) C. XXVI, p. 61.

донатистовъ свидѣтельствуетъ, что эти положенія — только теорія. На практикѣ, какъ показываетъ исторія максиміанистовъ, они допускали другое [1]). Что же касается утвержденія донатистовъ, что только они одни имѣютъ истиное крещеніе, а православные — только образъ его, — то на него Августинъ отвѣчаетъ, что только тѣ утверждаютъ, что есть два крещенія, которые различаютъ крещеніе у праведныхъ и крещеніе у неправедныхъ [2]). Крещеніе же на самомъ дѣлѣ одно, только оно производитъ различныя дѣйствія на людей, служа однимъ ко спасенію, а другимъ — къ погибели. Сущность его не измѣняется, хотя оно иногда и дается лицомъ не безукоризненнымъ въ нравственномъ отношеніи. Истина всегда остается истиною, хотя она преподается лицомъ, которое не можетъ быть признано истиннымъ [3]).

Петиліанъ идетъ дальше. Онъ не только утверждаетъ, что у православныхъ нѣтъ крещенія, но и настойчиво заявляетъ, что они потеряли совершенно благодать, у нихъ нѣтъ истинной іерархіи. Какъ частный человѣкъ, по словамъ Петиліана, не можетъ засѣдать въ судѣ, такъ и православные не могутъ крестить [4]). Ужели можетъ быть священникомъ тотъ, кто знаетъ наизустъ священническія молитвы, между тѣмъ какъ уста его полны нечистоты [5]). Православные потеряли благодать, и не могутъ сдѣлать ничего, потому что всякая власть отъ Бога, и никто не можетъ сдѣлать что нибудь, если ему не дано власти съ неба [6]).

Эти положенія по существу сходны съ прежними, почему и Августинъ чего нибудь новаго противъ нихъ и не говоритъ. Онъ только приводитъ новые примѣры для под-

---

[1]) Ibid.
[2]) C. XXVII, p. 63.
[3]) C. XXVIII—XXIX, p. 65 67.
[4]) C. XXVIII, p. 66.
[5]) C. XXX, p. 68.
[6]) C. XXXI, p. 70.

твержденія той мысли, что истина всегда остается истиной, и слѣдовательно, дѣйствительность и благодатность таинствъ не зависитъ отъ нравственнаго состоянія ихъ совершителей. Въ подтвержденіе своей мысли, онъ ссылается на Каіафу, который, хотя самъ не былъ истиннымъ, былъ гонителемъ Единаго и совершеннѣйшаго Святителя, однако, какъ первосвященникъ, какъ органъ, по своему положенію, Божественнаго откровенія, онъ изрекъ истину [1]).

Истину нашелъ ап. Павелъ въ словахъ языческихъ поэтовъ (Тит. I, 12—23; Дѣян. XVII, 23. 27—28), хотя по словамъ Августина, они не были въ числѣ истинныхъ пророковъ [2]). Выводъ тотъ, что истина въ своемъ существѣ останется всегда истиною, и ей не можетъ повредить нравственное состояніе лицъ ее возвѣщающихъ. Отъ этой истины донатисты уклоняются, отдѣляясь отъ каѳолической Церкви, которой даны обѣтованія наслѣдія, и которую донатисты несправедливо обвинили въ утратѣ благодати и власти крещенія.

Настаивая на непоколебимости своей мысли о томъ, что каѳолики не имѣютъ истиннаго крещенія, Петиліанъ приходитъ къ весьма оригинальному ученію о трехъ степеняхъ единаго крещенія. Крещеніе одно, но оно имѣетъ три степени: первая степень—это крещеніе Іоанна, крещеніе безъ Троицы, крещеніе покаянія. Этого крещенія каѳолики не имѣютъ, потому что они уподобляютъ себя не Іоанну, а Ироду, его убійцѣ. Вторая степень—это крещеніе Христа, крещеніе Духомъ Святымъ. Не имѣютъ православные и этого крещенія, потому что они—предатели, и какъ таковыхъ, ихъ ждетъ не огонь очищенія, а неугасающій огонь въ преисподней. Третья степень—это крещеніе Утѣшителя, крещеніе огнемъ [3]). Православные не имѣютъ и крещенія

---

[1]) C. XXX, p. 69.
[2]) C. XXX, p. 69.
[3]) C. XXXII, p. 72.

Троицы, потому что они—враги св. Троицы. Они не могутъ называть Бога Своимъ Отцемъ, потому что сыновство дается только миротворцамъ, чего о православныхъ и сказать нельзя. Не могутъ они креститься и во имя Сына и Св. Духа, потому что они предатели [1]). Выводъ тотъ, что православные, какъ не имѣющіе крещенія, должны быть крещены донатистами. Если апостолы крестили тѣхъ, которые были крещены крещеніемъ покаянія, то тѣмъ болѣе донатистамъ нужно крестить православныхъ, религіозныхъ преступниковъ [2]). На нихъ не можетъ сойти Св. Духъ, потому что они не имѣютъ даже крещенія Іоанна. Подобно тому какъ ап. Павелъ крестилъ крещенныхъ крещеніемъ Іоанна, чтобы низвести на нихъ Св. Духа, такъ и православные, чтобы получить крещеніе и дары Св. Духа, должны быть крещены донатистами, имѣющими истинное крещеніе. Отвѣчая Петиліану, Августинъ, прежде всего, называетъ его злорѣчивымъ хулителемъ, который не можетъ быть признанъ честнымъ спорщикомъ, и подробно говоритъ о пріемахъ его нападокъ на православныхъ, которыя такъ не обоснованны, что православные съ одинаковымъ правомъ могутъ и къ донатистамъ отнести все то, что послѣдніе говорятъ о православныхъ.

Такъ, донатисты говорятъ, что каѳолики не имѣютъ Св. Духа. По Августину, сами они не имѣютъ Св. Духа, потому что отдѣлились отъ общенія со вселенскою Церковію. Въ актѣ ниспосланія св. Духа въ видѣ огненныхъ языковъ обнаружилась высшая провиденціальная цѣль Бога: собрать въ единую каѳолическую Церковь всѣ народы, говорящіе на разныхъ языкахъ. Для того и данъ былъ Апостоламъ даръ языковъ, чтобы по всей вселенной пронеслись ихъ слова благовѣстія: и чтобы Церковь не казалась скрытою,

---

[1]) C. XXXIII, p. 77.
[2]) C. XXXIV—XXXVII, p. 79, 81, 83, 85.

но была видна для всѣхъ, какъ городъ, стоящій на верху горы. Вотъ какова истинная Церковь, общеніе съ коею донатисты потеряли [1]).

Что же касается ученія о трехъ степеняхъ крещенія, то оно заключаетъ въ себѣ ошибку. Если и можно говорить о степеняхъ или, лучше сказать, родахъ крещенія, то ихъ можно установить только двѣ: крещеніе Іоанна и крещеніе Христа, такъ какъ, по словамъ Іоанна, грядущій Спаситель будетъ крестить Духамъ Святымъ и огнемъ. Крещеніе Іоанна и крещеніе христіанское различны. Крещеніе Іоанна имѣло лишь временное значеніе, какъ подготовительное средство къ принятію Мессіи. Если бы оно имѣло то значеніе, какое хотятъ придать ему донатисты, то апостолы не осмѣлились бы еще разъ крестить учениковъ Іоанна. Послѣдніе были крещены водою. Повидимому, апостоламъ оставалось только крестить ихъ крещеніемъ Духа Святаго и огня. Но они снова крестили учениковъ Іоанна, и тѣмъ показали, что одно—крещеніе Іоанна, а другое—крещеніе Христа, и, такимъ образомъ, по мысли Августина, не можетъ быть рѣчи и о двухъ степеняхъ крещенія [2]).

Далѣе, по Августину, если допустить существованіе трехъ степеній крещенія, то логически можно, на основаніи положеній Петиліана, придти къ ученію о двухъ Св. Духахъ [3]), потому что основаніемъ ученія о крещеніи Христа Духомъ Святымъ—т. е. второй степени крещенія—служитъ фактъ ниспосланія Св. Духа на учениковъ чрезъ дуновеніе Христа, а основаніемъ ученія о крещеніи Утѣшителя чрезъ огонь—фактъ сошествія Св. Духа на Апостоловъ въ видѣ

---

[1]) C. XXXII, p. 73—74. Подробную же мысль Августинъ очень подробно развиваетъ въ своихъ словахъ на день св. Пятидесятницы. См. Serm. 265. (Перев. Воскр. чт. IX, 57—59); 183. (В. чт. XVII, 69—70) 271. (В. чт. VIII, 67).

[2]) C. XXXII, p. 75.

[3]) C. XXXII, p. 76.

огненныхъ языковъ. Если такъ—то, значитъ—существуютъ два Св. Духа. Кто можетъ сказать безумнѣе этого? Нѣтъ, одного и того же Духа далъ Христосъ и чрезъ дуновеніе и въ огненныхъ языкахъ.

На положеніе же Петиліана, что православные не имѣютъ крещенія Троицы, потому что они нравственно не чисты, Августинъ, какъ и прежде, отвѣчаетъ, что дѣйственность таинства не зависитъ отъ нравственнаго состоянія совершителей крещенія. Если же даже стать на точку зрѣнія донатистовъ, то тогда можно доказать, что и сами они не имѣютъ крещенія Троицы, потому что грѣшатъ противъ Нея [1]).

Что же такое крещеніе Іоанна? Крещеніе это имѣло временное значеніе. Оно было прообразомъ истиннаго и совершеннаго крещенія Христа, подобно тому какъ законъ и пророки предсказывали и преобразовали таинства будущаго. Среди провозвѣстниковъ таинъ будущаго стоитъ на самомъ видномъ мѣстѣ Іоаннъ, какъ объ этомъ сказалъ Самъ Христосъ. Но, не смотря на свое выдающееся положеніе, Іоаннъ сознавалъ, что онъ не Богъ, и уступилъ грядущему во слѣдъ за нимъ. Крещеніе же его, какъ прообразъ таинъ будущаго, подобно, по своему значенію, пасхѣ—прообразу страданій и смерти Христа. И какъ Христова пасха существенно отличается отъ пасхи Іудейской, такъ и крещеніе Іоанна не есть степень Христова крещенія, но является отличнымъ отъ него. Что оно было отлично отъ крещенія Христа, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Христосъ Своимъ вопросомъ, обращеннымъ ко Іудеямъ: „крещеніе Іоанна откуда было: съ неба или отъ людей“? (Матѳ. XXI. 25). Если поставить дѣйствительность таинства въ зависимость отъ нравственнаго состоянія совершителей

---

[1]) C. XXXIV, p. 78.

таинства, то тогда надо бы поступать такъ. Какъ ни высокъ, ни совершенъ былъ Іоаннъ, но если его крещеніе не имѣло значенія и нужно было его учениковъ для полученія даровъ св. Духа, снова крестить, то не нужно ли крестить и тѣхъ, которые крещены были Оптатомъ? Если же они, донатисты, не перекрещиваютъ крещенныхъ Оптатомъ, то тѣмъ самымъ они измѣняютъ своему принципу. Если же и можно говорить о какомъ нибудь соотношеніи между дѣйствительностью таинства и нравственнымъ состояніемъ человѣка, то только въ томъ смыслѣ, что, хотя дѣйствительность таинства и не зависитъ отъ нравственнаго состоянія совершителей крещенія, тѣмъ не менѣе само то таинство, будучи усвоено человѣкомъ, приноситъ или производитъ въ немъ различные результаты: достойно усвоенное—оно приноситъ награду, недостойно—наказаніе. Въ самомъ же существѣ оно остается всегда себѣ неизмѣннымъ, будетъ ли усвоено порочными или святыми людьми [1]).

Въ заключеніе отдѣла Августинъ разбираетъ вопросъ Петиліана: „если мы худо дѣлаемъ, зачѣмъ насъ ищете“? Августинъ отъ лица православныхъ отвѣчаетъ, что православные ищутъ донатистовъ ради спасенія ихъ душъ, чтобы возсоединить ихъ съ вселенскою Церковію, и тѣмъ оживить, спасти ихъ [2]).

Какъ можно было видѣть, разборъ ученія Петиліана находящійся во второй книгѣ блаженнаго Августина, отличается большею подробностью, по сравненію съ разборомъ въ первой книгѣ. Здѣсь мы находимъ и новыя свидѣтельства историческаго характера и новыя основанія теоретическаго философскаго характера. Ученію донатистовъ о сущности таинствъ нанесенъ рѣшительный ударъ, и вмѣстѣ съ этимъ опровергнуты и частныя нападки донатистовъ на

---

[1]) C. XXXVII, p 86—88.
[2]) C. XXXVII, p. 89.

православныхъ, имѣющія своею цѣлью доказать, что православные грѣшатъ не только своимъ ученіемъ, но и жизнью, и какъ таковые, стоятъ гораздо ниже донатистовъ, которые одни и составляютъ истинную Церковь.

Во второй части книги (XXXVIII—XCII) содержится разборъ ученія Петиліана о Церкви и опроверженіе нападокъ Петиліана на православныхъ и на каѳолическую Церковь. Прежде всего Августинъ разбираетъ филологически, что такое вселенская—Catholica ecclesia. По Петиліану—каѳолическій—unicus sive totus, значитъ—единственный въ своемъ родѣ, цѣлый. Если понимать такъ, то православные не имѣютъ истинной каѳолической Церкви, потому что они—только часть ея, не соблюдшая цѣлостности каѳолической Церкви. По Августину же ὅλον не значитъ unum, а totum, т. е. каѳолическій—значитъ: распространенный по всему, находящійся во всемъ земномъ шарѣ. Августинъ придастъ иное значеніе слову ὅλος—totus. По нему Церковь называется каѳолическою потому, что она распространена по всей вселенной,—въ Іерусалимѣ, во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли. Она—камень въ видѣніи Даніила, наполнившій собою всю землю. Поэтому каѳолическая Церковь православныхъ, а не церковь донатистовъ, существующая только въ Африкѣ [1]).

Мало того, что каѳолики составляютъ только часть Церкви, они, по мысли Петиліана, составляютъ часть худшую, часть тьмы, злобы, смерти, преступленія, крови [2]). И какъ нѣтъ общенія между свѣтомъ и тьмою, между жизнью и смертью, между водою и кровью, такъ не можетъ быть общенія между донатистами и Макаріанами (такъ донатисты называли православныхъ), и даже болѣе, эта негоднѣйшая часть Церкви должна быть уничтожена съ лица земли.

---

[1]) C. XXXVIII, p. 90.
[2]) C. XXXIV, p. 92.

Отвѣчая Петиліану, Августинъ высказываетъ удивленіе, почему донатисты видятъ въ православныхъ только дурное, почему обращаютъ вниманіе на плевели, и забываютъ о сѣмени Авраама. Если такимъ же образомъ посмотрѣть и на нихъ, то окажется, что и среди нихъ, называющихъ себя чистою пшеницею,—не мало плевелъ. Для этого достаточно указать на циркумцелліоновъ, злодѣянія которыхъ всѣмъ извѣстны [1]).

Донатисты, будучи недовольны приданной имъ каѳоликами кличкой, въ отместку имъ называли ихъ макаріанами, по имени императорскаго уполномоченнаго Макарія, истреблявшаго циркумцелліоновъ [1]). Противъ этого далѣе и возстаетъ блаженный Августинъ. Называть макаріанами всю вселенную, объединенную Христомъ, не имѣетъ смысла потому что имя Макарія извѣстно только въ Африкѣ и совершенно не извѣстно въ заморскихъ странахъ. Между тѣмъ именемъ Доната можно назвать раскольниковъ, потому что оно всѣмъ извѣстно, и потому что сами они гордятся именемъ Доната. Но ихъ съ одинаковымъ правомъ можно назвать и именемъ Оптата. Они гордятся именемъ Доната, потому что считаютъ его великимъ и святымъ. Но какая имъ польза отъ этого, если сами они осквернены Оптатомъ и Циркумцелліонами. „Вѣдь въ томъ именно ваше заблужденіе, говоритъ Августинъ, что вы приписываете бо́льшую силу неправдѣ человѣка для осквернѣнія другого, чѣмъ праведности—для спасенія ближняго". Но если же донатистамъ нравится называть православныхъ макаріанами, то въ этомъ Августинъ не видитъ для православныхъ ничего позорнаго. Слово Μακάριος,—значитъ блаженный (beatus). Блаженнымъ же обѣщано наслѣдіе благословенія. Въ этомъ смыслѣ православные готовы называть себя макаріанами,

---

[1]) C. XXXIX, p. 93.

такъ какъ они блаженны, потому что составляютъ вселенскую Церковь, которая владѣетъ наслѣдіемъ. Донатисты же пытаются погубить обѣтованіе благословенія, отдѣляясь отъ общенія съ Церковью и злословя ее [1]).

Продолжая далѣе нападки на православныхъ, Петиліанъ ясно проводитъ мысль, что православные—схизматики, за которыхъ умеръ не Христосъ, а Іуда, и которые облеклись въ одежду не Христа, а Іуды [2]). Слѣдуя Іудѣ, православные, похитивши сокровища Церкви, предали донатистовъ,—наслѣдіе Божіе—властямъ вѣка сего.

Возражая Петиліану, Августинъ говоритъ, что за православныхъ умеръ Христосъ, а не Іуда. Донатисты считаютъ общество каѳоликовъ порочнымъ, поэтому что въ немъ смѣшаны добрые и злые. Но это не устрашаетъ Августина, и онъ указываетъ на вселенскій характеръ Церкви Христовой. Если же донатисты обвиняютъ православныхъ въ захватѣ наслѣдія (лодъ которытъ донатисты, повидимому, разумѣютъ территоріальныя владѣнія), то въ этомъ съ равнымъ правомъ могутъ обвинять христіанъ и іудеи, такъ какъ теперь христіане владѣютъ тѣми мѣстами, въ которыхъ іудеи раньше нечестиво царствовали. Если же у нихъ отнято за ихъ нечестіе ихъ владѣніе, то почему не могутъ сдѣлать этого по отношенію съ схизматикамъ и православные, если даже въ Писаніи и сказано: отнимется у васъ (іудеевъ) царство Божіе и дастся народу творящему правду" (Матѳ. XXI, 43). Да и сами донатисты не поступали ли точно также по отношенію къ максиміанистамъ, отнимая у нихъ жительства [3]).

Далѣе Петиліанъ приводитъ цѣлый рядъ мѣстъ Св. Писанія, и толкуя ихъ тенденціозно, старается доказать, что

---

[1]) С. XXXIX, p. 94.
[2]) С. XXXIX, p. 94.
[3]) С. XLIII, p. 101.

все то, что говорится въ Писаніи о благочестивыхъ, относится къ донатистамъ, а противоположное—къ каѳоликамъ. Такъ, онъ приводитъ слова I псалма и видитъ въ благочестивыхъ, неходящихъ, на путь нечестивыхъ, донатистовъ. Господь знаетъ путь праведныхъ, путь узкій, которымъ идутъ донатисты, а путь грѣшныхъ, путь широкій, которымъ идутъ каѳолики, погибнетъ [1]). Приводитъ онъ также 22 псалмъ, въ которомъ, по его словамъ, воспѣвается похвала ихъ крещенія [2]).

Относительно толкованія Петиліаномъ I псалма Августинъ замѣчаетъ, что донатисты, разумѣя подъ нечестивыми псалма православныхъ, тѣмъ самымъ предъявляютъ обвиненіе (вину) соломы пшеницѣ. Въ церкви есть добрые и злые. Всѣ они, по волѣ Божіей, живутъ вмѣстѣ до послѣняго суда. Но это совмѣстная жизнь праведныхъ съ порочными не оскверняетъ первыхъ. Пшеница остается пшеницею, хотя бы она и росла вмѣстѣ съ плевелами [3]). Здѣсь же Августинъ при помощи діалектическаго пріема старается доказать, что подъ праведными въ I псалмѣ естественнѣе разумѣть православныхъ, макаріанъ, какъ нравится называть вать православныхъ донатистамъ. Если перевести первыя слова псалма: „Beatus vir“ на греческій языкъ то получится: „Μακάριος ἀνήρ, и слѣдовательно, все то, что говорится о благочестивыхъ въ этомъ псалмѣ, относится къ ненавистному донатистамъ Макарію, именемъ котораго они называли православныхъ, а также и къ его партіи, т. е. православнымъ поскольку онъ находился съ столь тѣсной связи съ ними, что далъ имъ даже свое имя [4]).

Псаломъ же 22, дѣйствительно, относится къ крещенію, но только къ крещенію тѣхъ, которые совершаютъ его

---

[1]) C. XLIII—XLIV, p. 102—104.
[2]) C. XLV—XLVI, p. 105, 107.
[3]) C. XLVII, p. 109.
[4]) C. XLVII, p. 108.

правильно и законно. Потому псаломъ этомъ не касается церкумцелліоновъ, которые вмѣсто того, чтобы надѣяться на жезлъ и палицу Господню, надѣются на дубины. Но—съ кѣмъ Богъ, тотъ не боится зла. Божественная благодать, помогающая человѣку, всегда одна и та же. Только въ зависимости отъ отношенія къ ней человѣка, ея дѣйствіе въ людяхъ различно. Овцы и козлища пасутся подъ наблюденіемъ одного пастуха, но судьба ихъ бываетъ различна. На одной и той же трапезѣ присутствовалъ и Петръ и Іуда, но первый получилъ на ней жизнь, а второй—осужденіе. Однимъ святымъ елеемъ были помазаны и Давидъ и Саулъ, но судьба ихъ была различна. Одно и тоже Тѣло Христово служитъ пищею для многихъ, но одни вкушаютъ ее въ жизнь, другіе—въ осужденіе. *Таинствамъ Бога не приносятъ никакого вреда нравы злыхъ людей*, въ томъ смыслѣ, что они могутъ или совсѣмъ уничтожаться или дѣлаться менѣе. Эти слова могутъ служить compendium'омъ взгляда Августина на существо таинствъ, и вмѣстѣ съ этимъ, отчасти и на существо Церкви, какъ общества людей, въ которомъ до послѣдняго суда пребываютъ и праведные и грѣшные [1]). Донатисты же стояли на иной точкѣ зрѣнія. Тотъ, кто не невиненъ, не имѣетъ святости [2]). Если же православные указываютъ на то, что они знаютъ законъ, то это одно знаніе еще не приноситъ имъ пользы, потому что и діаволъ знаетъ его, какъ это видно изъ исторіи Іова и исторіи искушенія Христа [3]). Но, по Августину, прежде всего, ссылка въ данномъ случаѣ не имѣетъ для себя никакихъ основаній въ Писаніи. Что же касается принципіальной точки зрѣнія на данный вопросъ, то, по Августину, православные далеки отъ мысли утверждать, что одно знаніе закона мо-

---

[1]) C. XLVII, p. 110.
[2]) C. XLVIII, p. 111.
[3]) C. XLIX, p. 113.

жетъ сдѣлать человѣка непорочнымъ. Ссылка же донатистовъ на факты обнаруженія діаволомъ знанія закона можетъ только навесть на мысль, что донатисты подражаютъ діаволу. Какъ онъ хотѣлъ страданій праведныхъ, такъ донатисты хотятъ безумнаго мученичества, низвергаясь со скалъ или вѣшаясь [1]).

Продолжая доказывать, что въ каѳолической Церкви нѣтъ признаковъ истинной Церкви, Петиліанъ говоритъ, что каѳедры православныхъ—это сѣдалища губительныя, о которыхъ говоритъ Давидъ въ первомъ псалмѣ [2]); что жертвы ихъ совершенно неугодны Богу [3]); что если православные будутъ возносить молитву къ Богу, то молитва ихъ не будетъ услышана [4]), потому что для того, чтобы войти въ Царствіе небесное, недостаточно только молитвы—пустого призыванія имени Божія, но необходимо исполнять волю Божію. Если же, какъ говорятъ, православные и изгоняютъ демоновъ, то изгоняютъ не своей собственной силой, а именемъ Іисуса Христа. Даже если бы они (православные) творили чудеса, то и тогда Богъ, по причинѣ ихъ нравственной негодности, скажетъ имъ: „не знаю васъ“ [5]).

На такой потокъ обвиненій Августинъ отвѣчаетъ Петиліану просьбою не бросать грязью въ тѣхъ, кого онъ совершенно не знаетъ. Что, напр., сдѣлала Петиліану римская церковь, на каѳедрѣ которой возсѣдалъ ап. Петръ, а теперь возсѣдаетъ Анастасій, или церковь Іерусалимская, украшеніемъ которой нѣкогда былъ ап. Іаковъ. Даже каѳедру, на которой возсѣдали фарисеи, люди, безъ сомнѣнія, самые низкіе въ нравственномъ отношеніи, Христосъ называетъ не каѳедрою заразы, не сѣдалищемъ губительнымъ, а ка-

---

[1]) C. XLVIII, p. 112—114.
[2]) C. LI, p. 117.
[3]) C. LII, p. 119.
[4]) C. LIII, p. 121.
[5]) C. LV, p. 125.

седрою Моисея. Эту каѳедру Моисея не запятнали своими пороками фарисеи [1]). А на прочія обвиненія и ругательства Петиліана Августинъ отвѣчаетъ, что никто не можетъ сдѣлать другого злымъ. Каждый имѣетъ свою волю, и соотвѣтственно этой волѣ и поступаетъ, выбирая доброе или злое. А одно сожительство съ нечестивыми не оскверняетъ его, если онъ чистъ душою, если, живя вмѣстѣ тѣломъ, онъ не живетъ одною духовною жизнью съ негодными людьми. Для разбора же приводимыхъ изъ евангелія текстовъ, говорящихъ о томъ, что чудеса еще не есть признакъ святости, Августинъ привлекаетъ параллельное мѣсто изъ 1 послан. Коринѳ. XIII, 2, гдѣ говорится, что тотъ, кто не имѣетъ любви,—ничто, хотя бы онъ могъ и горы переставлять по своей вѣрѣ. Кто же не имѣетъ любви? Любви не имѣютъ тѣ, которые не имѣютъ единенія. Слѣдовательно, то, что донатисты относятъ къ православнымъ, съ большимъ правомъ должно быть относимо къ нимъ самимъ [2]).

Петиліанъ снова возвращается къ тому, что православные хвалятся закономъ, знаніемъ его, но на практикѣ не выполняютъ того, что требуетъ законъ. Законъ говоритъ: не убивай. Православные же уподобляются Каину братоубійцѣ [3]). Законъ говоритъ: не прелюбодѣйствуй. Православные, можетъ быть, не прелюбодѣйствуя тѣлесно, прелюбодѣйствуютъ духовно, обезчещивая святыню [4]). Законъ говоритъ: „не давай ложныхъ свидѣтельствъ“. Православные клевещутъ на донатистовъ царямъ вѣка сего [5]). Законъ говоритъ: „не пожелай ничего ближняго твоего“. Православные похищаютъ чужое [6]). Они соблазнители на дурное: по-

---

[1]) C. LV—LV, p. 118, 120, 126.
[2]) C. LV, p. 126.
[3]) C. LVI, p. 127.
[4]) C. LVII, p. 129.
[5]) C. LVIII, p. 131.
[6]) C. LIX, p. 133.

этому, меньшими назовутся въ Царствѣ Небесномъ [1]). Они грѣшники противъ Св. Духа, грѣшатъ не только тѣлесно, но и духовно, убивая свою душу [2]). Къ нимъ относятся евангельскія изреченія: „горе вамъ, книжники и фарисеи", потому что они не удовлетворяютъ ни одному изъ требованій заповѣдей блаженства. Тогда какъ донатисты—по заповѣди Спасителя—нищіе духомъ, православные—похитители и собиратели богатствъ [3]). Вмѣсто того, чтобы, благодаря кротости, наслѣдовать землю, они, благодаря своей неудержной дикости, теряютъ небо и землю [4]). Вмѣсто того, чтобы, по заповѣди Христа, самимъ плакать и этимъ заслужить блаженство, они заставляютъ другихъ проливать слезы [5]). Вмѣсто милосердія они жестоко поступаютъ съ праведными [6]). Они по своей духовной слѣпотѣ не могутъ видѣть Бога, потому что сердце ихъ загрязнено преступленіями [7]). Не могутъ они быть названы миротворцами, потому что войной стараются водворить единство и преступленіями—миръ [8]). Къ нимъ относятся слова пророка, призывающія къ постоянному миру, котораго у нихъ нѣтъ [9]). Наконецъ, не могутъ они быть блаженными потому, что гонятъ донатистовъ, дѣлая ихъ мучениками [10]). Ихъ можно сравнить съ волками, потому что они раздираютъ Церковь Христову, преслѣдуя овецъ стада Христова—донатистовъ, которые, подобно овцамъ, переносятъ гоненія съ терпѣніемъ, любовью и кротостью [11]). Они же, донатисты, исполняютъ заповѣдь Хри-

---

[1]) C. LIX, p. 137.
[2]) C. LXII, p. 139.
[3]) C. LXIII, p. 141.
[4]) C. LXIV, p. 143.
[5]) C. LXV, p. 145.
[6]) C. LXVII, p. 149.
[7]) C. LXVIII, p. 151.
[8]) C. LXIX, p. 153.
[9]) C. LXX—LXXI p. 155—157.
[10]) C. LXXII, p. 159.
[11]) C. LXXIII, p. 163.

ста о взаимной любви между собою (Іоанн. XIII 34—35) [1]) и подражаютъ ап. Павлу [2]), переносившему всѣ бѣды и непріятности терпѣливо. Они имѣютъ ту любовь, прекрасныя качества которой изобразилъ ап. Павелъ (1 Коринѳ. XIII, 1—8), и которой нѣтъ у каѳоликовъ, хотя бы они и хвалились и даромъ чудесъ, и знаніемъ всѣхъ тэйнъ, и даже ложнымъ мученичествомъ [3]).

Непонятно, далѣе, по Петиліану, какой смыслъ имѣетъ для православныхъ преслѣдованіе донатистовъ [4]). Вѣдь Христосъ никого не преслѣдовалъ [5]), никогда не привлекалъ къ себѣ силою. Такъ же точно донатисты никого не привлекаютъ къ Себѣ силою, памятуя слова Спасителя: „никто не придетъ ко Мнѣ, если Отецъ не привлечетъ его“ (Іоанн. VI, 44) [6]). Поэтому, они только убѣждаютъ православныхъ войти въ истинную Церковь, представителями которой являются донатисты, и оставить тѣ способы воздѣйствія на донатистовъ, къ коимъ они до сихъ поръ прибѣгали, такъ какъ они не одобрены Христомъ въ фактѣ осужденія имъ поступка Ап. Петра въ саду Геѳсиманскомъ [7]). Но въ этомъ обращеніи ихъ къ православнымъ не должно, по мысли Петиліана, усматривать страха предъ смертію. Страхъ предъ смертію не свойствененъ истиннымъ христіанамъ. Напротивъ, именно въ отсутствіи страха предъ смертію и обнаруживается истинное христіанство [8]).

Такимъ образомъ, Петиліанъ, при рѣшеніи вопроса о томъ, что такое каѳолическая Церковь, прибѣгаетъ къ нападкамъ на православныхъ. По его мысли, у православныхъ нѣтъ

---

[1]) C. LXXV, p. 167.
[2]) C. LXXVI, p. 169.
[3]) C. LXXVIII, p. 173.
[4]) C. LXXIX, p. 175.
[5]) C. LXXX, p. 177.
[6]) C. LXXXIV, p. 185.
[7]) C. LXXXVIII, p. 194.
[8]) Lib II, c. LXXXIX, p. 196.

истинной Церкви, потому, что они запятнали себя многочисленными преступленіями, среди которыхъ особенно выдѣляются: предательство и гоненіе на донатистовъ. Такимъ образомъ онъ рѣшаетъ вопросъ съ отрицательной стороны. Что же касается положительнаго рѣшенія вопроса, то мы его почти не находимъ. Петиліанъ, какъ на непоколебимомъ камнѣ, стоитъ на утвержденіи, что церковь донатистовъ—истинна, и что православные отдѣлились отъ нея. Задача Августина заключалась въ томъ, чтобы опровергнуть все то, что донатисты говорятъ противъ православныхъ, и тѣмъ показать, что положенія донатистовъ—ложны, ибо противорѣчатъ иногда требованіямъ логики, а иногда и свидѣтельствамъ исторіи. Августинъ сталъ на ту же дорогу, по которой шелъ Петиліанъ. Опровергая обвиненія православныхъ со стороны донатистовъ, онъ одновременно становится судьею ихъ, часто обвиняя ихъ самихъ въ томъ, въ чемъ они обвиняли православныхъ. Исходнымъ пунктомъ его обвиненій донатистовъ служитъ, какъ и раньше, исторія максиміанистовъ и поведеніе Оптата и циркумцелліоновъ.

Такъ на обвиненіе Петиліана въ томъ, что православные, хвалясь знаніемъ закона, не исполняютъ заповѣдей: „не убивай“, „не прелюбодѣйствуй“, Августинъ отвѣчаетъ, что сами донатисты не знаютъ, что говорятъ. Они обвиняютъ православныхъ въ томъ, въ чемъ сами не имѣютъ недостатка [1]). Ложно обвиняютъ донатисты православныхъ въ томъ, что они даютъ ложныя свидѣтельства. Сами они болѣе православныхъ виновны въ этомъ, такъ какъ ложно обвиняютъ вселенскую Церковь въ томъ, что она, при помощи лжи, овладѣла наслѣдіемъ донатистовъ. Если же православные и обращались съ просьбами къ свѣтской власти, то въ этомъ нѣтъ ничего позорнаго, потому что такъ по-

---

[1]) Lib. II, c. LVI—LVII, p. 128, 13).

ступалъ и Ап. Павелъ. Да и сами они при помощи князей вѣка сего изгоняли максиміанистовъ, въ то время, какъ вооружились противъ законовъ, изданныхъ свѣтскою властію противъ ихъ самихъ. Если эти законы истинны, донатисты должны имъ подчиняться; если ложны, то ложными должны быть признаны и любезные ихъ сердцу законы противъ максиміанистовъ [1]). Послѣдняго они не хотятъ. Тѣмъ же самимъ можно отвѣтить и на слѣдующее обвиненіе Петиліана въ томъ, что православные не исполняютъ заповѣдь: „не пожелай ничего, принадлежащаго ближнему твоему". Православные не по своему изволенію заняли вселенную, но по слову Спасителя, по которому—отнимется царство отъ Іудеевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и отъ всѣхъ нечестивыхъ, и дано будетъ народу, творящему правду. Но если донатисты обвиняютъ православныхъ въ пожеланіи чужого, то это обвиненіе съ равнымъ правомъ можетъ быть предъявлено и имъ, не только пожелавшимъ чужого, но и приведшимъ это пожеланіе въ исполненіе чрезъ изгнаніе максиміанистовъ изъ ихъ базиликъ [2]). Мало того, что донатисты ложно обвиняли православныхъ въ цѣломъ рядѣ злодѣяній, они тенденціозно искажали Св. Писаніе, приспособляя нужныя мѣста къ защитѣ положеній ихъ доктрины. Въ этомъ Августинъ обвиняетъ ихъ неоднократно [3]). На обвиненіе же въ томъ, что православные не исполняютъ заповѣдей блаженства, Августинъ отвѣчаетъ имъ, что и сами они виновны въ томъ, въ чемъ обвиняютъ православныхъ. Пусть они обратятъ вниманіе, напр., на поведеніе циркумцелліоновъ, и тогда увидятъ, что и сами они не могутъ быть названы ни нищими духомъ, ни плачущими, ни кроткими [4]). Только развѣ по своей духовной слѣпотѣ они

[1]) Lib. II, p. 134.
[2]) C. LIX, p. 134.
[3]) C. LXI, p. 138—140.
[4]) C. LXIV—LXVI, p. 144, 146, 148.

не могутъ замѣтить того, что они ложно приписываютъ другимъ то, въ чемъ грѣшны сами [1]). Напрасно, далѣе, донатисты обвиняютъ православныхъ въ томъ, что они не миротворцы, что они гонители донатистовъ и фабриканты донатистскихъ мучениковъ. Напротивъ, они защищаютъ миръ Церкви, и защищаютъ рекомендованными Богомъ средствами. Они смотрятъ на людей, какъ на братьевъ, которыхъ нужно любить, какъ самихъ себя. Но вѣдь никто не ненавидитъ свою плоть. Если же донатисты говорятъ, что православные войною отыскиваютъ единство, то это правда въ томъ смыслѣ, что въ человѣкѣ происходитъ борьба между тѣломъ и духомъ. Если же они вступаютъ въ борьбу за единство противъ своихъ ближнихъ, то эта борьба—борьба духовная, борьба не желѣзомъ [2]), а словомъ, борьба мирная, имѣющая цѣлью соединеніе разрозненнаго, раздѣленнаго, во едино, а не раздѣленіе единаго на части, какъ дѣлалъ Донатъ [3]). Почему донатисты, какъ послѣдователи Доната, называютъ себя миротворцами? Напрасно, далѣе, они почитаютъ себя мучениками, потому что ихъ мученики большею частью самоубійцы, бросающіеся со скалъ, и, какъ таковые, не могутъ быть названы истинными мучениками [4]). Главнымъ аргументомъ Августина противъ другихъ обвиненій Петиліана служитъ идея единства Церкви, каковая идея находитъ свое осуществленіе или обнаруженіе въ обществѣ православныхъ, между тѣмъ какъ донатисты отдѣлились отъ единства Церкви. Истинными овцами Христовыми, съ этой точки зрѣнія, могутъ быть только тѣ, которые слушаютъ голоса Христа, по которому всѣ люди должны составить единую Церковь, которая начавшись отъ Іерусалима, дол-

---

[1]) C. LXVIII, p. 152.
[2]) C. LXVIII, p. 154.
[3]) C. LXX, p. 158.
[4]) C. LXXI, p. 160.

жна обнять весь міръ [1]). Благодать, любовь христіанская можетъ быть только при условіи единства Церкви [2]). Въ противномъ случаѣ, какъ показываетъ исторія самихъ донатистовъ, истинная любовь замѣняется призрачною, искаженною любовью. Донатисты, далѣе, не могутъ представить истиннаго основанія своего отдѣленія отъ единства Церкви [3]).

Приступая къ опроверженію нападокъ Петиліана на православныхъ за то, что послѣдніе силою привлекаютъ донатистовъ въ свою общину, Августинъ долженъ былъ серьезно разобрать приводимый Петиліаномъ текстъ изъ Ев. Іоанна (VI, 44). Указавши на этотъ текстъ, Петиліанъ спрашиваетъ, почему православные не хотятъ дозволить каждому жить по своей свободной волѣ, когда даже Самъ Богъ предложилъ человѣку выборъ между злымъ и добрымъ. Пунктъ весьма важный; ибо здѣсь рѣшается вопросъ о томъ, какъ происходитъ обращеніе человѣка, что должно быть отнесено на долю человѣку и что на долю благодати.

Но уже самая постановка вопроса Петиліаномъ страдала внутреннимъ противорѣчіемъ. Какимъ образомъ, по мысли Августина, Отецъ привлекаетъ людей къ Сыну, когда Самъ же Онъ далъ имъ свободную волю и предоставилъ избирать, что угодно. И однако и то и другое истинно, хотя понять это могутъ немногіе. Точно также и законы, убѣждая принужденіемъ, не уничтожаютъ свободной воли. Они наши пѣстуны, заботящіеся о нашемъ исправленіи и заставляющіе насъ подумать о томъ, чѣмъ мы страдаемъ. Если законы наказываютъ насъ по заслугамъ, намъ остается исправляться. Если же—напрасно, намъ остается терпѣть ради правды. Но этимъ свободная воля не парализуется Какъ Богъ въ актѣ привлеченія человѣка къ Сыну какъ бы

[1]) C. LXXIII, p. 164.
[2]) C. LXXII, p. 162.
[3]) C.LXXXII—LXXXIII, p. 182, 184.

идетъ навстрѣчу желаніямъ души человѣка, помогаетъ ей совершенствоваться, такъ и законы руководятъ насъ по пути добра, хотя отъ человѣка и можетъ исходить нежеланіе подчиняться имъ [1]). Но донатисты говорятъ: Христосъ не приказывалъ никого убивать за ересь, и Самъ Богъ не пожелалъ крови братоубійцы Каина. Напротивъ, Онъ оставилъ намъ образъ смерти, а не убійства, запретилъ Петру прибѣгать къ ножу. Правда, Христосъ не приказывалъ убивать и цари христіанскіе, сердце коихъ—въ рукѣ Божіей, не издавали законовъ объ убійствѣ еретиковъ, но если бы это и было, то и тогда ихъ можно было бы оправдать тѣмъ, что они убивали изъ милосердія, подобно Моисею, который, хотя молился за народъ свой и выражалъ желаніе пожертвовать за него собою, однако, сходя съ горы, приказалъ убить многихъ [2]). А на ссылку Петиліана на запрещеніе Петру употреблять ножъ Августинъ отвѣчаетъ: „почему вы этими словами не усмиряете своихъ циркумцелліоновъ?“ Да и сами донатисты употребляютъ постоянно ножъ, но ножъ духовный, раздирая тѣло Христово, отдѣляясь отъ Церкви Христовой. У православныхъ же, подобными Петру, извлекшему ножъ на защиту Христа, являются еще молодые, и слабые въ православной вѣрѣ, которые, подобно Петру, имѣютъ слѣпую ревность о Христѣ. Между ними и донатистами—весьма большое различіе. Послѣдніе подобны слугамъ Іудейскихъ священниковъ, потому что, служа своимъ князьямъ противъ каѳолической Церкви, вооружаются противъ тѣла Христова, а тѣ юные и слабые въ вѣрѣ, хотя и плотскимъ образомъ, борются за тѣло Христово, т. е. Церковь. Если донатисты указываютъ на это православнымъ, то тѣ въ свою очередь могутъ указать имъ на неистовства циркумцелліоновъ [3]). Особенно возмущаютъ Авгу-

---

[1]) C. LXXXIV, p. 186.
[2]) C. LXXXVI, p. 191.
[3]) C. LXXXVIII, p. 195.

стина факты самоубійства донатистовъ чрезъ паденіе со скалъ. Самоубійство, хотя бы оно имѣло въ своей основѣ прекрасную идею, все таки должно быть осуждено.

Такимъ образомъ, какъ можно было видѣть, Августиномъ были намѣчены слѣдующіе пункты ученія о Церкви. Истинная Церковь едина и распространена по всей землѣ. Никакими географическими рамками она не ограничена. Она ни отъ кого не скрыта, и потому для каждаго можетъ быть видно, что въ ней, на ряду съ праведниками, пребываютъ и грѣшники, потому что она—еще воинствующая Церковь, терпящая въ своей средѣ недостойныхъ, но отъ этого сама не теряющая своей чистоты, потому что она свята не вслѣдствіе святости отдѣльныхъ членовъ своихъ, но въ силу того, что глава ея—Христосъ—святъ, и какъ таковой, Онъ освятилъ и ее, далъ ей благодатныя средства освященія. Поэтому напрасны нападки на Церковь со стороны донатистовъ. Напрасны они потому, что они часто противорѣчатъ истинѣ. Напрасны они были бы и тогда, когда были бы даже основательны, потому что и въ такомъ случаѣ Церковь въ своемъ существѣ не потерпѣла бы измѣненія.

Переходя къ вопросу объ отношеніи между Церковію и государствомъ, мы должны сказать, что штрихи рѣшенія этого вопроса мы находимъ и раньше, въ предыдущихъ частяхъ[1]), потому что нельзя признать, что планъ Петиліана выдержанъ вездѣ строго. Но до сихъ поръ онъ не выступалъ съ рѣзкимъ и точно формулированнымъ рѣшеніемъ вопроса. Теперь же его формула поражаетъ насъ своею силою и смѣлостью. „Что вамъ до царей вѣка сего, которые всегда были враждебны къ христіанамъ“—вотъ краткое изложеніе всего его ученія объ отношеніи Церкви къ госу-

---

[1]) Lib. I, 21, Lib. II, p. 51.

дарству. Для доказательства своего положенія Петиліанъ приводитъ массу историческихъ примѣровъ, которые показываютъ, что цари преслѣдовали благочестивыхъ. Царь преслѣдовалъ Маккавеевъ. Царь приказалъ бросить въ огонь трехъ отроковъ и въ ровъ Даніила. Царь искалъ души младенца Спасителя. Судья нечестиваго царя осудилъ Самого Іисуса Христа. Князи вѣка сего вообще не способны понимать тайну, отъ вѣка сокровенную, какъ говоритъ объ этомъ Ап. Павелъ. Христіане же не сдѣлали императоровъ христіанами, такъ какъ давали имъ ложь вмѣсто истины и принуждали ихъ поступать несправедливо по отношенію къ донатистамъ, внушая имъ, что этимъ они будутъ совершать службу Богу. За это погибнутъ и тѣ, которые внушаютъ императорамъ мысль о необходимости преслѣдованія донатистовъ, и императоры, поддающіеся этому внушенію. Такъ было съ Іезавелью и ея мужемъ, Иродіадой и ея дочерью, Пилатомъ и Іудеями. Въ подтвержденіе своей основной мысли онъ приводитъ весь II псаломъ, гдѣ цари земли представляются враждебными по отношенію къ Сыну Божію, и гдѣ содержится увѣщаніе къ этимъ царямъ, чтобы они исправились. Наконецъ, онъ перечисляетъ римскихъ императоровъ—гонителей христіанства, начиная съ Нерона и кончая Максиміаномъ, и говоритъ, что всѣ они, за свое поведеніе по отношенію къ православнымъ, погибли. Погибли также и императорскіе уполномоченные, преслѣдовавшіе донатистовъ [1]).

Возражая Петиліану, Августинъ говоритъ, что цари не всегда враждебно относились къ христіанамъ. Если же существовали добрыя отношенія между Церковію и свѣтскою властію, то эти дружественныя отношенія не составляютъ грѣха, если Церковь пользуется ими для благихъ цѣлей [2]),

---

[1]) C. XCII, p. 202.
[2]) C. XCII, p. 203.

Петиліанъ представилъ длинный рядъ нечестивыхъ царей. Августинъ представляетъ, въ противовѣсъ ему, рядъ царей, доброжелательно относящихся къ праведникамъ. Онъ вспоминаетъ объ отношеніи Авраама, Исаака, Іакова къ фараонамъ египетскимъ, Давида къ Анхузу, Иліи къ Ахаву, Навуходоносора къ Даніилу и тремъ отрокамъ. Но какъ сами донатисты, на практикѣ относились къ свѣтской власти? Августинъ напоминаетъ имъ факты изъ ихъ исторіи: фактъ аппеляціи ихъ къ Константину Великому и факты обращенія ихъ къ Юліану Отступнику, съ просьбою возвратить имъ отнятые у нихъ базилики. И замѣчательно то, что они не подчинились христіанскому императору и низко льстили предъ отступникомъ отъ Христа Юліаномъ. Неужели за то нужно называть императоровъ врагами христіанъ, что они выступаютъ на защиту единства Церкви? [1]).

Петиліанъ доказывалъ, что цари, преслѣдовавшіе христіанъ погибли, и приводитъ цѣлый рядъ языческихъ императоровъ. Но это были язычники. Петиліанъ не указываетъ на христіанскихъ императоровъ ограничиваясь ссылкою на гибель Макарія и Урзакія: но вѣдь они не были императорами. Но и они погибли не такъ, какъ хотѣлось представить это донатистамъ [2]).

Петиліанъ, обращая вниманіе на факты преслѣдованія праведныхъ со стороны языческихъ царей, забываетъ, что тѣ же самые цари иногда и перемѣняли свои отношенія къ праведнымъ. О чемъ это говоритъ? О томъ, что при разсужденіи о возможности принужденія нужно исходить изъ оцѣнки цѣли или мотивовъ человѣческихъ поступковъ. Нужно не на то обращать вниманіе, къ чему принуждаютъ. Часто поступки, по существу одинаковыя, на самомъ дѣлѣ различны по своимъ мотивамъ, и потому получаютъ различную оцѣнку.

---

[1]) C. XCII, p. 205—206.
[2]) C. XCII, p. 208.

Царь былъ гонителемъ, когда бросилъ Даніила въ ровъ, но былъ ли онъ гонителемъ, когда бросилъ тѣмъ же львамъ враговъ Даніила? Точно также ясно, что Навуходоносоръ былъ гонителемъ, когда издалъ приказаніе бросить въ огонь трехъ отроковъ. Но былъ ли онъ гонителемъ, когда издалъ указъ, чтобы всѣ злословящіе Единаго Бога были казнены? Если бы и царь, преслѣдовавшій Даніила, и Навуходоносоръ, преслѣдуя враговъ этихъ благочестивыхъ людей, были гонителями, то почему эти благочестивые люди, пользуясь своимъ положеніемъ, не воспротивились этому. Если же они не воспротивились, значитъ и намъ нужно допустить, чтобы цари преслѣдовали тѣхъ, которые уничтожаютъ таинства Церкви [1]). Принужденіе только тогда можетъ быть названо гоненіемъ, когда принуждаютъ ко злу и удерживаютъ отъ добра; въ противномъ же случаѣ, оно исправленіе.

Петиліану, стоящему твердо на своей основной точкѣ зрѣнія, кажется страннымъ, почему православные хотятъ все таки общенія съ ними, или какъ дальше онъ, съ діалектической хитростью говоритъ: „выбирайте одно изъ двухъ: если мы невинны, зачѣмъ вы преслѣдуете насъ желѣзомъ: если же мы виновны, зачѣмъ вы, невинные, ищете общенія съ нами“? На первый вопросъ его Августинъ отвѣчаетъ, что православные желаютъ общенія съ донатистами ради ихъ спасенія и исправленія отъ ихъ ложной жизни [2]). Въ отвѣтъ на второй вопросъ Августинъ смѣется надъ хитроумной или, лучше сказать, безсмысленной дилеммой, поставленной Петиліаномъ. Православные невиновны въ томъ, въ чемъ ихъ ложно оклеветали, потому что ни выдавали св. книгъ, ни приносили жертвъ идоламъ, ни убивали кого нибудь. Если же кто нибудь и сдѣлалъ нѣчто подобное, то

---

[1]) C. XCII, p. 212—213.
[2]) C. XCIV—XCV, p. 217, 219.

осквернилъ или запятналъ только себя, но не все общество православныхъ, потому что каждый несетъ свое бремя. Донатисты же виновны не столько въ преступленіяхъ подобнаго рода, сколько въ схизмѣ, и отъ этой вины они могутъ избавиться только тогда, когда присоединятся къ единой Церкви вселенской. Если ихъ самихъ спросить, виновны они или нѣтъ, то сами они не будутъ въ состояніи сказать ни да, ни нѣтъ, потому что, если скажутъ „да", то не удивительно, если ихъ ищутъ правители міра сего для наказанія, если же „нѣтъ", то православные ищутъ ихъ для единенія съ собою [1]).

Съ историко-практической точки зрѣнія Петиліанъ переходитъ на принципіальную и заявляетъ, что вообще лучше надѣяться на Бога, чѣмъ на людей, и, въ частности, на князей [2]). Въ этомъ принципіальномъ положеніи скрыто высказывается протестъ противъ вмѣшательства государства въ дѣла Церкви. Августинъ отвѣчаетъ на это защитою себя и православныхъ. Православные надѣются только на Бога, и другихъ убѣждаютъ поступать также. Если же они иногда и обращаются къ свѣтской власти и пользуются чѣмъ нибудь отъ нея, то это еще не значитъ, что они надѣются на эту власть. Они въ данномъ случаѣ подражаютъ ап. Павлу, который обращался въ нужную минуту къ свѣтской власти. Но какъ понять обращеніе донатистовъ къ языческому Юліану, который желалъ гибели христіанства. Не проявилась ли тутъ надежда на человѣка? Въ этомъ фактѣ, по мысли Августина, обнаружилась со всею силою измѣна Христу и надежда на человѣка [3]).

Таково въ существенныхъ чертахъ воззрѣніе Петиліана на отношеніе между церковію и государствомъ. Государ-

---

[1]) C. XCIV, p. 221—222
[2]) C. XCVII, p. 223.
[3]) C. XCVII—XCVIII, p. 224, 226

ству нѣтъ дѣла до Церкви—вотъ основное положеніе донатистовъ. Императоры имѣютъ право, и даже должны вмѣшиваться въ дѣла церкви—вотъ точка зрѣнія Августина.

Дальнѣйшія главы представляютъ разборъ патетической части посланія Петиліана, въ которой онъ нападаетъ со всею силою на православныхъ, и по существу новаго ничего не говоритъ. Такъ, Петиліанъ обвиняетъ здѣсь православныхъ въ томъ, что они стремятся къ обладанію богатствомъ и въ этомъ стремленіи губятъ свои души [1]). Донатисты же—нищіе духомъ, ничего не имѣющіе, но всѣмъ обладающіе, и свою кровію пріобрѣтающіе себѣ богатство на небѣ [2]). Они не боятся тѣлесной смерти, и избѣгаютъ только общенія съ нечестивыми, чтобы не осквернить своей души [3]). Какъ преступники, православные, съ точки зрѣнія донатистовъ, не имѣютъ истиннаго крещенія, потому что если креститель—порочный человѣкъ, то порочными будутъ и принявшіе отъ него крещеніе [4]). Вода ихъ ложна, не имѣетъ вѣры [5]). Помазаніе ихъ—помазаніе грѣшника, потому что они преслѣдуютъ невинныхъ. Помазаніе же донатистовъ—есть помазаніе муромъ мира, о которомъ говорится въ 132 псалмѣ [6]). Какъ грѣшники, православные оскорбляютъ святыню, и ни одинъ ихъ священникъ не можетъ молиться за народъ, потому что всѣ они грѣшны, и потому они должны погибнуть [7]). Заключая свое грозное посланіе, Петиліанъ обращается съ призывомъ къ православнымъ: идти къ Церкви Христовой, бѣжать отъ предателей, чтобы не погибнуть

---

[1]) C. XCVIII, p. 225.
[2]) C. XCVIX, p. 227.
[3]) C. C, p. 229.
[4]) C. CI, p. 222.
[5]) C. CII, p. 234.
[6]) C. CIII—CIV, p. 236—238.
[7]) C. CV—CVIII, p, 240, 242, 244

вмѣстѣ съ ними, идти къ донатистамъ, гдѣ ихъ ждетъ истинное крещеніе... и спасеніе [1]).

Такимъ образомъ, по существу, нападки эти сходны съ прежними. Отвѣчая на нихъ, Августинъ самомнѣнію и гордости донатистовъ старается противопоставить смиреніе и любовь. Главнымъ аргументомъ, по большей части, какъ и прежде, служатъ ссылки на исторію и поведеніе самихъ донатистовъ. Такъ, опровергая слова донатистовъ: „мы нищіе духомъ“, Августинъ указываетъ на фактъ существованія у нихъ епископовъ, обладающихъ огромными богатствами [2]). Однимъ изъ постоянныхъ грѣховъ донатистовъ Августинъ считаетъ клевету ихъ на вселенскую Церковь, къ каковой они часто прибѣгаютъ. Ложнымъ признаетъ онъ также и ученіе донатистовъ о крещеніи. Дѣйствительность таинства не зависитъ отъ нравственнаго состоянія совершителей таинства, потому что, если бы было иначе, то никто не выходилъ бы изъ купели чистымъ, такъ какъ совершитель крещенія, какимъ бы чистымъ ни казался, никогда не можетъ быть абсолютно чистымъ, и, слѣдов., не можетъ и другихъ сдѣлать чистыми [3]). Какъ же примирить съ ихъ ученіемъ о крещеніи ихъ постоянный лозунгъ „лучше надѣяться на Бога, нежели надѣяться на человѣка“?: Если дѣйствительность таинства они поставляютъ въ зависимость отъ нравственнаго состоянія его совершителя, значитъ, они надѣются на человѣка, а не на Бога [4]). Гордости донатистовъ Августинъ противополагаетъ истинное смиреніе. Онъ, отрицая обвиненіе въ идолослуженіи, предательствѣ, признаетъ себя грѣшникомъ [5]). Онъ не отрицаетъ того, что среди православныхъ есть не мало нечестивыхъ свя-

---

[1]) C. CVIII, p. 246.
[2]) C. XCIX, p. 228.
[3]) C. CI, p. 232.
[4]) C. CI, p. 233.
[5]) C. CIII, p. 237.

щенниковъ, но, по убѣжденію православныхъ, дѣйственность таинства и молитвъ не зависитъ отъ нравственнаго состоянія служителей алтаря. Вѣрующіе должны надѣяться единственно на святаго и милосерднаго Архіерея, Который откроетъ доступъ къ Себѣ. Поэтому, Августинъ готовъ признать истиннымъ крещеніе еретиковъ, точно такъ же, какъ крещеніе порочныхъ людей различныхъ категорій, потому что въ ихъ крещеніи дѣйствовалъ Христосъ. Но одного общенія съ Церковью въ таинствахъ недостаточно для спасенія человѣка, потому что благодать одна и та же и въ праведникѣ и въ грѣшникѣ, только дѣйствіе ея различно: для однихъ она даетъ жизнь, а для другихъ—осужденіе [1]).

Истинная Церковь основана на камнѣ. Она не ограничена какою нибудь частью земли, а распространена по всей вселенной.

Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, Августинъ не оставилъ безъ разбора ни одной мысли Петиліана. При разборѣ онъ обращалъ вниманіе на второстепенныя и, повидимому, маловажныя мысли, стараясь извлечь изъ нихъ защиту православія. И это ему удалось. Объ этомъ можно судить уже потому, что Петиліанъ сразу увидѣлъ въ немъ опаснаго литературнаго противника, который убѣдилъ его своею полемикою противъ него нѣсколько измѣнить свой прежній взглядъ на спорные вопросы и представить новые аргументы. Это онъ и постарался сдѣлать въ своемъ отвѣтѣ на книги Августина.

„О единствѣ Церкви“ или полнѣе—„Ad Catholicos epistola contra donatistas vulgo De unitate Ecclesiae“—представляетъ изъ себя пастырское посланіе, адресованное православной паствѣ. Авторомъ этого сочиненія былъ, безъ сомнѣнія, Августинъ, хотя подлинность его долго подвергалась

---

[1]) C. CVIII, p. 247.

сомнѣнію. Основаніемъ для сомнѣнія являлось, главнымъ образомъ, молчаніе Retractationes объ этомъ сочиненіи, въ то время какъ о другихъ сочиненіяхъ предшествующихъ спорному, Августинъ дѣлаетъ подробное упоминаніе. Кромѣ того, не въ пользу подлинности говорятъ многіе внутренніе признаки: стиль сочиненія, не только уступающій, но даже совершенно иного характера, чѣмъ стиль другихъ произведеній, декламаторскій, съ обиліемъ фигуральныхъ оборотовъ [1]), съ темнотою мыслей; языкъ иногда варварскій [2]); мнѣнія, противныя тѣмъ, какія проводились Августиномъ въ другихъ его сочиненіяхъ [3]); цитація Св. Писанія, не вездѣ одинаковая, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣзко отличающаяся отъ его обычной цитаціи по общепринятому Церковію тексту [4]); наконецъ, самое привѣтствіе совершенно иного характера и формы, нежели въ другихъ сочиненіяхъ [5]). На основаніи этихъ признаковъ, по замѣчанію одного изслѣдователя, мы должны отбросить этотъ трудъ, тѣмъ болѣе, что онъ разсматриваетъ тѣ же самые вопросы, что и трудъ предшествующій (противъ Петиліана) [6]). Бенедиктинцы, издатели сочиненій Августина, высказывали сомнѣнія и обнаружили колебаніе въ рѣшеніи спорнаго вопроса [7]).

Въ защиту же подлинности приводятся слѣдующія основанія. Поссидій въ своемъ „Каталогѣ книгъ св. Авгу-

[1]) Migne XLIII, стр. 389—390. Admonitio къ книгѣ о „Единствѣ Церкви"; здѣсь указаны примѣры изящнаго тона.

[2]) Dictionnaire de Théologie Catholique par Vagant et Mangenot. Paris. 1903 г. стр. 2296. t. I, f. 5. Трактатъ Eugéne Portalié.

[3]) Напр. сравн. с. 13. p. 23 и Epist. 33 p. 4 и Contra Cresconium lib. I. c. 31, p. 36—37.

[4]) Histoire genérale des auteurs sacrés et écclesiastiques par Ceillier, t. XI, стр. 713—714.

[5]) Migne XLIII, стр, 391.

[6]) Vagant. Dict. de Theol. Cathol. t. I, f. 5, стр. 2236. Мнѣніе Prof. Eugène Portalié въ его статьѣ „Saint Augustin".

[7]) Ibid.

стина“ указываетъ, безъ сомнѣнія, на данное произведеніе, озаглавливая его: „Epistola contra quos supra (т. е. Донатистовъ) ad Catholicos fratres liber unus“.

Правда, трудно установить, имѣлъ ли онъ въ виду данное произведеніе, или какое другое. Но такъ какъ другихъ сочиненій, къ которымъ можно было бы отнести заглавіе, приводимое Поссидіемъ, нѣтъ, и такъ какъ въ своемъ „Каталогѣ“ указанное сочиненіе Поссидій ставитъ послѣ сочиненія Августина „Противъ письма Петиліана“ [1]), значитъ, онъ разумѣлъ данное сочиненіе. Данное сочиненіе цитируетъ 5 вселенскій соборъ, приписывая его Августину („Ejusdem ex Epistola ad Catholicos“) [2]). Оба эти свидѣтельства не даютъ еще права на признаніе даннаго произведенія подлиннымъ. При помощи ихъ можно только установить, что Августиномъ было издано какое то пастырское посланіе противъ донатистовъ. Но такъ какъ другихъ пастырскихъ посланій съ такою цѣлію и съ такимъ назначеніемъ (кромѣ I книги противъ Петиліана, которая могла бы подходить подъ данное въ этихъ свидѣтельствахъ опредѣленіе, но несомнѣнно, ясно и рѣшительно отличалась отъ даннаго произведенія у Поссидія) не сохранилось, да и не было, и такъ какъ указанное сочиненіе представляетъ собою именно пастырское посланіе съ ясно намѣченною цѣлію, то можно съ рѣшительностью сказать, что данное произведеніе подлинно, что еще болѣе обнаружится, когда мы внимательно разсматримъ тѣ внутреннія основанія, на которыя опираются мнѣнія противоположнаго лагеря. Молчаніе Retractationum объясняется просто. Въ своихъ Retractationes Августинъ совершенно не говоритъ о своихъ посланіяхъ и

---

[1]) С. Ш „Каталога„ Приведено у Migne XLIII стр. 389—390. Vagant стр. 2295. Ceillier, 713 стр.

[2]) Mansi IX, c. 261—262, (примѣчаніе Mansi „In epist. de unitate ecclesiae contra Petiltani“).

письмахъ. Данное сочиненіе по содержанію своему представляетъ пастырское посланіе. Слѣдовательно, напрасно мы ожидали бы упоминанія о немъ въ Retractationes. Исключеніе въ данномъ отношеніи Августинъ дѣлаетъ для I книги „Противъ письма Петиліана", представляющей изъ себя тоже пастырское посланіе. Но это исключеніе извиняется тѣмъ, что Августинъ разсматриваетъ I книгу „противъ письма Петиліана" не самостоятельно, а какъ бы мимоходомъ, въ связи съ другими книгами противъ Петиліана. Стиль сочиненія, отличный отъ стиля прочихъ сочиненій, еще не даетъ права дѣлать заключеніе о неподлинности сочиненія. Въ самомъ дѣлѣ, сочиненіе имѣетъ назначеніе пастырскаго посланія, адресованнаго ко всей паствѣ, при чемъ большинство пасомыхъ состояло изъ людей грубыхъ, необразованныхъ, для которыхъ, съ одной стороны, непонятенъ былъ бы языкъ ученаго, какимъ Августинъ пишетъ свои сочиненія противъ столповъ донатизма, а требовался языкъ обыденный, привычный для всѣхъ классовъ общества; съ другой стороны, чернь могла скорѣе усвоить и понять рѣчь, украшенную риторическими фигурами, чѣмъ рѣчь сухую и ученую. Въ этомъ отношеніи данное сочиненіе можетъ быть поставлено въ сравненіе съ „Псалмомъ" Августина, предназначеннымъ для простого народа и отличавшимся тѣми же качествами, какими характеризуютъ критики данное сочиненіе.

Что же касается разности въ цитаціи Св. Писанія, то это объясняется тѣмъ, что у Августина подъ руками было нѣсколько списковъ Св. Писанія, которыми онъ и пользовался, не прибѣгая къ какому нибудь одному [1]). Что это такъ—это доказывается мѣстами и изъ другихъ его сочиненій [2]).

---

[1]) Ceillier стр. 714.

[2]) Ibid. См. напр. чтеніе Матѳ. XXIII, 3. Cont. Litt. Petil. lib. II, c. V, 11, стр. 261.

Гораздо труднѣе обстоитъ дѣло съ противорѣчіемъ во мнѣніяхъ. Можно допустить, что здѣсь имѣетъ значеніе употребленіе имъ риторическихъ пріемовъ, благодаря чему, не сохранивши мѣры, онъ и пришелъ къ противорѣчіямъ съ самимъ собою. Можетъ быть, онъ въ пылу полемическаго жара, хотѣлъ доказать правоту своего ученія во чтобы то ни стало. При этомъ, если внимательно всмотрѣться въ противорѣчія, то окажется, что они не такія уже важныя и серьезныя, чтобы на основаніи ихъ можно было бы закрывать глаза на факты, рѣшительно говорящіе въ пользу подлинности книги. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ о единствѣ Церкви при вселенскомъ характерѣ ея является однимъ изъ важныхъ вопросовъ не только крупныхъ полемическихъ произведеній Августина, но затрагивается имъ даже въ письмахъ. Затѣмъ—и самое важное—это произведеніе является какъ бы продолженіемъ сочиненія Августина противъ Петиліана, какъ видно изъ I главы. Никто другой кромѣ Августина не писалъ опроверженія „небольшой части“ посланія Петиліана.

Такимъ образомъ, мы должны признать данное произведеніе вышедшимъ изъ рукъ Августина.

Это подтверждается и авторитетомъ древнѣйшихъ и лучшихъ изданій сочиненій Августина [1]).

Время происхожденія этого сочиненія опредѣляется на основаніи I главы сочиненія. Изъ нея видно, что данное сочиненіе написано между второю и третьею книгою „Противъ письма Петиліана“, такъ какъ ясно, что Августинъ не зналъ еще о второмъ Посланіи Петиліана [2]). Цѣлію даннаго произведенія является намѣреніе—разрѣшить на основаніи только Писанія вопросъ, гдѣ находится истинная Церковь, у схизматиковъ или у православныхъ. Вопросъ рѣшается

---

[1]) См. Migne XLIII стр, 389—390 Admonitio.
[2]) De unitate Ecclesiae c. I p. 1.

на основаніи ясныхъ и опредѣленныхъ словъ Писанія въ томъ смыслѣ, что истинная Церковь есть та, которая распространена по всей вселенной. Затѣмъ разбираются тѣ мѣста Писанія, которыя донатисты привлекаютъ для доказательства своего положенія, что истинная Церковь находится только въ обществѣ донатистовъ. Наконецъ—опровергаются всѣ обвиненія со стороны донатистовъ по адресу православныхъ въ предательствѣ, преслѣдованіи и тому подобномъ.

Указавши ближайшую цѣль написанія даннаго сочиненія, Августинъ переходитъ къ центральному вопросу: гдѣ истинная Церковь—у православныхъ или у донатистовъ. Основнымъ положеніемъ Августина служитъ идея единства Церкви, изъ которой (идеи) вытекаетъ идея вселенскаго характера Церкви. Единая Церковь, которую предки наши называли каѳолической, чтобы самымъ именемъ показать, что она распространена по всей вселенной. Она—тѣло Христово (Колосс. I, 24), возглавляемое главою—Христомъ. О главѣ не можетъ быть вопроса—гдѣ она. Вопросъ о томъ, гдѣ тѣло Христово? [1]) Отказываясь рѣшить вопросъ на основаніи разсужденій человѣческихъ, приводящихъ только къ новымъ спорамъ и затемнѣнію дѣла, къ раздѣленію, и приписывая вину раздѣленія донатистамъ, которые не имѣли никакихъ основаній отдѣляться отъ общенія со всею вселенскою Церковью, Августинъ выражаетъ желаніе рѣшить вопросъ только на основаніи книгъ Господнихъ, только въ нихъ искать Церкви [2]), обѣщая руководиться только истинною и не закрывать глазъ отъ нея, хотя бы это было и не въ пользу православныхъ [3]). Приступая къ исканію Церкви въ „книгахъ Господнихъ“, Августинъ, прежде всего, устанавливаетъ, кто не принадлежитъ къ Церкви. Къ Церкви

---

[1]) С. II, 2.
[2]) С. II—III, 3—5
[3]) С. III, 6.

не принадлежитъ 1) тѣ, которые отдѣляются отъ Самой Главы ея—Христа и св. Писанія, хотя и находятся вездѣ, гдѣ распространена Церковь; 2) тѣ, которые, хотя и согласны съ Главою, но не имѣютъ общенія съ тѣломъ Его; 3) тѣ, которые не вѣрятъ истинному явленію Христа во плоти и дѣлу искупленія, и 4) тѣ, которые, хотя истинно вѣруютъ во Христа, но имѣютъ превратное понятіе о Его тѣлѣ и потому считаютъ Его Церковію небольшую общину, съ своей точки зрѣнія, вѣрныхъ Христу [1]).

Относительно „книгъ Господнихъ“ Августинъ предупреждаетъ, что многое въ нихъ ложно толкуется донатистами. Поэтому, онъ старается, прежде всего, выискать то, что истинно и ясно само по себѣ, привлекая для толкованія его не разсужденія человѣческія, а само Св. Писаніе.

Начавши искать Церковь въ пророческихъ и апостольскихъ писаніяхъ, Августинъ прежде всего находитъ ее въ ковчегѣ Ноя. Тамъ были всѣ роды животныхъ, и это смѣшанное населеніе ковчега прообразовало собою смѣшанный характеръ Церкви Христовой, имѣющей обнять всѣ народы земли. Попутно онъ приводитъ и разбираетъ толкованіе даннаго мѣста однимъ донатистскимъ епископомъ. По его толкованію, ковчегъ былъ осмоленъ внутри, чтобы не выпускалъ своей воды, и осмоленъ снаружи, чтобы не допускалъ чужой воды. Онъ желалъ дать такое толкованіе: крещеніе не можетъ выходить изъ Церкви. Доказавши неестественность такого толкованія, Августинъ предлагаетъ моральное пониманіе смолы, подъ которою онъ разумѣетъ любовь, соединяющую отдѣльныя бревна Церкви, т е. людей [2]).

Въ исторіи Гедеона Церковь изображена подъ образомъ росы. Сначала по всей землѣ было сухо, на шерсти

---

[1]) С. IV, 17.
[2]) С. V, 8—9.

же была роса; потомъ вездѣ была роса, на шерсти же сухо. Сначала Церковь находилась только въ обществѣ іудеевъ; потомъ была отнята отъ нихъ и распространена по всей вселенной [1]).

Въ книгѣ Бытія на вселенскій характеръ Церкви Христовой указывали обѣтованія, данныя Богомъ Аврааму, Исааку и Іакову, каковыя обѣтованія іудеи относили къ своему народу. Но іудеи не читали ап. Павла, донатисты же читали, и тѣмъ не менѣе не поняли правильно обѣтованій Божіихъ, признавая истинною Церковію только свою общину, находящуюся въ Африкѣ [2]). Много свидѣтельствъ о распространеніи Церкви по всей вселенной находится въ книгахъ пророковъ. Кто осмѣливается, тотъ пусть надѣется на Того, на Кого „вси языцы уповать будутъ“, и не отступаетъ отъ надѣющихся на Него. Если же отступитъ, пусть возвратится, чтобы не погибнуть. Изъ пророковъ особенно часто и подробно говорилъ о вселенскомъ характерѣ Церкви Христовой Исаія. Августинъ приводитъ цѣлый рядъ мѣстъ изъ этого пророка (IX, 9—10; XXVII, 6; XLI, 4—5; XLII, 14; XLIX, 5—23, LI, 4—5; LIII, 1, 11—12; LIV, 1—5; LXII, 1—4) [3]), толкуя ихъ въ христіанскомъ смыслѣ на основаніи толкованій Новозавѣтныхъ писателей, преимущественно ап. Павла. Далѣе приводится рядъ мѣстъ изъ Псалмовъ (II, 7—8; XXII, 17—28—29; XLIX, 1—2; LVI, 5—6), въ которыхъ предсказано о смерти и воскресеніи Христа и Его воцареніи надъ всѣми народами [4]). Особое вниманіе Августинъ посвящаетъ LXXI псалму, въ которомъ, по его словамъ, предсказывается нѣчто такое, что не могло совершиться во временное царствованіе Соломона даже по со-

---

[1]) С. V, 10.
[2]) С. VI, 11—14.
[3]) С. VII, 16—19.
[4]) С. VIII, 20—21.

знанію самихъ іудеевъ. Здѣсь идетъ рѣчь о распространеніи Церкви по всей вселенной и подчиненіи Христу всѣхъ царей [1]). Привлекши на свою сторону такихъ авторитетовъ, значенія коихъ не отрицаютъ и донатисты, Августинъ призываетъ донатистовъ какъ бы на судъ и требуетъ отъ нихъ объясненія. Что намѣрены они сказать на то, что Августинъ привлекъ изъ Закона, Пророковъ и Псалмовъ о Христовой Церкви, которая распространена по всей вселенной, и въ отношеніи къ коей донатисты предпочитаютъ сражаться, чѣмъ входить въ общеніе. Они не могутъ признать ложными приводимые Августиномъ аргументы, потому что подавляются массой авторитетовъ. Но если они, признавая пророчества истинными, въ то же время говорятъ, что они (пророчества) не могутъ исполниться, значитъ, они признаютъ, что это говорили не пророки, а лжепророки. Но возможенъ вопросъ: почему не можетъ исполниться пророчество? „Не желаютъ люди"—отвѣчаютъ донатисты. Человѣкъ рожденъ со свободной волей, и поэтому поступаетъ такъ, какъ хочетъ. Когда Церковь начинала распространяться по всей вселенной, люди не желали сохранить ее, и она ушла изъ всѣхъ народовъ, пребывая только въ партіи Доната.—Но какъ будто не знаетъ Духъ Святой, говорящій черезъ пророковъ, будущую волю людей? [2]).

Переходя къ свидѣтельствамъ Новаго Завѣта, Августинъ, прежде всего, останавливается на словахъ Самого Слова, обращенныхъ Имъ къ ученикамъ послѣ воскресенія, о проповѣди „покаянія и отпущенія грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ, наченши отъ Іерусалима". Предвидя возможность уловки со стороны донатистовъ въ видѣ духовно-аллегорическаго пониманія Іерусалима, Августинъ вооружается противъ такого рода пониманія, и доказываетъ несостоятель-

---

[1]) C. VIII, 22.
[2]) C. IX. 23.

ность его тѣмъ, что допущенія его ведетъ къ духовному пониманію и воскресенія и вознесенія Христова. Что же могутъ разумѣть донатисты подъ Іерусалимомъ? Церковь. Какимъ же образомъ Церковь можетъ начинаться отъ Церкви. Получается явная безсмыслица. Напротивъ, отъ города Іерусалима, въ которомъ страдалъ и воскресъ Христосъ, началась Церковь Его и распространилась по всей вселенной, что доказывается Апостольской исторіей [1]). Августинъ перечисляетъ главные факты этого славнаго времени христіанской миссіи и общества, о которыхъ упоминается въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (I, II; VIII, IX—X, XIII), въ посланіяхъ апостольскихъ, гдѣ перечисляются главнѣйшія пункты апостольской проповѣди и Апокалипсисѣ [2]).

Неужели всѣ эти общества погибли благодаря Африканскому расколу? Мы не должны искажать благовѣствованія Христова, а оно говоритъ, что Церковь распространена по всей вселенной. Другое, заслуживающее по апостолу (Галат. I, 7—2) анаѳемы, возвѣщаютъ тѣ, которые учатъ, что погибла Церковь по всей землѣ и пребываетъ только въ партіи Доната. Пусть донатисты докажутъ это на основаніи св. Писанія, и тогда не будутъ „анаѳемы“ [3]). Они не боятся этого предложенія и доказываютъ, что они остались вѣрны Богу, подобно тому, какъ въ ветхомъ завѣтѣ небольшое число вѣрующихъ составляло истинную Церковь. Было время, когда Церковь состояла изъ одного Эноха (Быт. V гл.), изъ одной семьи Ноя, изъ семьи Лота, семей патріарховъ, двухъ колѣнъ Іудейскаго царства. Такъ и теперь весь міръ погибъ, донатисты же остались, какъ тѣ два колѣна, въ Церкви Божіей,—подобно тому, какъ у Господа осталось двѣнадцать апостоловъ. Но если донатисты вѣрятъ

---

[1]) С. X, 24—26.
[2]) С, XI—XII, 24—26.
[3]) С. XIII, 32.

этому, потому что это находится въ св. Писаніи, то почему не вѣрить тому, что Церковь распространена по всей вселенной, такъ какъ и объ этомъ говорится въ Писаніи. Мы вѣримъ этому—говорятъ донатисты, но вѣримъ и тому, что вселенная отступила отъ Церкви, и послѣдняя осталась въ партіи Доната. Православные вѣруютъ въ то, что читаютъ въ Писаніи донатисты, но не вѣруютъ тому, что это говорится объ еретикахъ. Но и то, что они считаютъ себя въ 2 колѣнахъ, не говоритъ въ ихъ пользу, потому что на основаніи пророческихъ словъ ясно, что Іуда былъ хуже Израиля. Такъ тяжелы грѣхи Іуды, что, по сравненію съ нимъ, Израиль долженъ быть названъ праведнымъ. Но ни грѣхи Іуды, ни грѣхи Израиля не вредили сколько-нибудь праведнымъ, которые жили тамъ. Въ Израильскомъ царствѣ жилъ, напр. великій пророкъ Илія. Богъ раздѣлилъ царства не какъ Церкви, а какъ государства, чтобы наказать Іуду. Дѣленіе государствъ не препятствуетъ единенію Церкви. Богъ никогда не былъ виновникомъ ересей и схизмы, и въ данномъ случаѣ оба царства были въ одной и той же Церкви [1]).

Объ Іудѣ и Израилѣ должно было вспомнить для того, чтобы показать, что праведникамъ не вредитъ то, что они живутъ среди грѣшниковъ. Мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства о смѣшеніи злыхъ съ добрыми въ общеніи таинствъ, и это смѣшеніе не вредитъ добрымъ, какъ не могъ повредить апостоламъ общеніемъ въ святѣйшей трапезѣ Іуда. Вспомнимъ лилію между терніями (Пѣснь Пѣсней II, 3), праведниковъ, воздыхающихъ о порочности города, (Іезек. IX, 4), притчи о полѣ, на которомъ растутъ вмѣстѣ пшеница и плевелы, и неводѣ, захватывающемъ вмѣстѣ и добрыхъ и злыхъ рыбъ (Матѳ. XIII). Нельзя, зна-

[1]) XIII, 33.

чить, оправдать отдѣленія добрыхъ отъ злыхъ, чего такъ настойчиво добиваются донатисты [1]).

Въ дальнѣйшемъ Августинъ разбираетъ приводимые донатистами доказательства того положенія, что истинная Церковь сохранилась только въ обществѣ донатистовъ, при чемъ сообщаетъ много интереснаго о донатистскомъ экзегесисѣ.

Основываясь на словахъ Спасителя о тѣсныхъ вратахъ, ведущихъ ко спасенію (Матѳ. XII, 13—14), донатисты дѣлали заключеніе о немногочисленности добрыхъ, и подъ этими немногочисленными разумѣли себя, а подъ тѣми многочисленными, которые идутъ по широкому пути, ведущему къ погибели,—вселенскую Церковь. Но если критеріемъ истинности Церкви поставлять количество ея членовъ, то въ въ такомъ случаѣ надо признать, что рогатисты и максиміанисты—партіи въ самомъ донатизмѣ—какъ общины меньшія по числу членовъ, имѣютъ больше правъ признавать себя истинною Церковію. Церковь не погибаетъ и тогда, когда число невѣрующихъ превышаетъ число вѣрующихъ; слѣдовательно, и вселенская Церковь, хотя и терпитъ въ своей средѣ многочисленныхъ членовъ, идущихъ къ погибели, однако этимъ не теряетъ своей святости [2]).

О насъ, говорятъ донатисты, сказано: „будутъ тѣ, которые были послѣдніе, первыми". До Африки Евангеліе достигло послѣ всѣхъ народовъ, такъ какъ о восточныхъ Церквахъ упоминается въ посланіяхъ Павла. Имъ говорится: „будутъ послѣдними первые", потому что отступили отъ вѣры. Слѣдовательно, церковь донатистовъ должна быть признана единственно истинною Церковію, какъ возникшая послѣ всѣхъ другихъ церквей, къ тому же, утратившихъ благочестіе. Но въ такомъ толкованіи не сказывается ли

[1]) С. XIII—XIV, 34—35.
[2]) С. XIV, 36.

хитрость еретиковъ? Почему не понимать этихъ словъ въ отношеніи къ іудеямъ и христіанамъ. Но даже если православные и не могутъ подтвердить этого болѣе вѣрными доводами, то ссылка на дѣйствительное положеніе вещей будетъ говорить не въ пользу донатистовъ. Нѣкоторые варварскіе народы увѣровали во Христа послѣ Африки; значитъ, Африка не является послѣднею въ этомъ отношеніи—и потому не можетъ претендовать на первенство въ интересномъ для нея отношеніи" [1]).

Съ точки зрѣнія донатистовъ, въ словахъ Спасителя: „Сынъ человѣческій пришедъ убо обрящетъ ли вѣру на земли" (Лук. XVIII, 8) можно видѣть указаніе на отступничество отъ Христа вселенской Церкви. Опровергая это мнѣніе, Августинъ говоритъ, что въ данныхъ словахъ идетъ рѣчь относительно совершенства въ вѣрѣ, которое такъ трудно въ людяхъ, что даже въ самыхъ святыхъ людяхъ, напр., Моисеѣ, есть нѣчто такое, что заставляетъ ихъ трепетать и страшиться. Какъ бы съ сомнѣніемъ, а не рѣшительно, произноситъ Христосъ эти слова. Ему все знающему, конечно, не свойственно сомнѣніе и Его сомнѣніе есть вопль слабости человѣческой при видѣ упадка всего лучшаго. Кромѣ этого, въ толкованіи донатистовъ заключается внутреннее противорѣчіе. Въ текстѣ сказано: „на землѣ". Такъ какъ не сказано, на какой именно землѣ, и такъ какъ естественнѣе всего полагать: „на всей землѣ", значитъ, и въ Африкѣ—и частнѣе, въ обществѣ донатистовъ мало вѣрующихъ найдетъ Христосъ [2]).

Единственное, по Августину, свидѣтельство могутъ представить донатисты изъ Пѣснь Пѣсней: „Возвѣсти ми, его же возлюби душа моя, гдѣ пасеши, гдѣ почиваеши въ полудне" (I, 6).

---

[1]) C. XV, 37.
[2]) C. XV, 38—39.

Донатисты думаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ нихъ, такъ какъ Африка занимаетъ географическое положеніе на югѣ. Но помимо массы логическихъ противорѣчій, которыя безпощадно вскрываются Августиномъ, и съ географической точки зрѣнія данное положеніе несправедливо. Справедливѣе это мѣсто относить къ Египту, который лежитъ гораздо южнѣе сѣверной Африки [1]).

Августинъ даетъ иное, духовное толкованіе даннаго мѣста, понимая подъ полднемъ свѣтъ мудрости и огонь любви. Слѣдовательно, гдѣ находится этотъ полдень, тамъ находится и Церковь. Пусть донатисты разсмотрятъ Писаніе и возразятъ противъ несомнѣнныхъ свидѣтельствъ его о распространеніи Церкви по всей вселенной. Ихъ же ученіе о томъ, что Церковь сохранилась только въ обществѣ донатистовъ, помимо того, что заключаетъ въ себѣ массу логическихъ противорѣчій, является ученіемъ богохульнымъ, потому что они, выдвигая человѣческій авторитетъ, противятся очевидной истинѣ [2]).

Для защиты своей доктрины донатисты должны были признать, что Церковь завершила уже свое историческое развитіе, и потому, какъ достигшая завершенія этого развитія, она не должна терпѣть въ своей средѣ недостойныхъ членовъ. Но, по Августину, есть еще не мало народовъ, которые не слыхали о Христѣ. Необходимо, чтобы исполнилось предсказаніе Христа о проповѣди Его ученія по всей вселенной. И пока еще существуютъ народы, не принадлежащіе къ Церкви (а они будутъ существовать до конца міра), до тѣхъ поръ нельзя признавать, что Церковь закончила свой историческій ростъ. Она—поле, на которомъ растутъ и пшеница и плевелы. Но плевелы не вырываются, а остаются расти до послѣдней жатвы. Да и донатисты,

---

[1]) C. XVI, 40.
[2]) C. XVI, 42—43.

требуя отъ православной Церкви чистоты ея членовъ, сами терпятъ въ своей средѣ не мало плевелъ. На сцену выдвигается цѣлый рядъ доказательствъ этого, большею частію, оффиціальные акты, противъ которыхъ они возразить, конечно, не могутъ [1]).

Изъ дальнѣйшихъ разсужденій Августина видно, что донатисты для доказательства того, что ихъ только Церковь имѣетъ право называться истинною Церковію, указывали на чудеса Доната и Понція, на знаменія, на то, что ихъ молитвы выслушиваются Богомъ. По Августину же, всѣ эти доказательства не достигаютъ той цѣли, какой, при помощи ихъ, хотятъ достигнуть. Дѣйственность молитвы обусловливается не принадлежностью молящагося къ какому либо избранному обществу, а зависитъ отъ силы чувства; поэтому, можетъ быть услышана Богомъ и молитва язычника, еретика, въ то время какъ не удовлетворялась молитва Апостола Павла. Что же касается видѣній и чудесъ, то нужно быть крайне осторожнымъ и не спѣшить въ сужденіяхъ объ нихъ. Къ самой же вѣчной жизни никто не можетъ придти, если не находится въ Церкви, которую надо искать въ св. Писаніи, а не въ различныхъ человѣческихъ мнѣніяхъ и слухахъ, дѣлахъ, словахъ и видѣніяхъ. Свящ. Писаніе должно служить для насъ самымъ лучшимъ сводомъ надежныхъ доказательствъ, какъ смотрѣлъ на него и Самъ Христосъ и Его апостолы [2]).

Переходя къ вопросу о преслѣдованіи, Августинъ прежде всего разбираетъ общія положенія донатистовъ: если у васъ, православныхъ, Церковь, зачѣмъ вы къ миру ея пригоняете преслѣдованіемъ? Если мы злы,—зачѣмъ вы насъ ищете?—„Ищемъ чтобы спасти“—отвѣчаетъ Августинъ, потому что не обращаемъ вниманія на человѣческій судъ и

---

[1]) С. XVIII, 46—48
[2]) XIX, 49—51.

молву. То, что съ человѣческой точки зрѣнія представляется плевеломъ, можетъ быть въ очахъ Божіихъ чистой пшеницей.

Переходя, частнѣе, къ вопросу о преслѣдованіи, Августинъ замѣчаетъ, что жалобы на преслѣдованіе отпадаютъ, если мы прежде поразмыслимъ, что не всякое преслѣдованіе должно быть порицаемо. Для поясненія и доказательства этого онъ ссылается на примѣры каждодневныхъ наказаній, которыя и оцѣниваетъ съ точки зрѣнія цѣли ихъ. Съ этой точки зрѣнія мы по праву удерживаемъ безпорядочное своеволіе и безумную гордость циркумцелліоновъ, которые не даютъ покоя ни въ чемъ неповиннымъ людямъ. Поэтому, безъ смущенія духа, они должны переносить все то, что постановляютъ цари; если они (грѣшники) пострадаютъ невинно, ихъ ждетъ награда на небѣ. Но они не невинно страдаютъ, такъ какъ преслѣдуютъ православныхъ. Послѣдніе только затѣмъ направляютъ противъ нихъ императорскіе законы, чтобы Церковь была свободна отъ ужасовъ и гоненій, при чемъ стараются о томъ, чтобы наказанія не были тяжелыми и имѣли цѣлію исправленіе наказуемыхъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ первоначальный взглядъ Августина на преслѣдованіе раскольниковъ. Допуская наказаніе въ исключительныхъ случаяхъ, онъ признаетъ допустимыми только мѣры охранительнаго характера, заботясь въ то же время о томъ, чтобы наказанія не были тяжелыми (онъ говоритъ только о денежныхъ штрафахъ) и преслѣдовали исправительныя цѣли [1]).

Въ концѣ сочиненія Августинъ разбираетъ ученіе донатистовъ о крещеніи и высказываетъ свой собственный взглядъ на сущность и дѣйственность таинствъ. Чего ни-

---

[1]) С. XX, 53—55.

будь особеннаго, сравнительно съ сочиненіемъ „De Baptismo", въ данномъ сочиненіи не встрѣчаемъ. Интересно лишь толкованіе мѣста о водѣ лживой изъ книги пророка Іереміи, и ученіе донатистовъ о томъ, что вода, истекшая изъ тѣла Господа, означаетъ крещеніе. Съ безпощаднымъ анализомъ и, пожалуй, ироніей вскрываетъ Августинъ основы толкованія донатистами спорныхъ мѣстъ и доказываетъ его несостоятельность какъ съ точки зрѣнія разума, такъ и съ точки зрѣнія св. Писанія [1]).

Въ заключеніи Августинъ обращается къ своей паствѣ съ просьбою—свято хранить ученіе св. Писанія о Церкви, не увлекаясь тѣмъ, что представляютъ для увлеченія неопытныхъ донатисты. Руководящею звѣздою въ данномъ отношеніи должно служить для нихъ св. Писаніе [2]).

Между тѣмъ, первая книга Августина противъ Петилітна дошла по назначенію. Петиліанъ, прочитавъ ее, поспѣшилъ отвѣтить на нее, и ухватился за недостойное орудіе—личные нападки, не воздерживаясь даже отъ клеветы.

Отвѣтъ Августина на это сочиненіе Петиліана [3]) замѣчателенъ по сдержанности и полемическому такту, и обличаетъ въ авторѣ истинно христіанскую настроенность. Кротостью и всепрощеніемъ отвѣчаетъ Августинъ на нападки Петиліана, заботясь не столько объ оправданіи себя лично, сколько объ утвержденіи истины православія, ловко пользуясь, при этомъ, тѣмъ, что Петиліанъ, убѣдившись въ дарованіяхъ и силѣ логики Августина, счелъ за лучшее измѣнить свои первоначальныя воззрѣнія.

Давъ характеристику Петиліана, какъ полемиста, и указавъ поводъ къ написанію даннаго сочиненія [4]), Авгу-

---

[1]) С. XXI—XXIV, 56—71.

[2]) С. XXV.

[3]) Contra Litt. Petiliani Lib III. У Поссидія „Contra secundam Epistolam ejusdem Lib. unus". Migne t. XLIII, стр. 345—346.

[4]) Lib, III, c. I, 1—2.

стинъ переходитъ къ разбору положеній Петиліана, приводя ихъ цѣликомъ, или передавая ихъ мысль и сопровождая опроверженіемъ и разъясненіемъ. Не благоразуміе, не разсудительность руководила Петиліаномъ, а гнѣвъ на противника [1]), и это было причиною того, что онъ не могъ разсуждать корректно. Августиномъ же руководило желаніе истины, почему онъ начинаетъ разсужденіе съ апостольскихъ словъ, которыя подлинно истинны. Въ виду того, что Петиліанъ ставилъ Августину въ вину его прежнюю, дохристіанскую жизнь, Августинъ, начавши словами ап. Павла: „тако насъ да непщуетъ человѣцы, яко слугъ Божіихъ и строителей тайнъ Божіихъ“ (I Кор. IV 1), и приведши не мало текстовъ св. Писанія, говоритъ, что мы должны хвалиться не человѣкомъ, а Богомъ. Не оправдывая себя лично, онъ проситъ обратить вниманіе на тѣ великія дарованія Божія, которыя даны ему и раздаятелемъ коихъ онъ поставленъ, и не осуждать ихъ, хотя бы они содержались въ скудельномъ сосудѣ. Поэтому во всемъ томъ, что есть въ немъ хорошаго, подражать ему должна его паства, если только самъ онъ въ то же время подражаетъ Христу. Если же не подражаетъ, пусть не подражаетъ ему паства, уважая въ немъ все доброе и подражая ему, этому доброму, по слову Христа (Матѳ. XXIII 3). Дарамъ Божіимъ не могутъ вредить нравы злыхъ людей; поэтому нѣтъ основанія отдѣляться отъ грѣшниковъ раньше послѣдней жатвы, и слѣдовательно, донатисты виновны въ схизмѣ [2]), потому что, обращая главное вниманіе на достоинства человѣка, а не на цѣнность объективныхъ даровъ благодати, ради плевелъ въ Церкви отдѣлились отъ нея. Праведникъ долженъ духовно, т. е. жизнью, нравами, сердцемъ и волею отдѣляться отъ грѣшниковъ. Тѣлесное же разлученіе произойдетъ въ

---

[1]) С. II, 3. XV, 17.
[2]) С. II, 3.

концѣ міра. Господь знаетъ своихъ, и ангелы во время жатвы не ошибутся. А въ настоящей жизни наша обязанность терпѣть грѣшниковъ, не нарушать любви раздѣленіемъ и не разрывать любви гордостью и ссорой [1]). Чтобы кто нибудь не возразилъ, что этимъ онъ отвергаетъ всякое значеніе церковной дисциплины, Августинъ, на основаніи словъ ап. Павла (1 Θессал. V, 14—15), говоритъ, что своимъ разсужденіемъ онъ не отрицаетъ дисциплины. Напротивъ, онъ признаетъ, что не зло—наказаніе исправленія, когда на лицо важная вина, и исправители должны быть признаны не людьми, наносящими раны желѣзомъ, а врачами [2]). Твердый и заботливый служитель Христовъ не долженъ пренебрегать дисциплиной; важно разумно прибѣгать къ ней, чтобы не произвести соблазна. Но не нужно ради порочныхъ членовъ все таки отдѣляться отъ Церкви.

Обращаясь къ православнымъ, Августинъ отъ лица матери Церкви убѣждаетъ ихъ не слѣдовать примѣру донатистовъ и остерегаться проповѣдниковъ, которые, хвалясь свѣтомъ своего ученія и славою, будутъ отвращать ихъ отъ Матери Церкви, которая, по описанію книги Притчей, драгоцѣннѣе благороднаго камня. Люди не должны предпочитать авторитета Божественнаго ни авторитету проповѣдника, ни авторитету совершителя таинствъ, и поэтому каждый, по слову ап. (Галат. VI, 4—5.), долженъ наблюдать, прежде всего, за собой, помня, что каждый несетъ свое бремя, и каждый только за себя одного дастъ отвѣтъ Богу. Поэтому, сохраняя взаимную любовь и помогая другъ другу, люди будутъ исполнять законъ Христовъ. Поэтому, будемъ, говоритъ Августинъ, взаимно тщательно хранить единеніе духа въ союзѣ мира: кто собираетъ внѣ этого единенія, тотъ собираетъ не со Христомъ, а кто собираетъ не

---

[1]) С. Ш, 4.
[2]) С. IV, 5.

со Христомъ, тотъ расточаетъ [1]). Поэтому, также, не внимая ложнымъ провозвѣстникамъ Христова ученія, христіане должны держаться вселенской Церкви, распространенной по всей вселенной [2]).

Изъ дальнѣйшихъ словъ видно, въ чемъ Петиліанъ измѣнилъ свои прежнія мысли. Прежде онъ говорилъ, что „должно испытывать совѣсть дающаго, которая обмываетъ совѣсть принимающаго". Теперь онъ прибавляетъ: должно испытывать „свято" дающаго. Возражая на это неопредѣленное и противорѣчивое само въ себѣ положеніе, Августинъ утверждаетъ, что когда дается принадлежащее Богу, святое можетъ дать и не святая совѣсть, ссылаясь въ подтвержденіе этого на свой обычный примѣръ: слова Христа о фарисеяхъ (Матѳ. XXIII. 3.). Хотя вмѣстѣ растутъ пшеница и плевелы, хотя вмѣстѣ захватываются неводомъ добрыя и злыя рыбы,—однако различныя качества этихъ противоположныхъ типовъ, вліяющія на ихъ дальнѣйшую судьбу, не измѣняются отъ совмѣстнаго пребыванія съ этими противоположными типами [3]).

Относительно своей прежней жизни до крещенія, за которую укоряетъ его Петиліанъ, Августинъ говоритъ, что онъ не хочетъ защищать ея. Отрекаясь отъ нея и осуждая ея страсти и заблужденія, онъ ищетъ не своей славы, какъ дѣлаютъ донатисты, выдвигающіе человѣческій авторитетъ, но славы Того, Кто по Своей милости избавилъ его отъ нея. Да и самое обвиненіе Петиліана представляетъ собою сплошную ложь. Августинъ считаетъ излишнимъ говорить тѣмъ, кто знаетъ его, о томъ, что можетъ быть вѣдомо человѣку. Остается лишь то, что скрыто въ человѣкѣ, въ чемъ свидѣтельницей можетъ быть одна только совѣсть, которой

---

[1]) C. V, 6.
[2]) C. VI, 7.
[3]) C. VII—IX, 9—10.

люди не всегда довѣряютъ. Что касается до обвиненія въ манихействѣ, то Петиліанъ выноситъ его, основываясь на чужой совѣсти. Августинъ утверждаетъ противное, говоря по своей совѣсти. „Выбирайте, кому хотите вѣрить“—замѣчаетъ Августинъ [1]). Нападки Петиліана на личность Августина, можетъ быть, нѣсколько оправдываемыя основнымъ требованіемъ его *не логичной логики*, свидѣтельствуютъ лишь о его мелочности, когда онъ споры о такихъ важныхъ вещахъ, какъ Церковь, таинства, превращаетъ въ словопреніе о личности, предосудительномъ будто бы поведеніи Августина [2]), какъ будто въ этомъ все дѣло. „Я человѣкъ съ гумна Христова: если я злой, я—плевелы, если я добрый, я—пшеница. Но не языкъ Петиліана—вѣяльная лопата на гумнѣ“. На всѣ эти клеветы и нападки личныхъ враговъ Августинъ, подобно Христу, отвѣчаетъ мольбой о прощеніи ихъ, потому что они не знаютъ, что дѣлаютъ [3]).

Возвращаясь къ основному положенію Петиліана и разбирая нападки Петиліана, Августинъ снова даетъ характеристику Петиліана, говоритъ о его гордости, самопревознощеніи, о личномъ обвиненіи со стороны Петиліана въ томъ, что онъ, Августинъ не только принадлежалъ къ обществу манихеевъ, но даже былъ у нихъ пресвитеромъ; вспоминаетъ о томъ, что Петиліанъ воспользовался какимъ то письмомъ противъ Августина Мегалія еп. Каламы, хотя Мегалій потомъ, на соборѣ епископовъ, признался, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе, и потому просилъ извиненія; наконецъ, что особенно важно и интересно, опровергаетъ обвиненіе со стороны Петиліана въ литературной кражѣ и въ зазорной жизни на основаніи 3-й книги „Исповѣди“ Августина [4]). Верхъ нахальства и дерзости обнаруживаетъ

[1]) С. XI, 12.
[2]) С. XII—XIII, 13—14.
[3]) С. XII—XIII, 13—14.
[4]) С. XVI—XVIII, 19—21.

Петиліанъ, обходя мимо болѣе важные и принципіальнаго свойства вопросы и не распутывая созданныхъ имъ самимъ противорѣчій [1]), когда діалектическое искусство Августина называетъ искусствомъ лжи, упрекаетъ Августина въ софистикѣ, при помощи которой все можно представить въ какомъ угодно освѣщеніи, сравнивая Августина съ академикомъ Карнеадомъ, который могъ доказать, что снѣгъ черенъ, и что многоугольная башня кругла [2]), между тѣмъ какъ самъ Петиліанъ постоянно извращаетъ истину, приписывая свои собственныя слова и заблужденія своему противнику [3]). Прибавку, подобную прибавкѣ „свято“ [4]), онъ дѣлаетъ и далѣе, когда измѣняетъ свое прежнее положеніе: „кто получаетъ вѣру отъ невѣрующаго, тотъ получаетъ не вѣру, а осужденіе“, прибавляя: „кто *сознательно* получаетъ вѣру“ и т. д., чѣмъ думаетъ избѣгнуть указанныхъ Августиномъ противорѣчій; но на самомъ дѣлѣ онъ не только не избѣгаетъ прстиворѣчій, но впадаетъ еще въ большія. Августинъ передаетъ, далѣе, еще факты клеветы Петиліана на Менсурія, Цециліана, Макарія и его сподвижниковъ, а также на Августина, который будто былъ изгнанъ по приговору проконсула Мессіана, чего не могло быть по хронологическимъ соображеніямъ [5]).

Однимъ изъ важныхъ противорѣчивыхъ положеній Петиліана представляется утвержденіе, что если человѣкъ по незнанію („si ignoraret“) приметъ крещеніе и вѣру отъ недостойнаго служителя или проповѣдника, то это не вредитъ ему [6]). Виновенъ онъ будетъ тогда, когда сознательно приметъ вѣру отъ невѣрнаго. Если же такъ, если крещаемому

---

[1]) С. XIX—XX, 22—23.
[2]) С. XXI, 24.
[3]) С, XXII, 26.
[4]) См. с. VIII—IX, 9—10.
[5]) С. XXIV, 28, XXVI—XXVIII, 31—33.
[6]) С. XXV, 29—30.

не приноситъ никакого вреда нечестіе совершителя таинства (si ignoraret), то дѣти невинны, потому что они даже не могутъ знать о совѣсти крестившихъ ихъ; однако донатисты, не обращая вниманія на это, всегда перекрещиваютъ ихъ. Что же служитъ показателемъ и свидѣтелемъ святости человѣка, совершающаго таинство? Народъ не испытывалъ духовнаго состоянія Іоанна крестителя, какъ хотѣлось бы представить Петиліану. Онъ довѣрилъ его непосредственному свидѣтельству, а въ такомъ случаѣ можно ли спастись отъ лицемѣра? [1]). Съ бо́льшимъ правомъ, по замѣчанію самого Августина, Петиліанъ могъ бы сослаться въ доказательство своего положенія на слова ап. Павла: „пусть сначала испытываются, и такъ пусть служатъ, не имѣя никакой вины (1 Тимоѳ. III, 10). Хотя это правило, какъ имѣющее апостольское происхожденіе, и должно быть соблюдаемо, однако выполненіе его не гарантируетъ насъ отъ дурныхъ пастырей, потому что человѣку вообще свойственно ошибаться. Самъ Петиліанъ знаетъ много людей, которые, не смотря на видимую святость и праведность, были уличены потомъ въ явныхъ порокахъ [2]). Цѣлымъ рядомъ библейскихъ примѣровъ и свидѣтельствъ Августинъ доказываетъ свое положеніе, что крещеніе, совершается ли оно вѣрующимъ, или невѣрующимъ, всегда бываетъ дѣйствительнымъ и истиннымъ, вскрывая при этомъ крайне недоброкачественные пріемы Петиліана при толкованіи св. Писанія и игнорированіе имъ историческихъ фактовъ (случай съ Кипріаномъ, епископомъ Тубурзикубура и исторія Максиміанистовъ), говорящихъ не въ его пользу [3]). А разъ крещенію, совершенному внѣ Церкви, не вредитъ то, что оно совершено внѣ Церкви, то тѣмъ болѣе не вредятъ ему

---

[1]) C. XXIX, 34.
[2]) XXX—XXXII, 35—37.
[3]) XXXIII—XXXIV, 38—40, XXXVI, 42.

находящіеся въ Церкви грѣшники. А если такъ, то эти грѣшники не вредятъ и святости Церкви.

Но это, какъ было показано и раньше, не должно свидѣтельствовать о томъ, что Августинъ отрицаетъ значеніе и необходимость церковной дисциплины. На основаніи приводимыхъ Августиномъ примѣровъ, которые должны были хорошо быть извѣстны и Петиліану, Петиліанъ самъ могъ убѣдиться, что православная Церковь низлагаетъ порочныхъ [1]).

На основаніи же исторіи Максиміанистовъ, Августинъ доказывалъ, что донатисты сами признали, что сообщество съ порочными людьми, даже осужденными Церковію, не можетъ вредить святости ея. Максиміанисты были осуждены соборомъ, состоявшимъ изъ 310 епископовъ; тѣмъ не менѣе, донатисты приняли ихъ въ свое общество и признали дѣйствительными совершенныя у нихъ таинства крещенія и хиротоніи. Разъ донатисты не могутъ удовлетворительно объяснить этого факта, значитъ—совершенно не вѣрно ихъ основное положеніе, такъ какъ не доказано ими и не разъяснено положеніе, что крещеніе изъ-за какихъ то предателей погибло во вселенной [2]).

Письмо Петиліана заканчивалось сожалѣніемъ, что православные сдѣлались хуже, чѣмъ были раньше [3]).

Въ дальнѣйшемъ Августинъ старается утвердить и обосновать ту мысль, что крещеніе совершается Богомъ, и что напрасно донатисты обращаютъ такое вниманіе на нравственное достоинство служителей таинства, такъ какъ этимъ будто бы обусловливается дѣйствительность таинства. Доказательства прежнія, хотя нѣсколько варіируются [4]).

Въ заключеніи книги, ссылаясь на историческіе документы, свидѣтельствующіе о неправильности выводимыхъ

---

[1]) C. XXXVIII, 44.
[2]) XXXIX—XL, 45—47.
[3]) XLI, 49.
[4]) XLII—LVI, 52—68.

на православныхъ обвиненій въ предательствѣ [1]), и свои прежнія разсужденія, въ которыхъ логически опровергались эти обвиненія [2]), Августинъ еще разъ обращается къ православнымъ и донатистамъ съ просьбою внимательно разсмотрѣть и обсудить все, что сказано имъ противъ Петиліана, и быть безпристрастными судьями между нимъ и Петиліаномъ [3]).

Всматриваясь въ содержаніе даннаго сочиненія, мы видимъ, что оно страдаетъ отсутствіемъ строгой системы, хотя единство его выдержано. Защита отъ нападокъ Петиліана на личность Августина составляетъ какъ бы введеніе, а центральная часть вращается около основного положенія Петиліана, въ особенности около двухъ, внесенныхъ имъ поправокъ въ свои прежнія формулы: *„свято“ и „сознательно“*.

Въ то время, когда Августиномъ были выпущены въ свѣтъ только что разобранныя крупныя полемическія сочиненія, произошелъ слѣдующій случай, вызвавшій Августина на литературную борьбу. Августинъ часто произносилъ проповѣди противъ донатистовъ. Однажды, когда онъ произносилъ одну изъ такихъ проповѣдей, одинъ изъ донатистовъ, по имени Центурій, принесъ въ церковь, гдѣ произносилась проповѣдь, какія то сочиненія, направленныя противъ православныхъ, и по содержанію своему представляющія лишь сводъ текстовъ св. Писанія, собранныхъ во̀ едино. На эти сочиненія Августинъ отвѣтилъ письменно съ своей стороны сочиненіемъ, которое носило такое заглавіе: „Contra quod attulit Centurius a Donatistis, liber unus“ и начиналось такъ: „Dicis eo, quod scriptum est a Salomone: „Ab aqua aliena abstine te“. До нашего времени данное сочиненіе не сохранилось

---

[1]) LVII, p. 69.
[2]) LVIII, p. 70.
[3]) LIX, p. 71.

Упоминанія о немъ мы находимъ въ „Retractationes“ [1]) Августина и у біографа Августина—Поссидія [2]).

Итоги противодонатистской дѣятельности Августина.

Что же можетъ дать русскому богослову изученіе дѣятельности бл. Августина противъ донатистовъ? Для русскаго богослова болѣе всего имѣютъ значенія его полемическія сочиненія, хотя и практическая дѣятельность Августина можетъ служить образцомъ во многихъ отношеніяхъ. Какъ изъ богатой сокровищницы, изъ полемическихъ сочиненій Августина могутъ черпать содержаніе для своихъ работъ и догматисты, и юристы, и особенно полемисты съ расколомъ старообрядчества. Догматистъ можетъ почерпнуть много полезнаго для себя по вопросу о Церкви и таинствахъ. Августинъ много потрудился надъ выясненіемъ вопроса о свойствахъ Церкви, и въ его трудахъ вопросы: о вселенскомъ характерѣ Церкви (καθоличности) и святости Церкви получили надлежащее раскрытіе. Въ вопросѣ о καθоличности Августинъ стоялъ на территоріальной точкѣ зрѣнія, понимая подъ καθоличностью Церкви вселенскій характеръ ея, распространенность ея по всей вселенной, и этимологически производя слово „καθолическій“ отъ καθ' ὅλην γήν (sensus universalis, а не rationabilis). Можно, конечно, возражать противъ этого опредѣленія и пониманія καθоличности съ принципіальной точки зрѣнія, но если критиковать теорію блаж. Августина съ имманентной точки зрѣнія, то идея Августина выдержана имъ отъ начала до конца.

Въ вопросѣ о святости Церкви Августинъ не мало потрудился надъ разграниченіемъ, съ одной стороны, Церкви

---

[1]) Lib II, c. XIX. Migne t. XXXII, 638.
[2]) Vita Augustini Lib V, c. III, 7, Migne t. XXXII, 297.

идеальной и эмпирической—съ другой; въ Церкви эмпирической—между объективной святостью ея, какъ Божественной организаціи, и святостью ея, какъ собора святыхъ людей, ея членовъ.

Въ вопросѣ о таинствахъ Августинъ ясно проводитъ различіе между объективной и субъективной стороной таинствъ, между благодатью самой въ себѣ и ея дѣйственностью въ человѣкѣ въ зависимости отъ степени усвоенія ея человѣкомъ. Таинства крещенія и священства (о другихъ таинствахъ Августинъ въ полемикѣ съ донатистами не разсуждаетъ) святы сами по себѣ, благодаря Тому, Кто ихъ установилъ, такъ какъ Богъ присутствуетъ при евангельской формулѣ и освящаетъ таинство. Различіе между объективной и субъективной стороной таинства вело къ допущенію крещенія и хиротоніи даже въ еретическомъ обществѣ и къ признанію дѣйствительности совершенныхъ тамъ таинствъ. Дѣйствительность таинствъ не зависитъ отъ совершающаго, каковы бы ни были его заслуги, пороки, заблужденія, лишь бы была соблюдена форма таинства. Дѣйственность же таинства обусловливается нравственнымъ состояніемъ принимающаго ихъ. Поэтому, крещеніе, хотя и есть и должно быть признано истиннымъ даже въ еретическомъ обществѣ, вслѣдствіе чего оно не должно повторяться надъ крещеными еретиками при вступленіи ихъ въ Церковь, но тамъ оно не приноситъ пользы еретику, и начинаетъ приносить ему пользу тогда, когда онъ вступитъ въ единеніе съ Церковію и получитъ здѣсь даръ любви, безъ котораго ничто не приноситъ пользы человѣку. То же самое можно сказать и о таинствѣ священства („ordinatio“).

Правда, въ этомъ ученіи есть нѣкоторые пункты, которые могутъ навести на размышленіе и показаться соблазнительными. Мы разумѣемъ ученіе о дѣйственности крещенія, доведенное бл. Августиномъ до крайности. Утверждая, что

благодать крещенія можетъ быть и у еретиковъ и у раскольниковъ, онъ признаетъ, что она какъ бы связана и не приноситъ пользы еретику. Между прочимъ, онъ выражается такъ, что благодать можетъ простить въ моментъ совершенія таинства еретику, раскольнику, грѣшнику его грѣхи, но потомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, они могутъ возвратиться къ человѣку и парализовать дѣйствіе благодати.

Не проявляется ли тутъ, въ этомъ ученіи, чрезмѣрное уваженіе къ человѣческимъ силамъ, которыя способны связать всепобѣждающую благодать, и даже совершенно парализовать ея дѣятельность и уничтожить добрые плоды ея. Это ученіе какъ-то не вяжется съ послѣдующимъ ученіемъ Августина о благодати, раскрытымъ въ полемикѣ съ Пелагіемъ.

Но безъ этихъ крайностей ученіе Августина не только можетъ, но и должно занимать одно изъ видныхъ мѣстъ въ системахъ православнаго Богословія, какъ по соотвѣтствію съ духомъ обще-церковнаго ученія о таинствахъ, такъ и по полнотѣ его раскрытія.

Для юриста въ противораскольнической литературѣ блаженнаго Августина имѣетъ весьма важное значеніе вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству, частѣе, вопросъ о принужденіи въ дѣлахъ вѣры. Вопросъ этотъ былъ жизненно-практическимъ вопросомъ самого Августина. Можетъ быть, много было колебаній, сомнѣній, слезъ при рѣшеніи этого вопроса. Изъ разсмотрѣнія его противодонатистской дѣятельности не трудно усмотрѣть, что идея вѣротерпимости никогда не имѣла доминирующаго значенія въ сравненіи съ идеей принужденія. Въ душѣ, въ своихъ внутреннихъ душевныхъ переживаніяхъ, Августинъ стоялъ за идею вѣротерпимости, но на практикѣ, въ силу болѣе случайныхъ условій, онъ a posteriori измѣняетъ свой взглядъ. По его собственному признанію (93 письмо), первоначальнымъ его мнѣніемъ было то, что никого не слѣдуетъ принуждать къ

единенію Христову; что, наоборотъ, слѣдуетъ дѣйствовать словомъ, бороться увѣщаніемъ, побѣждать разумомъ. Но истинная вѣротерпимость не исключаетъ разумнаго принужденія. Она никогда не должна переходить въ равнодушіе, индифферентизмъ къ явленіямъ отрицательнаго свойства;— отсюда, прежде всего, огражденіе себя и своего вѣроисповѣданія отъ посягательствъ другихъ. Такъ было и съ Августиномъ. Прежде всего онъ *только защищаетъ*, оправдываетъ охранительные законы; затѣмъ (съ 404) *требуетъ* изданія охранительныхъ законовъ, сначала противъ политическихъ только преступниковъ, а потомъ и противъ еретиковъ, оправдывая изданіе этихъ законовъ, большею частію, на основаніи апостеріорныхъ выводовъ. На основаніи ихъ же онъ переходитъ и къ теоріи принужденія въ дѣлахъ вѣры. Плоды принудительныхъ законовъ Гонорія (405 г.) такъ поразили, можно сказать, ошеломили его, что онъ рѣшительно сталъ на сторону принужденія, оправдывая его *цѣлями* принужденія. Цѣль суровыхъ принудительныхъ законовъ, отнимающихъ свободу совѣсти, побуждающихъ приставать туда, гдѣ были право и сила, и карающихъ за противленіе волѣ сильнаго, есть исправленіе, спасеніе заблуждающихъ, у которыхъ, благодаря грѣху и его разслабляющему вліянію на человѣка, воля настолько ослабѣваетъ, что нуждается во внѣшнемъ руководителѣ. Отсюда, съ точки зрѣнія этой цѣли наказанія, намъ понятенъ протестъ Августина противъ смертной казни, какъ наказанія мщенія, а не исправленія.

Для юриста же имѣетъ весьма важное значеніе разсужденіе Августина объ авторитетѣ отцовъ и учителей Церкви и соборовъ, какое мы находимъ въ его сочиненіи „De Baptismo“ (Lib. II c. III, 4).

Важное значеніе сочиненій Августина противъ донатистовъ и его тактика въ отношеніи къ нимъ имѣютъ для полемиста противъ раскола старообрядчества, въ силу родства по духу этого раскола съ расколомъ донатистовъ.

Чтобы не быть голословнымъ, обратимся къ выясненію этого родства. „Расколъ донатистовъ, по отзыву Герике, есть типичнѣйшій расколъ древней церкви и норма сепаратизма для всякаго времени", „замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ церковныхъ расколовъ, оригиналъ, по которому до настоящаго времени строятся безчисленныя копіи" (Риббекъ) (Привед. въ сочиненіи „Расколъ Донатистовъ" Кутепова I стр.). Русскій расколъ старообрядчества, совершенно, конечно, непроизвольно, повторилъ расколъ донатистовъ, отличаясь отъ него только нѣкоторыми національными особенностями.

И тотъ и другой расколъ были явленіями чисто національными (Мы уже говорили, подъ какими вліяніями возникъ расколъ донатистовъ). Одна изъ главныхъ причинъ возникновенія раскола донатистовъ коренилась въ особомъ, національно-африканскомъ укладѣ религіозной жизни. Особый національно русскій укладъ религіозной жизни былъ причиною возникновенія русскаго раскола. Въ основѣ того и другого лежали оригинальныя извращенныя догматическія предпосылки, различающіяся по внѣшнему выраженію, но сходныя по духу, идеѣ. Преклоненіе предъ традиціей сыграло крупную роль въ образованіи той и другой схизмы. Донатисты были привязаны къ культу мучениковъ, который удовлетворялъ какъ нельзя болѣе укладу и запросамъ ихъ религіозныхъ настроеній. Русскіе были привязаны къ буквѣ, къ обряду, къ „азамъ", за которые готовы были отдать свою жизнь. Даже внѣшній поводъ, толчокъ къ образованію расколовъ одинъ и тотъ же. И тамъ и здѣсь—книги. Тамъ—выдача и сожженіе ихъ, влекущія за собою измѣну христіанству и вмѣстѣ съ тѣмъ порчу въ жизни Церкви, терпящей предателей. Здѣсь—исправленіе, порча книгъ, въ которой предки наши увидѣли измѣну православію, оскорбленіе чудотворцамъ русскимъ, душу свою спасавшимъ по этимъ книгамъ. И тамъ и здѣсь на происхожденіе раскола имѣли вліяніе чисто внѣшнія обстоятельства: личности (Це-

циліанъ и Никонъ) интриги (Люцилла и Морозова) и другія чисто внѣшнія и случайныя обстоятельства. Приверженность къ старинѣ, понимаемой въ специфическомъ для русскаго самосознанія смыслѣ, вызвала недовольство реформами Никона. Недовольство перешло въ прямой протестъ—и въ результатѣ тысячи народа отдѣлились отъ церкви и образовали свою собственную общину, общину если не идеально святую, какою считали свою церковь донатисты, то во всякомъ случаѣ болѣе-де совершенную, чѣмъ община никоніанъ, которая является въ глазахъ фанатиковъ царствомъ антихриста.

Съ церковнымъ сепаратизмомъ связанъ сепаратизмъ гражданскій. Сначала оба раскола жили одними религіозными идеалами и не обнаруживали отрицательнаго отношенія къ государству. Мы видѣли факты обращенія донатистовъ къ Константину Великому, Юліану и другимъ представителямъ свѣтской власти. Отрицательное же отношеніе къ ней началось послѣ того, какъ власть осудила расколъ и обнаружила попытку возсоединить раскольниковъ силою. Но въ Африкѣ было явленіе, подобнаго коему въ русской жизни не было. Разумѣемъ циркумцелліоновъ и африканскій пролетаріатъ, примкнувшихъ къ донатизму и защищавшихъ его палками и желѣзомъ. Русское старообрядчество никогда не было революціоннымъ движеніемъ земскихъ силъ противъ правительства. Русскій народъ консервативенъ по преимуществу. Въ русской головѣ не могла, повидимому, уложиться мысль—отказаться отъ богоучрежденной царской власти. И только обстоятельства—именно то, что въ религіозной сферѣ царь сталъ на сторону противниковъ старой вѣры и началъ преслѣдовать старообрядцевъ, было почвою, на которой сложилось ихъ ученіе объ антихристѣ. Раскольники тотчасъ же послѣ Собора 1667 г. провозгласили: „во время се нѣсть ни царя ни святителя“. Но раскольники никогда не выступали активно противъ свѣтской вла-

сти. Соловецкое сидѣніе обусловливалось не однимъ только этимъ факторомъ.

Результатомъ такого взгляда на власть, какъ гонительницу истинныхъ чадъ Церкви—по взгляду донатистовъ—и слугу антихриста—съ точки зрѣнія старообрядцевъ—было противленіе власти, болѣе активное у первыхъ и пассивное у послѣднихъ. Общимъ у тѣхъ и другихъ было пассивное сопротивленіе. Не имѣя возможности противостоять правительственнымъ войскамъ, и тѣ и другіе прибѣгали къ самоубійству, при чемъ для первыхъ обычною формою самоубійства служило низверженіе со скалъ, для старообрядцевъ же—самосожженіе. Въ данномъ отношеніи донатисты были фанатичнѣе старообрядцевъ. Послѣдніе прибѣгали къ самоубійству лишь въ случаѣ дѣйствительной необходимости. Донатисты же, въ особенности циркумцелліоны, изъ привязанности къ культу мученичества, были склонны искать смерти постоянно.

Наконецъ, сходство можно усмотрѣть еще и въ томъ, что оба раскола неминуемо должны были перейти въ ересь, причемъ для старообрядцевъ (безпоповцевъ) нѣтъ никакого выхода изъ создавшагося положенія вещей, такъ что они для своего оправданія, должны строить одно за другимъ новыя обоснованія своей доктрины. Въ существенныхъ чертахъ сходно ученіе того и другого раскола о Церкви, какъ обществѣ святыхъ, и о таинствахъ.

На основаніи представленныхъ параллелей не трудно установить, что можетъ полемистъ противъ раскола почерпнуть изъ твореній бл. Августина. Нужно только осторожно пользоваться сочиненіемъ „De Baptismo“, потому что защитники австрійской іерархіи могутъ воспользоваться нѣкоторыми положеніями въ свою пользу. Разумѣемъ разграниченіе Августиномъ „того, что дано, отъ того, что неправильно, незаконно дано“. Съ точки зрѣнія Августина, можно разсуждать такъ. Амвросій рукоположилъ кого-нибудь въ епи-

скопа. Правда, можетъ быть, онъ не имѣлъ права дѣлать этого. Но разъ онъ совершилъ рукоположеніе, оно должно быть признано истиннымъ, хотя и не законнымъ. Законнымъ оно будетъ тогда, когда рукоположенный въ расколѣ присоединится къ Церкви, и тогда, истинное и дѣйствительное само по себѣ, рукоположеніе будетъ признано законнымъ и Церковію.

Къ сожалѣнію, сочиненія Августина противъ донатистовъ, не смотря на всю ихъ важность, не переведены на русскій языкъ. Русское общество ожидаетъ этого отъ нашей Almae Matris.

ФУН
Е
Ос
Ака СССР